Викторъ Обнинскій.
Членъ 1-й Государ. Думы.

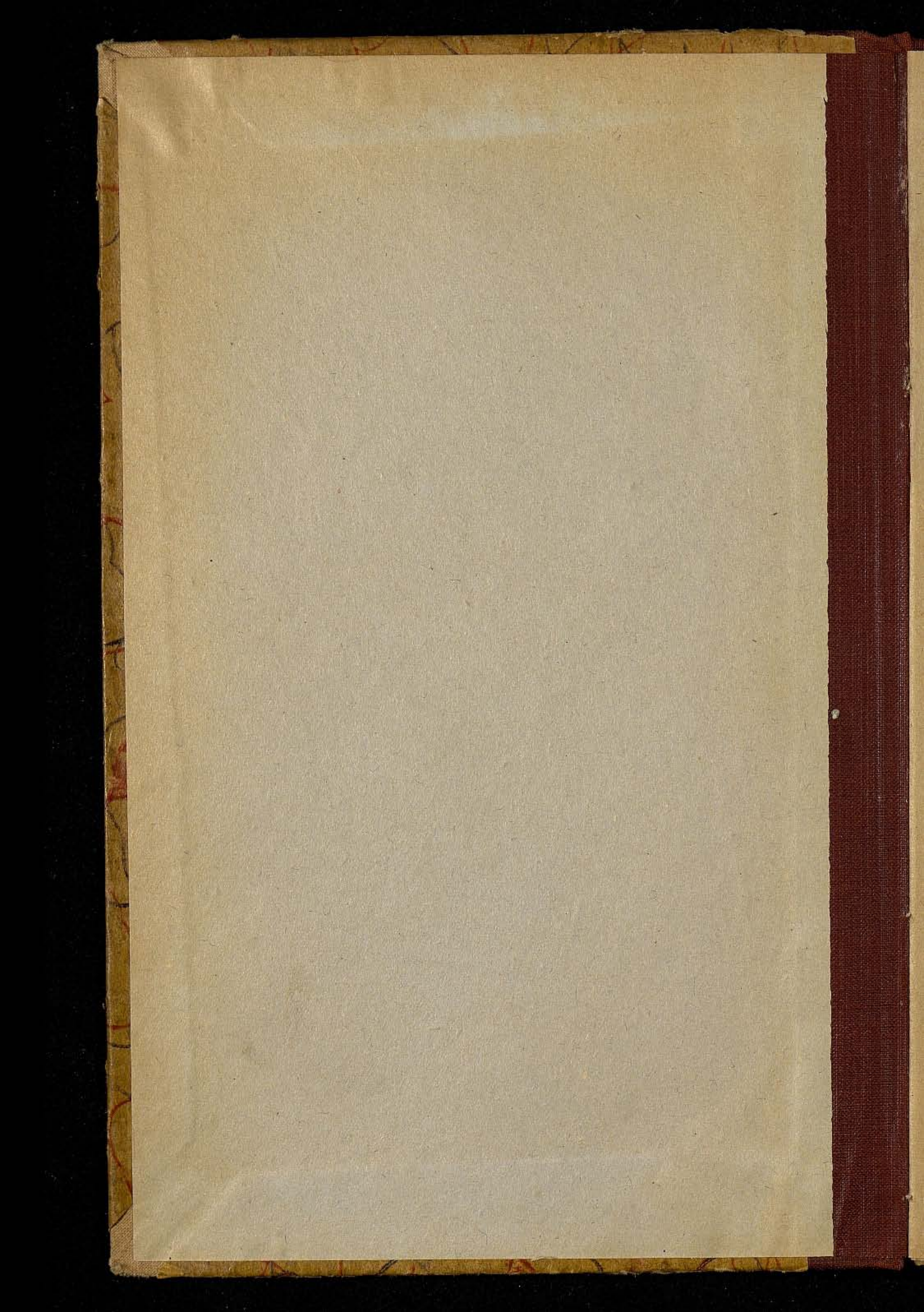
90 дней

ПОСЛѢДНІЙ САМОДЕРЖЕЦЪ.

Воспоминанія въ тюрьмѣ

Изданіе Т-ва Образованіе.

М., 1917



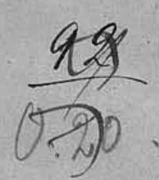
Викторъ Обнинскій
Членъ I-ой Государственной Думы.

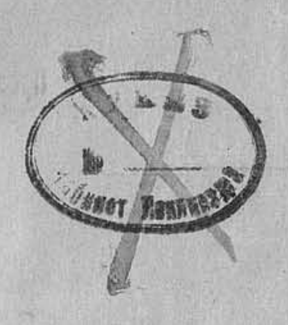
ДЕВЯНОСТО ДНЕЙ

ВЪ ОДИНОЧНОМЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ.

Тюремныя замѣтки.

Москва 1917.





Тип. «Общественная Польза» Москва, 3-я Твер.-Ям., 34.

„Тюремныя замѣтки“ написаны въ одиночной камерѣ № 84 московской тюрьмы, гдѣ авторъ отбывалъ наказаніе по дѣлу о выборгскомъ воззваніи. Дневная работа передавалась для чтенія въ камеру № 77, въ которой заключенъ былъ кн. Урусовъ, иногда отвѣчавшій небольшими записками.

Такимъ образомъ объясняется какъ форма книги-дневникъ, такъ и неизбѣжные при ней недостатки,—неравномѣрное распредѣленіе матеріала, незначительные анахронизмы и т. п.; не имѣя подъ рукой ничего кромѣ личныхъ воспоминаній и переживанія тюремныхъ впечатлѣній, авторъ и не могъ внести своей стройности, необходимой въ мемуарахъ историческаго характера.

Дневникъ предназначался сначала для изданія заграницей, а затѣмъ въ Россіи, но ни то, ни другое не было осуществлено по многимъ причинамъ при жизни автора.

Цѣнность дневника особенно въ настоящее время—ОГРОМНА. Авторъ раскрываетъ намъ цѣликомъ тѣ язвы, которыя разъѣдали нашу родину;—въ немъ онъ не щадитъ никого при чемъ всѣ лица названы здѣсь своими именами.

„Девяносто дней въ одиночномъ заключеніи“ это не дневникъ о тюрьмѣ въ которой томился авторъ, а ужасная повѣсть о русскомъ Государствѣ заключенномъ въ тюремныя тиски Романовыми.

Издатели.

3 іюня.

Недавно мой шестилѣтній сынишка, обиженный сестрой, которую мать собиралась за что посадить въ отдѣльную комнату, сказалъ:

„Мама, не запирай Муську! Лучше ударь ее, только не запирай. *Нѣтъ хуже, какъ лишить человѣка свободы.*“

Тюрьма представляется ему страшной. Когда при немъ какой то неосторожный „дядя“ заговорилъ о предстоявшемъ мнѣ заключеніи, мальчикъ сначала испугался и хотѣлъ заплакать, но подумавъ, замѣтилъ, какъ бы отвѣчая на свои опасенія: „Впрочемъ папа довольно сильный, онъ съ городовымъ справится“. Такъ нечаянно выяснилось, что для этого русскаго малыша тюрьма является какъ бы результатомъ единоборства свободнаго гражданина съ полицейскимъ.

Какъ бы то ни было, сегодня въ шесть часовъ вечера захлопнулась за мной массивная дверь, щелкнулъ замокъ и звяканье связки ключей у пояса надзирателя постепенно заглохло подъ высокими сводами корридоровъ, просѣкающихъ насквозь всѣ четыре этажа обширной тюрьмы, извѣстной подъ названіемъ „Каменьщиковъ“ и расположенной на одной изъ московскихъ окраинъ.

Сводчатая камера, длиной въ пять, шириной въ три аршина, заново выбѣлена; асфальтовый полъ, большое окно подъ потолкомъ, съ толстой желѣзной рѣшеткой, въ рѣдкія звенья которой смотрятся голубое небо, верхушки нѣсколькихъ тополей тюремнаго сада, да стаи голубей, купающихся въ жаркихъ лучахъ іюньскаго солнца; стрижи съ веселымъ, взвизгивающимъ крикомъ носятся вокругъ зданія съ ритмичностью маятника, и одинокій ястребъ недвижно стоитъ высоко въ воздухѣ, высматривая въ чьемъ то дворикѣ добычу; неумолчный грохотъ Москвы доносится сюда, какъ мягкій шумъ морского прибоя, подчеркивая тишину этого дома печали, сверху до низа набитаго людьми. Ее прерываетъ только изрѣдка сухое лязганье кандаловъ на уголовныхъ, выходящихъ на прогулку, да звонки изъ камеръ. Но тюрьма живетъ, и ея жизнь тоже оставляетъ по себѣ легкій, смѣшанный гулъ, къ которому ухо привыкаетъ такъ же быстро, какъ къ стрекотанью кузнечиковъ въ лѣтнюю

нору, ночью, когда все спитъ кругомъ. Этотъ гулъ идетъ изъ сотенъ открытыхъ оконъ, бѣжитъ по каналамъ вентиляторовъ и трубамъ отопленія, отражается отъ скучныхъ оградъ и вновь возвращается къ тюрьмѣ, не слышный тамъ, на волѣ, въ городѣ.

Здѣсь мнѣ предстоитъ провести девяносто дней и мнѣ хочется прежде, чѣмъ пояснить цѣль этого дневника, сказать о томъ, какъ протекаютъ, съ внѣшней стороны, эти дни для меня и моихъ товарищей по первой Государственной Думѣ.

4 іюня.

Мы живемъ всѣ въ одномъ корридорѣ, въ нижнемъ этажѣ тюрьмы; подъ нами, въ подвалѣ и наверху, еще въ трехъ этажахъ, живутъ многія сотни людей, такъ же изъятыхъ изъ обращенія' какъ и мы; они видимо не чуждаются насъ, и во время прогулокъ мы не слышимъ укоризненныхъ замѣчаній изъ оконъ, усѣянныхъ человѣческими лицами; хотя всѣмъ извѣстно, что политическіе арестанты содержатся въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ, чѣмъ уголовные; на насъ свое платье, мы легче получаемъ ванну вмѣсто бани, выписываемъ молоко и бѣлый хлѣбъ, вообще пользуемся своимъ „привиллегированнымъ" состояніемъ. Изъ бывшихъ депутатовъ здѣсь заключены: С. А. Муромцевъ, предсѣдатель перваго русскаго парламента, извѣстный цивилистъ и профессоръ московскаго университета; князь С. Д. Урусовъ, бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и земскій дѣятель; профессоръ московскаго университета Шершеневичъ; прив.-доцентъ того же университета Кокошкинъ; публицистъ В. Якушкинъ, А. Р. Ледницкій, одинъ изъ блестящихъ московскихъ адвокатовъ, князь Петръ Д. Долгоруковъ, товарищъ предсѣдателя Гос. Думы и другіе работники въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, народномъ образованіи, медицинѣ, агрономіи и публицистикѣ,—М. Д. Лебедевъ, М. Д. Лебедевъ, М. Г. Комиссаровъ, П. А. Садыринъ, В. С. Нечаевъ, Ф. И. Иваницкій и авторъ этого дневника. Въ камерахъ, совершенно одинаковыхъ, находится по столу и табуреткѣ, не привинченныхъ къ полу, что очень удобно; кровать, состоящая изъ толстой желѣзной рамы съ переплетомъ изъ негнущихся желѣзныхъ же полосъ, на которыхъ лежатъ тонкій матрацъ изъ небѣленнаго холста, набитый травой, такая же подушка, кусокъ холста и кусокъ сѣраго солдатскаго сукна—вмѣсто простынь и одѣяла, подымается къ стѣнѣ въ семь часовъ утра и опускается днемъ на два часа послѣ обѣда; извѣстная принадлежность камеры, такъ называемая „параша", прикрыта деревяннымъ ящикомъ и имѣетъ вытяжную трубу въ стѣнѣ, такъ что главное зло тюрьмы-смрадный запахъ, отсутствуетъ; насѣкомыхъ тоже нѣтъ и

захваченный мною порошокъ отъ нихъ оказался ненужнымъ; мѣдный кувшинъ и тазъ дополняютъ убранство. Въ двери устроенъ „глазокъ“,—на тюремномъ жаргонѣ „волчокъ“,—круглое отверстіе со стекломъ для надзора и откидывающаяся въ корридоръ полочка—для подачи пищи. День проходитъ такъ: въ половинѣ седьмого утра—повѣрка, обходъ дежурнаго офицера! черезъ четверть часа въ наши камеры приходятъ рабочіе, изъ уголовныхъ арестантовъ, со щетками и убираютъ ихъ,—вольность, которую мы позволяемъ себѣ скорѣй по инерціи, такъ какъ убрать и самому ничего не стоитъ; постели мы подымаемъ сами. Въ семь часовъ отворяется окошечко въ двери и, всегда съ одной интонаціей, раздается: „Вамъ кипяточку, баринъ, позвольте“... Подставляемъ чайники и завариваемъ чай; черезъ нѣсколько минутъ подается въ бумажкѣ бѣлая булка, затѣмъ бутылка молока. Въ полдень обѣдъ изъ двухъ блюдъ, такъ наз. „дворянскій“; готовитъ его кто нибудь изъ арестантовъ, и видно, что поваръ руководствуется больше вдохновеніемъ, нежели правилами кулинарнаго искусства; во всякомъ случаѣ немного найдется дворянскихъ желудковъ, способныхъ справляться съ этими произведеніями. Послѣ обѣда надзиратель отпираетъ кровать, и можно лежа читать или спать до двухъ часовъ; въ два часа опять слышится: „кипяточку“. Въ пять часовъ самый радостный моментъ,—прогулка; веселой гурьбой высыпаемъ мы на небольшой внутренній дворикъ, посреди котораго ростетъ чахлый кустъ сирени, теперь уже отцвѣтшій и чинно гуляемъ вокругъ этого куста подъ присмотромъ одного надзирателя и при сосредоточенномъ вниманіи верхнихъ этажей тюрьмы. Въ шесть часовъ третій кипятокъ, въ семь вечерняя повѣрка, и кровать опускается вновь, уже на всю ночь. Подъ потолкомъ зажигается лампочка, спать въ темнотѣ не полагается такъ же какъ не разрѣшается имѣть при себѣ ножницъ для ногтей, (ихъ приносятъ на время стрижки и опять уносятъ), ножей, зеркала, даже металлической суповой ложки; кто-то отточилъ такую ложку и зарѣзался ею, съ тѣхъ поръ и запретили. Бѣлья можно имѣть въ камерѣ лишь одну смѣну, туалетныя принадлежности за исключеніемъ одеколона. Чернила и перо мнѣ дали въ первый же день, книгъ своихъ я еще не получилъ. Бумага въ тетрадяхъ вся перенумерована, и я пишу дневникъ не на ней, для этого пригодятся упражненія въ англійскомъ языкѣ, который я собираюсь изучить здѣсь. Кокошкинъ изучаетъ шведскій языкъ, Шершеневичъ пишетъ ученое сочиненіе, Урусовъ занимается римскимъ правомъ, всѣ вообще торопятся использовать невольный досугъ для пополненія знаній. Правда если тюремныя стѣны, рѣшетки и замки охраняютъ міръ отъ

насъ, зловредныхъ общественныхъ элементовъ, то, въ свою очередь, они же охраняютъ и насъ самихъ отъ этого міра: и богъ вѣсть, что еще нужнѣе; я, по крайней мѣрѣ, за послѣдніе три года такъ укипѣлъ въ котлѣ, гдѣ варилась вся мыслящая Россія, что трехмѣсячный отдыхъ мнѣ казался недосягаемымъ блаженствомъ; поэтому я пока не чувствую лишенія свободы, это ощущеніе появится, вѣроятно, вмѣстѣ съ отдыхомъ. Что желаніе освободиться доминируетъ надо всѣми тюремными впечатлѣніями, я могъ убѣдиться даже не выходя изъ камеры; въ одолженной мнѣ пока книжкѣ разсказовъ Марка Твэна, просаленной до отвращенія прикасаться къ ней, но очевидно излюбленной арестантами, находится послѣ словъ—„прочелъ съ удовольствіемъ", ставшихъ у насъ какъ бы народной поговоркой вслѣдствіе неизмѣнныхъ помѣтокъ царя на адресахъ и докладахъ слѣдующее, наполовину поэтическое, наполовину грубоватое изліяніе: „Хорошо должно быть, теперь на волѣ,—солнышко свѣтитъ, вода капаетъ съ крышъ, снѣгъ таетъ, вороны каркаютъ, рубятъ дрова... Эхъ, мать честная, взорвать бы къ діаволу эту машину. Хорошо.

Уголовный.

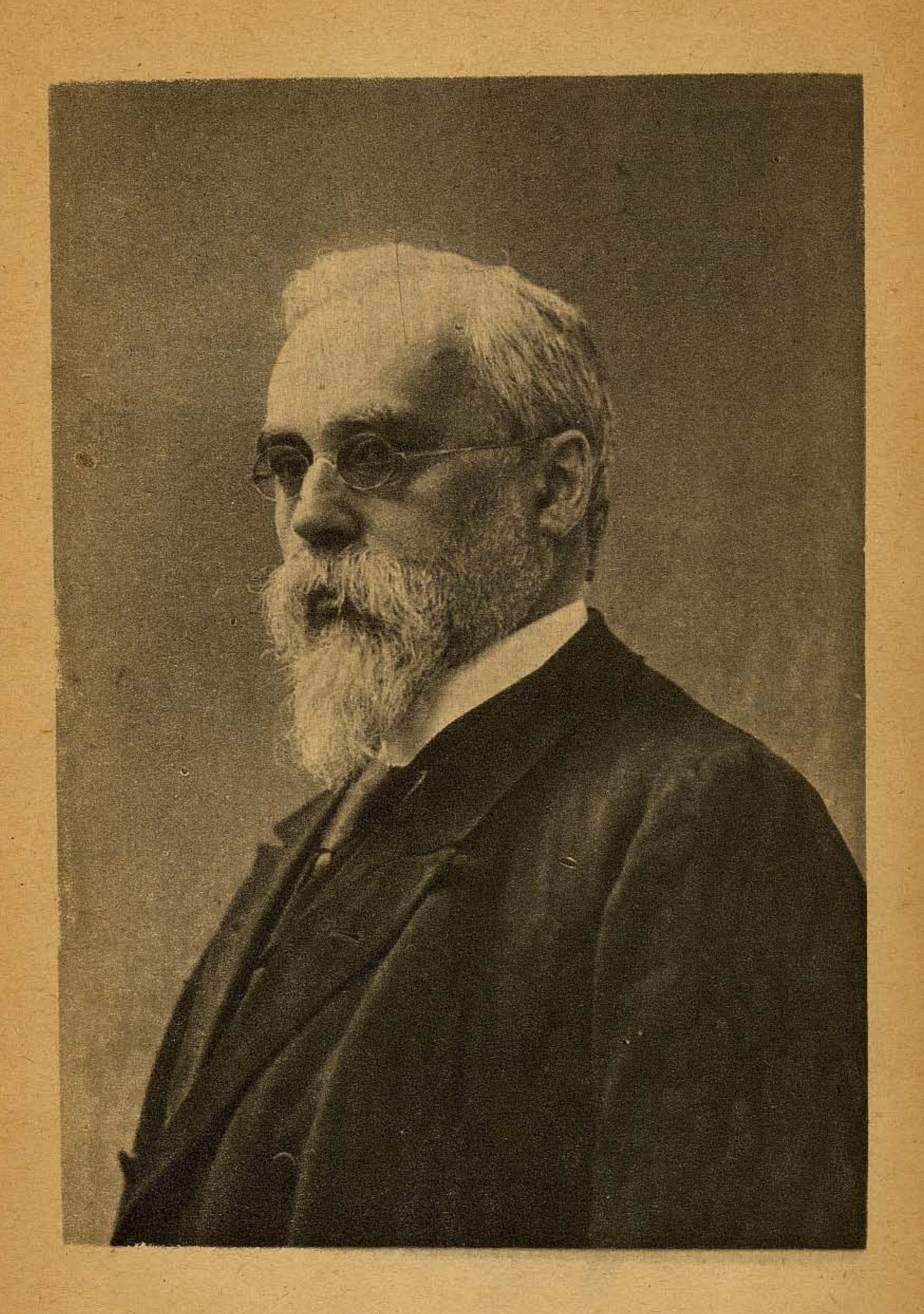
Какъ видно, максималистскія наклонности начинаютъ у насъ проникать даже въ сердца лириковъ. Въ другой книжкѣ, среди біографій реформаторовъ—Гусса, Лютера, Цвингли и Кальвина уже настоящій максималистъ сдѣлалъ слѣдующія помѣтки, указывающія, между прочимъ, на быструю смѣнчивость человѣческихъ настроеній; книжка тоненькая, всѣ помѣтки сдѣланы вѣроятно въ одинъ день; выписываю ихъ безъ комментарій:

Послѣ біографіи Гусса: „Иванъ Коломійцевъ, онъ же Ковальскій, арестованъ 21 іюня 07 г., 19 іюля былъ перевезенъ въ Петербургъ и черезъ шесть мѣсяцевъ обратно въ Москву. Обвиняется по 102 ст. (вскорѣ казненъ В. О.)·

Максималистъ.

Въ статьѣ о Мартинѣ Лютерѣ, послѣ имени папы Льва X-го, сноска и внизу куплетъ, выдающій, кажется, духовное происхожденіе автора, ибо нигдѣ такъ не развита подобная литература, какъ въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ, разсадникахъ будущихъ пастырей душъ:

„Папа Пій IX-й и X-й Левъ
Доппель-кюммель пили
И ласкали дѣвъ.
Даже передъ громомъ
Пьетъ Илья пророкъ



Сергѣй Андреевичъ
Муромцевъ.
Предсѣдатель 1-й Государственной думы

Гогель-могель съ ромомъ,
Иль чистѣйшій грогъ".

Кальвинъ навлекъ на себя особенный гнѣвъ легкаго на терпкія словца читателя и въ концѣ біографіи онъ предаетъ его анаѳемѣ, не замѣчая, повидимому, что впадаетъ въ ту же нетерпимость, которой отличается и разстроившій его женевскій реформаторъ. За то въ самомъ концѣ книги, Ковальскій пишетъ: „Боролись люди и геройски умирали за свои убѣжденія, мы теперь говоримъ:—да, вы герои, но гибли то вы чертъ знаетъ за что. Не скажутъ ли и на насъ когда-нибудь то же самое. Весьма возможно. А на с.-д. и с.-р. (соціалъ-демократовъ и соц.-революціонеровъ) уже и теперь говорятъ что то въ родѣ этого".

Эта потребность закрѣпить чѣмъ нибудь свое пребываніе въ тюрьмѣ живетъ, какъ видно, даже и въ осужденныхъ на казнь; что касается до уголовныхъ арестантовъ, то они, не стѣсняясь, вырѣзываютъ свои имена и произвища на столахъ и табуреткахъ, и мнѣ пріятно заявить гг. „Ушану" и „Ванькѣ Косолапому", которые „здесь сидели" до меня, что автографы ихъ цѣлы, не закрашены и отчетливо будутъ бросаться въ глаза еще не одному поколѣнію жильцовъ камеры № 84 московской губернской тюрьмы, а пожалуй доживутъ и до полнаго исчезновенія этой непріятной буквы „ѣ" изъ русской азбуки.

5 іюня.

Сегодня тюрьму обходилъ инспекторъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты и нашего начальства, спрашивалъ, всѣмъ ли довольны; хотѣлось сказать ему, что чувствую себя чудно, великолѣпно, но побоялся быть непонятымъ и ограничился простымъ „да".

На насъ смотрятъ здѣсь съ нескрываемымъ изумленіемъ; ожидали крамольниковъ, сварливыхъ. неугомонныхъ обличителей непорядковъ въ управленіи страной, людей, наконецъ, избалованныхъ общественнымъ вниманіемъ, и что же. Веселые, покойные, пожилые представители разныхъ профессій, всѣмъ довольные, благодарящіе за всякую полагающуюся услугу, подчиняющіеся всѣмъ тюремнымъ требованіямъ. Какъ слышно, и въ другихъ тюрьмахъ происходитъ то же. Даже и въ этомъ отношеніи неумный шагъ правительства отразился не тамъ, гдѣ нужно; въ тюремную атмосферу проникли новыя мысли, иные выводы и сопоставленія; коротко выразилъ общее настроеніе здѣсь одинъ изъ начальниковъ: „Мои товарищи, сидящіе уже три недѣли, передавали, что, по ихъ наблюденіямъ, ненависть къ существующему режиму нигдѣ такъ не сильна, какъ среди тюремной администраціи; она увеличена на всю сумму униженія,

которое испытываютъ люди, обязанные изъ-за куска хлѣба служить въ такихъ горькихъ мѣстахъ, какъ тюрьмы, переполненныя до краевъ дѣятелями освобожденія народа.

За долгую и разнообразную службу я также неоднократно убѣждался въ томъ, что на всѣхъ ступеняхъ административной лѣстницы встрѣчаются люди, которые ждутъ не дождутся времени, когда имъ можно будетъ стать просто честными исполнителями законовъ и своихъ обязанностей; которымъ не легко присматриваться къ ежеминутнымъ поворотамъ петербургскаго флюгера, прислуживаться къ непосредственному начальству, къ министрамъ и губернаторамъ, кривить душой при вынужденныхъ столкновеніяхъ съ тѣми, кто всю жизнь свою именно полагаетъ на водвореніи порядка вмѣсто царящаго въ Россіи хаоса.

Быть можетъ, не скоро дождусь я еще времени, когда можно будетъ спокойно вспомнить главнѣйшія событія послѣднихъ лѣтъ. Здѣсь, гдѣ нѣтъ ни звонковъ посѣтителей, ни типографскихъ корректуръ, ни обязательныхъ, хотя и негласныхъ засѣданій и рефератовъ, ни даже газетъ, задающихъ тонъ цѣлому дню и сбивающихъ мысль на злободневныя темы, здѣсь лучшее мѣсто для такихъ воспоминаній: толстыя стѣны тюрьмы не существуютъ для мысли; скорѣй ужъ сковываютъ ее обитыя шелкомъ и увѣшанныя драгоцѣнными блюдами и картинами стѣны дворцовъ и министерскихъ квартиръ. Да и самое тѣло мое, развѣ не безконечно свободнѣе оно здѣсь, на пространствѣ двухъ квадратныхъ саженъ, нежели выхоленные организмы современныхъ властелиновъ, и изъ нихъ болѣе всѣхъ русскаго царя, живущихъ въ оградѣ изъ пулеметовъ, въ вѣчномъ страхѣ покушенія снаружи и внутри зданія, безъ вѣры въ поваровъ, истопниковъ и самую дворцовую челядь... Но объ этомъ рѣчь будетъ дальше; я хочу только сказать еще немного о мемуарахъ, а въ частности о своемъ скромномъ дневникѣ. До сихъ поръ принято думать, что такого рода документы должны вылеживаться до полустолѣтія и больше, смотря по степени важности ихъ, или сенсаціонности. Ничто не можетъ быть, по моему, злополучнѣй этого взгляда, этой добровольно налагаемой на себя печати молчанія; я не говорю уже о томъ, что нѣтъ даже сравненія между европейской жизнью теперь, въ началѣ XX-го вѣка, и тѣмъ, что являла она собой еще сравнительно недавно. Невѣроятный расцвѣта техники и прикладныхъ наукъ долженъ былъ дать сильнѣйшій толчокъ всѣмъ человѣческимъ отношеніямъ, обострить болѣзненные процессы въ обществѣ и создать рядъ совершенно новыхъ явленій въ соціальной и политической жизни всего міра. Отъ зоркихъ глазъ освободившейся прессы не укрывается теперь ни одно событіе, ни одинъ даже самый

тайный документъ, и не здѣсь, такъ, у сосѣдей подвергается разбору и критикѣ современниковъ. Жизнь усложнилась, стала разнообразнѣй; черезъ мозговой аппаратъ человѣка проходитъ столько впечатлѣній, что я склоненъ думать, что онъ, аппаратъ этотъ, еще и не приспособился даже къ такому избытку эмоцій; общая нервность повышается, вызывая на крайнихъ предѣлахъ своего проявленія такое количество психическихъ заболѣваній и самоубійствъ, о какомъ не было слышно пять, десять лѣтъ назедъ. При подобныхъ условіяхъ работа правительствъ, политическихъ организацій и даже кабинетныхъ ученыхъ неминуемо должна ускоряться, дабы не стать ненужной, неинтересной, отсталой. Черезъ полстолѣтія могутъ измѣниться не только карта Европы, но и самыя основы народной жизни; собирать тогда, скажемъ, данныя, относящіяся къ эпохѣ освободительнаго движенія въ Россіи, можетъ и въ голову не притти, и этимъ будутъ заниматься, быть можетъ, только отдѣльные любители старины. Все нужно знать скорѣй, использовать во время, нужно слѣдующему поколѣнію представить не только осязаемыя послѣдствія своей работы, но по возможности и ея исторію. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать появленія въ печати такихъ историческихъ матеріаловъ, какъ мемуры кн. Гогенлоэ, (я не говорю объ ихъ относительной цѣнности,—она невелика) или „Матеріалы къ исторіи русской контръ-революціи“,—собраніе оффиціальныхъ данныхъ, немедленно изъятое изъ продажи,— или даже „Собраніе рѣчей императора Николая II-го“, перепечатанное изъ „Правит. Вѣстника“, тоже конфискованное; и т. д. Только при своевременномъ и обильномъ появленіи такихъ данныхъ можетъ работать, но сбиваясь своевременная научная мысль, только заблаговременно произведенная систематизація политико-статистическихъ матеріаловъ и выводы изъ нея могутъ облегчить задачи правительствъ, обязанныхъ сообразовать шаги свои съ равнодѣйствующей народной жизни. Прятать подъспудъ можно еще, съ грѣхомъ пополамъ, документы, могущіе дѣйствительно вызвать международныя осложненія, это—зло современнаго европейскаго строя, и съ нимъ нужно считаться. Но что сказать о воспоминаніяхъ рядовыхъ общественныхъ или политическихъ дѣятелей? Къ чему хранить ихъ для слѣдующаго поколѣнія, которое забудетъ и самыя имена авторовъ? И не полезнѣе ли, разъ онѣ записаны, отдать ихъ на судъ современниковъ, какъ отчетъ о своей работѣ, какъ предупрежденіе отъ сознанныхъ ими ошибокъ, какъ свѣдѣнія объ иныхъ персонажахъ, стоящихъ всегда на-виду, всегда интересующихъ массы уже однимъ существованіемъ на землѣ? Я не собирался писать мемуаровъ, ибо жизнь моя протекала въ скромной сферѣ,

и для тѣхъ немногихъ встрѣчъ съ сильными міра сего, какими подарила меня судьба, слишкомъ достаточно предстоящихъ мнѣ девяноста дней одиночнаго заключенія; участіе же мое въ нѣсколькихъ стадіяхъ освободительнаго движенія и служба въ разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ даетъ мнѣ нѣкоторое право подѣлиться своими наблюденіями съ тѣми изъ обычныхъ читателей мемуаровъ, кои интересуются какъ политическимъ движеніемъ въ Россіи, такъ и дѣйствительнымъ состояніемъ ея наканунѣ и въ началѣ революціи, по размѣрамъ своимъ, я это утверждаю, давно уже превзошедшей все, когда-либо бывшее въ этомъ родѣ, въ исторіи народовъ.

Я не буду систематиченъ; въ небольшой работѣ и не можетъ быть данъ сколько нибудь полный обзоръ событій послѣдняго времени; это будутъ самыя настоящія и простыя воспоминанія заключеннаго, идущія туда, куда приведетъ его каждый новый день и перемѣшанныя съ обычными тюремными впечатлѣніями. Я не могу также сообщить ничего сенсаціоннѣе того, что происходило и происходитъ теперь у всѣхъ на глазахъ, но за то я постараюсь не передавать на слѣдующихъ страницахъ ничего невѣрнаго, буду правдивъ съ начала и до конца этой безхитростной книги.

6 іюня.

Всѣ эти дни небо ясно, солнце печетъ и въ камерѣ становится совсѣмъ сухо и хорошо. Становясь на табуретку, я могу видѣть въ окно ближайшія крыши частныхъ домовъ, чердакъ чьего то сѣнного сарая; изъ его окна спускается въ сумерки женская фигура, за которой, минутъ черезъ пять, сконфуженно сползаетъ розовая рубаха, лохматая голова и сапоги бутылками, по которымъ въ Москвѣ всегда узнаешь кучера. Дальше тянутся до самаго горизонта силуэты фабричныхъ трубъ и церквей, большихъ и крохотныхъ, съ блестящими куполами. Сквозь зелень тюремнаго сада, въ которомъ гуляетъ лишь начальство, поблескиваетъ яркое золото Храма Спасителя, доминирующаго надо всѣмъ городомъ. Еще дальше, за темными контурами кремлевской башни, выступаетъ половина фасада прелестнаго зданія Румянцевскаго музея, красивѣйшей московской постройки. Характерно для Россіи, что имя творца этого архитектурнаго шедевра начисто было забыто, и его съ трудомъ откопалъ лишь недавно просвѣщенный и талантливый авторъ „Исторіи искусства въ Россіи“, художникъ И. Э. Грабарь.

Каждый вечеръ, лишь только солнце спускается за отдаленныя окраины города, повисаетъ надъ нимъ розовая дымка; она густѣетъ, густѣетъ, скрадываетъ одна за другой перспек-

тивы домовъ, колоколенъ и фабрикъ и наконецъ скрываетъ отъ меня весь видъ въ то время, какъ надъ тюрьмой голубѣетъ еще вечернее небо и тона зари сохраняютъ чистую нѣжность свою. Утромъ плотный туманъ испареній милліоннаго муравейника съ трудомъ поддается солнечнымъ лучамъ, и только послѣ полудня горизонтъ проясняется окончательно.

Мнѣ всегда казалось, что нѣчто подобное происходитъ и въ политической, и въ соціальной атмосферѣ большихъ городовъ. Разнообразіе интересовъ, знаній и состояній, обостренная борьба за существованіе, толкотня и уличный шумъ, торопливость въ мысляхъ, движеніяхъ и рѣшеніяхъ, общедоступность и смѣнчивость всякихъ извѣстій, выбрасываемыхъ въ толпу ежедневной прессой, чудовищные слухи въ простонародьѣ, пустыя бредни праздныхъ головъ въ политиканствующихъ кружкахъ,—все это создаетъ вокругъ истинныхъ задачъ, подлежащихъ неотложному рѣшенію, вокругъ самыхъ судебъ народа какъ бы туманъ, въ которомъ контуры вопросовъ теряютъ рѣзкость, а тамъ и вовсе стушевываются. Только грозы, подобныя той, что разразилась надъ нами недавно, очищаютъ этотъ застоявшійся воздухъ, только солнце свободы можетъ разсѣять окутывающій рабовъ туманъ; рабовъ правительства, рабовъ своихъ привычекъ, рабовъ своихъ вещей и земель, рабовъ приличій,—всѣхъ тѣхъ глубоко несчастныхъ, жалкихъ и мятущихся людей, что составляютъ огромное большинство городскаго, столичнаго населенія.

Сколько разъ чувствовалъ я себя такимъ рабомъ! Почти всю жизнь. Помню, какъ при производствѣ въ офицеры, начальникъ военнаго училища спросилъ меня: „А есть ли у васъ средства, чтобы служить въ императорскихъ стрѣлкахъ?“ У меня не было своихъ средствъ, а съ отцомъ я и не говорилъ о томъ, что получу право на выходъ въ гвардію, да еще въ одну изъ самыхъ блестящихъ ея частей; тѣмъ не менѣе я твердо отвѣчалъ, что средства имѣю, вышелъ въ императорскіе стрѣлки, и сколько, наряду съ хорошими воспоминаніями, гнѣздится во мнѣ горькихъ, всегда одинаково имѣющихъ матеріальную подкладку! Въ мое время, впрочемъ, (конецъ восьмидесятыхъ годовъ), служба въ этой части, расположенной въ Царскомъ Селѣ и числившей въ своихъ рядахъ всю мужскую половину императорской семьи, не была очень дорога; и командиръ, и офицеры располагали средними, а подчасъ и скромными достатками; но старыя традиціи отзывались еще сильно; въ извѣстные дни, какъ напримѣръ, въ храмовые праздники, полагалось устраивать блестящіе кутежи, съ хорами цыганъ, безмѣрными возліяніями Бахусу, празднества, длившіяся почти сутки и стоившія совер-

шенно не сообразованныя съ нашими кошельками суммы. Въ результатѣ офицеры были задолжены не менѣе теперешнихъ дворянъ землевладѣльцевъ, и не я одинъ конечно, имѣлъ ежегодныя бурныя объясненія съ родителями.

Въ отношеніяхъ начальства, особенно великихъ князей, проглядывали архаическія тенденціи; были живы старые князья Константинъ и Николай Николаевичи, говорившіе всѣмъ „ты", и нѣкоторые старые генералы цѣловали еще имъ руки, или въ плечо; Александръ III-й не позволялъ, впрочемъ, дѣлать этого, и самъ говорилъ уже всѣмъ „вы". Вскорѣ Константинъ сошелъ съ ума, впалъ въ дѣтство, смотрѣлъ картинки и катался съ докторами по парку, съ трудомъ поворачивая голову къ привѣтствовавшимъ его, по молчаливому знаку офицера, караулу на главной царскосельской гауптвахтѣ. Николай тоже сошелъ съ ума; о причинахъ его болѣзни ходили тогда самые фантастическіе разсказы, передавать которые здѣсь не мѣсто,—я не пишу памфлета; умеръ онъ въ большой бѣдности, разстроивъ свои дѣла не хуже любого гвардейскаго мота. Не долго спустя таже странная участь постигла и в. к. Михаила Николаевича, и посейчасъ живущаго на югѣ Франціи. Невольно вспоминается мнѣ опала на знаменитаго русскаго математика, Рощина, создавшаго якобы, путемъ какихъ то странныхъ исчисленій, формулу: Н. А. В. А. С., которой приписывали такое объясненіе: это начальныя буквы именъ сыновей Александра II-го; при чтеніи справа на лѣво получаются слова—„на васъ", обратно—„саванъ". Шутка ученаго была принята въ серьезъ, и онъ потерпѣлъ за нее. Но это лишь къ слову.

Армія русская переживала въ то время кризисъ. Отъ послѣдней турецкой войны отдѣляло насъ цѣлое десятилѣтіе, слава боевыхъ подвиговъ потускнѣла, пора было подумать о серьезныхъ реформахъ. Перевооруженіе пѣхоты и артиллеріи было произведено именно въ это время; малокалиберное ружье, представлявшее смѣсь французской системы и русскаго затвора, удовлетворяло, повидимому, новѣйшимъ требованіямъ; съ пушками дѣло было хуже, и ниже я буду еще говорить объ этомъ. Что касается до тактическаго обученія войскъ, то оно продолжало основываться на старомъ уставѣ, и я помню, какія неожиданности происходили на маневрахъ послѣ введенія бездымнаго пороха. Александръ III и въ личной жизни, и въ государственномъ хозяйствѣ преслѣдовавшій возможную экономію, упростилъ формы войскъ, чѣмъ послѣднія были недовольны. За это упрощеніе, не давшее, конечно, серьезнаго сокращенія расходовъ, такъ какъ введены были дорого стоящіе высокіе сапоги и барашковыя шапки, военный министръ, Ванновскій, получилъ

200.000 рублей въ награду, а всевозможные поставщики и интенданты основательно нажились на переодѣваніи солдатъ. Боевая аммуниція состояла изъ парусиновыхъ торбъ и, нужно правду сказать, при плохо сшитыхъ, мѣшкообразныхъ мундирахъ, армія производила незавидное впечатлѣніе. Александръ не любилъ военнаго дѣла и имѣлъ къ тому всѣ основанія; во время турецкой войны онъ былъ брошенъ со своимъ отрядомъ въ районѣ четырехъ турецкихъ крѣпостей, изъ которыхъ каждая могла раздавить несчастный рущукскій отрядъ цесаревича; говорятъ, тамъ и пилъ сильно будущій императоръ; начальникомъ штаба у него и былъ именно Ванновскій, необразованный, но честный служака николаевской еще школы. Судьба сохранила и отрядъ, и его командировъ, и впослѣдствіи благоцарный Александръ быстро вывелъ Ванновскаго въ министры. Съ нимъ вмѣстѣ воцарились рутина, бюрократизмъ и ихъ прямое послѣдствіе—хищенія всякаго рода. Но еще хуже было паденіе боевого духа арміи. Миръ не нарушался нигдѣ, и профессіональные воины все болѣе перерождались въ людей, только одѣтыхъ въ военное платье. Карьера дѣлалась не на поляхъ сраженій, а въ академіяхъ и гостиныхъ вліятельныхъ лицъ, а всего вѣрнѣе—вблизи императорской фамиліи. Смѣнившій Ванновскаго министръ, будущій печальный полководецъ на японской войнѣ, ничего не сдѣлалъ для пробужденія бодраго духа, не озаботился реформами, которыя могли бы занять офицерство и солдатъ. Маневры попрежнему походили больше на забаву, маршировка, ружейные пріемы и ротный строй по старому составляли цѣль многолѣтняго обученія солдатъ, канцелярія повсюду начала доминировать надъ боевой стороной военнаго дѣла и грянувшая восточная война оказалась не только расплатой за десятилѣтія реакціи во внутреннемъ управленіи страной, но и чисто военнымъ позоромъ, неслыханнымъ въ исторіи войнъ. Ни одного, хотя бы частичнаго успѣха на сушѣ, на морѣ за долгіе мѣсяцы компаніи, въ этомъ ужъ не одна реакція была виновата.

Изъ отдѣльныхъ начальниковъ моего времени стоитъ упомянуть о принцѣ А. П. Ольденбургскомъ; онъ былъ тогда единственнымъ живымъ человѣкомъ среди тучи манекеновъ военнаго вѣдомства. Къ сожалѣнію, вырожденіе коснулось и его и принцъ проявлялъ наряду съ кипучей и полезной дѣятельностью по постройкѣ, напримѣръ, зданія для института эксперименальной медицины, и чисто павловскія наклонности по отношенію къ подчиненному ему гвардейскому корпусу; никто не зналъ, какъ держать себя съ нимъ, чего ждать отъ него; можно было попасть на мѣсяцъ подъ арестъ за неправильно пришитую пуговицу и быть приглашеннымъ ни съ того, ни съ сего на обѣдъ

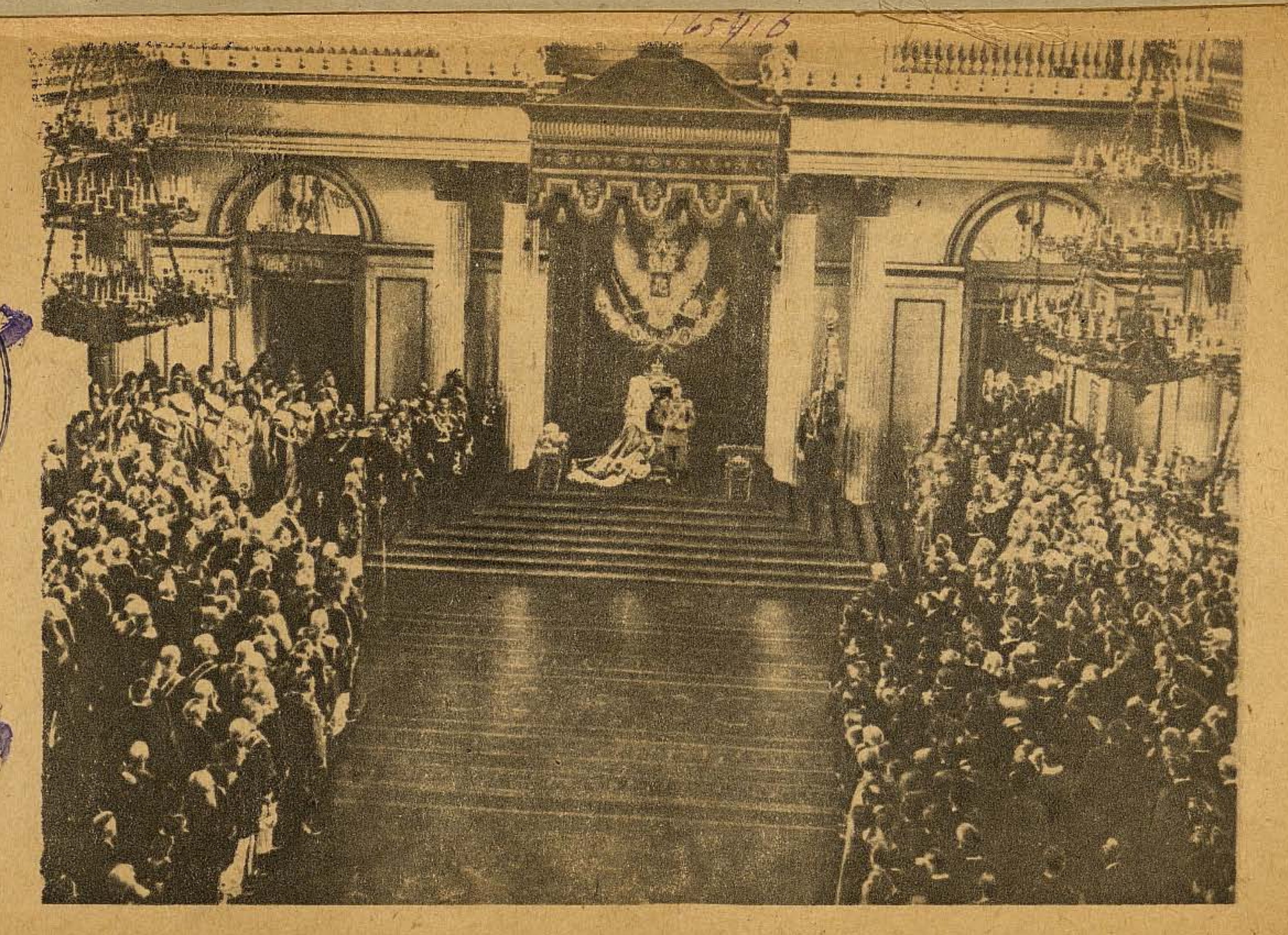
во дворецъ его, особенно, если офицеръ являлся къ нему съ зубной болью; принцъ, величавшій себя другомъ Пастера, лечилъ между прочимъ и зубы какими то магнетическими кольцами, щедро надѣляя ими всякаго желающаго. Тогда онъ дѣйствительно увлекался экспериментальной медициной, а въ особенности изобрѣтеніемъ противо-сифилитической сыворотки. Никогда не забуду такой сцены: возвращаюсь я, простой гвардейскій поручикъ, съ товарищемъ своимъ, Д., нынѣ предводителемъ дворянства и общественнымъ дѣятелемъ съ либеральнымъ оттѣнкомъ, тоже поручикомъ, въ Царское Село изъ Петербурга. Раннее утро. Въ вагонѣ холодно и неуютно. Вдругъ влетаетъ, какъ всегда, словно на пожаръ, принцъ Ольденбургскій, въ сопровожденіи адъютанта. Мы съ Д., ни живы, ни мертвы, вскакиваемъ, отдаемъ честь и ожидаемъ выговора, такъ какъ понятно отлучались въ Петербургъ безъ разрѣшенія нашего командира, добраго и благороднаго человѣка, генерала Евреинова. Принцъ просилъ сѣсть, а самъ помѣстился по ту сторону дивана. Черезъ минуту, когда поѣздъ тронулся, онъ вскочилъ съ мѣста, пересѣлъ къ намъ и началъ разсказывать, какъ будто мы все время провели вмѣстѣ, обсуждая ту же тему:

„Представьте себѣ,—началъ онъ,—привилъ я вчера одной обезьянѣ сифилисъ, нужно бы теперь ея мочу изслѣдовать; я съ горшкомъ бѣгаю за ней по всему дворцу,—хоть бы что! Пора ужъ на поѣздъ ѣхать, пришлось поставить горшокъ. Что жъ вы думаете: только поставилъ,-у. . . . . . съ проклятая обезьяна!“

Съ трудомъ удерживая смѣхъ, мы пожалѣли его высочество, доѣхали до царскаго Села и поспѣшили раньше его попасть въ манежъ, гдѣ черезъ часъ раздавался уже его неистовый крикъ и гдѣ багровое лицо его носилось изъ угла въ уголъ со скоростью вѣтра.

Въ другой разъ, возвращаясь по шоссе въ Петербургъ, принцъ обогналъ длинный обозъ, везшій дрова; ему приглянулись почему то лошади, и онъ купилъ ихъ, велѣлъ выпречь и свезть къ нему, бросивъ воза, хотя, вѣроятно, лошади вовсе не были нужны. Это неумѣнье обуздывать себя сказалось потомъ при устройствѣ „русской Ривьеры“ на кавказскомъ побережьѣ; несмотря на изобиліе отличныхъ мѣстъ для курорта, принцъ ухлопалъ въ Гаграхъ немало казенныхъ, т. е. народныхъ милліоновъ на постройку отелей и курзаловъ въ такомъ невѣроятномъ болотѣ, куда и за деньги больныхъ не заманишь. Теперь Ольденбургскій старъ, болѣзненъ, и характеръ его, повидимому, не измѣнился.

Тогда же, приблизительно, былъ высланъ заграницу в. к. Михаилъ Михайловичъ за странное преступленіе,—желаніе же-



Открытіе 1-й Государственной Думы въ Зимнемъ Дворцѣ.

ниться на любимой дѣвушкѣ, правда, не царскаго рода. Великіе князья могли развратничать, жить съ чужими женами, раздѣвать въ ресторанахъ француженокъ, предаваться всякимъ излишествамъ, но не нарушать фамильныхъ традицій. Александръ III-й былъ на это строгъ; къ тому же, онъ очень любилъ тетку свою, мать в. к. Михаила Михаиловича, просившую о строгомъ наказаніи сына. Молодой князь заграницей женился почему то не на той уже дѣвушкѣ, и принявъ фамилію графа Фонъ-Аморъ,-перелицеванная слово-Романовъ,-и по сіи дни влачитъ въ Европѣ свое существованіе ни павы, ни вороны.

Кастовый духъ вообще очень силенъ въ разросшейся роднѣ императора. Бывая на выходахъ, парадахъ и богослуженіяхъ во дворцахъ, я всегда наблюдалъ за неловкимъ положеніемъ, въ которомъ чувствовали себя графиня Богарне, теперь умершая, жена герцога Лейхтенбергскаго, рожденная Скобелева, и графиня Карлова, жена герцога Мекленбургъ—Стрелицкаго, рожденная Вонлярская; ихъ видимо дичились чистокровные представители царствущаго рода, всегда знавшихъ свои мѣста, ловко цѣловавшіе руку митрополита въ то время, какъ послѣдній прикладывался самъ къ высочайшей рукѣ, и вообще державшіе себя навиду огромной массы военной и чиновной публики совершенно непринужденно. Общее впечатлѣніе этихъ торжествъ было, однако, непріятно.

7 іюня.

Вчера заходилъ ко мнѣ библіотекарь тюрьмы, оказавшійся священникомъ, довольно привѣтливый человѣкъ, видимо недоумѣвающій, что можно сохранять бодрость въ каменномъ мѣшкѣ; вѣроятно большинство здѣшней его паствы настроено иначе, чѣмъ мы. На прогулкѣ передавали разныя новости о Гос. Думѣ о неудачномъ выступленіи реакціонера Шварца, министра народнаго просвѣщенія, о рѣзкомъ переходѣ послушнаго парламента къ оппозиціонности, а главное, о петербургскомъ слухѣ, что якобы намъ возвращаютъ избирательныя права и чуть ли не сокращаютъ срокъ пребыванія въ тюрьмѣ. Разговоры эти показываютъ, что мои товарищи по заключенію подходятъ къ тому моменту, когда даже самыхъ терпѣливыхъ начинаетъ тянуть на свободу ,—ихъ мѣсяцъ оказался достаточно длиннымъ. Въ качествѣ тюремнаго новичка, я недовѣрчивъ и смѣюсь, что вѣрно поторопятся выпустить насъ къ пріѣзду Фальера, да пожалуй пригласятъ, въ знакъ полнаго примиренія, и на придворный балъ.

Вспоминаются мнѣ и эти балы. Не знаю, какъ теперь, но двадцать лѣтъ назадъ придворные балы служили прекраснымъ

экзаменомъ культурности высшаго петербургскаго свѣта Не говорю о томъ, что пускались въ ходъ всевозможныя средства, чтобы попасть на балъ, а попавъ, подвертываться почаще на глаза великихъ міра сего; это—обычныя свойства людей, въ долголѣтней матеріальной зависимости отъ правительства или царя потерявшихъ чувство собственнаго достоинства; обычныя свойства профессіональной прислуги, одинаковой всюду, гдѣ сохранилась возможность ихъ проявлять,—въ Берлинѣ и Вѣнѣ не меньше, чѣмъ въ Петербургѣ. Но что было поразительно, такъ это стадная жадность на такія вещи, которыя у каждаго гостя и дома могли найтись. Дѣло въ томъ что вдоль большой прелестной залы Зимняго Дворца, гдѣ свободно помѣщалось тысячи двѣ человѣкъ, тянулся корридоръ, сплошь занятый открытымъ буфетомъ съ чаемъ, тортами, конфектами, фруктами и цвѣтами Считалось почему то, что маленкія придворныя карамельки въ простыхъ бѣлыхъ бумажкахъ отличаются особеннымъ вкусомъ; онѣ пересыпались другими сортами, не привлекавшими жаднаго вниманія приглашенныхъ; фрукты и же и цвѣты—самые обыкновенные, гіацинты, гвоздики, кое гдѣ ландыши, хорошія груши и яблоки, вотъ и все. Такъ забавно было смотрѣть, какъ увѣшанные звѣздами и лентами сановники и нарядныя дамы лавировали по залу, становясь такъ, чтобы и царскій выходъ не пропустить и къ дружной атакѣ буфета не опоздать. И вотъ, когда кончался третій туръ польскаго, и царская фамилія скрывалась на минуту въ сосѣдней комнатѣ, вся эта чиновная и военная знать кидалась, какъ дикое стадо, на буфеть, и во дворцѣ русскаго царя, въ концѣ XIX-го вѣка происходила унизительная сцана, переносившая мысль къ тѣмъ еще временамъ, когда, ради забавы, русскіе бояре кидали съ высокихъ крылецъ въ толпу черни мѣдныя монеты и пряники, любуясь давкой и дракой. Столы буфета трещали, скатерти съѣзжали съ мѣстъ, вазы опрокидывались, торты прилипали къ расшитымъ животамъ, руки мазались въ кремѣ и мягкихъ конфектахъ; хватали, что придется, цвѣты рвались и совались въ карманы, гдѣ все равно должны были смяться, шляпы наполнялись грушами и яблоками и черезъ три минуты нарядный буфетъ являлъ грустную картину поля битвы, гдѣ трупы растерзанныхъ сладкихъ пирожковъ плавали въ струяхъ шоколада, меланхолически капавшихъ на мозаичный паркетъ корридора. Величественные придворные лакеи, давно привыкшіе къ этому базару пошлости, молча отступали къ окнамъ и дожидались, когда пройдетъ порывъ троглодитскихъ наклонностей; затѣмъ спокойно вынимали *заранѣе приготовленные* дубликаты цвѣтовъ, вазъ и тортовъ, и въ пять минутъ приводили все въ

прежвій видъ, который и поддерживался до конца бала, такъ какъ начинались танцы, и отъ времени до времени царь проходилъ по корридору и заламъ, говоря по парѣ словъ знакомымъ ему чинамъ. Здѣсь въ старые годы, при Александрѣ II-мъ, можно было неожиданно и карьеру сдѣлать. Мнѣ разсказывалъ графъ Э. Э. Келлеръ, какъ онъ попалъ въ флигель адъютанты къ императору. У Келлера смолоду была особенность, одна половина бороды сѣдая, другая рыжая.

„Стою на балу,—разсказывалъ онъ,—въ корридорѣ; проходитъ царь и говоритъ:—Когда это ты, Келлеръ, сбреешь наконецъ свою бороденку?—Я, не долго думая, бѣгу въ комнату перваго попавшагося придворнаго лакея, прошу бритву, наскоро сбриваю бакенбарды и опять являюсь въ залу. Снова проходитъ Александръ, взглядывается въ меня:—Ты, Келлеръ?—Такъ точно, Ваше Императорское Величество.—Поздравляю тебя флигель—адъютантомъ."

Келлеръ былъ талантливый человѣкъ въ его харктерѣ было много рыцарства такъ что на этотъ разъ въ свиту попалъ хорошій офицеръ. Впослѣдствіи онъ былъ губернаторомъ въ Екатеринославѣ и, видя, что не можетъ управлять бродившей какъ молодое вино губерніей, ибо революція начиналась, просился на све мѣсто, въ строй на войну. Тамъ получивъ въ командованіе корпусъ съ такимъ составомъ генераловъ, который обезпечивалъ пораженіе, Келлеръ написалъ Куропаткину трогательное письмо, прося взять у него корпусъ и дать ему хотя бы самый незначительный постъ, бригаду, что ли; но этого нельзя было сдѣлать по формальнымъ причинамъ и говорятъ, что отчаявшійся Келлеръ, бывшій лично безстрашнымъ, сталъ искать опаснаго мѣста въ первомъ же бою, что бы быть убитымъ, одѣтый для лучшей цѣли стрѣлковъ въ бѣлый китель. Желаніе его исполнилось.

Въ другой разъ Александръ II шелъ по Лѣтнему Саду, зимой; тамъ дѣлались для гуляющихъ высокіе мостки; навстрѣчу попался Прескоттъ, тогда еще молодой саперъ, огромнаго роста; чтобы дать дорогу царю, Прескоттъ сошелъ съ мостковъ, увязъ по колѣна въ снѣгу и всетаки оказался выше Александра, который за *это* и взялъ его въ свиту (слышалъ отъ Келлера (В. О.)

Александръ III былъ, наоборотъ, очень скупъ на такіе знаки вниманія. Единственный разъ, когда сынъ туркестанскаго генералъ—губернатора Кауфмана, привезъ ему извѣстіе о побѣдѣ при Кушкѣ, такъ недолго отдалившей возможность анго-русскаго сближенія, царь поздравилъ молодого артиллериста флигель-адъютантомъ, но и то неудачно; вскорѣ Кауфманъ былъ избитъ въ загородномъ кабакѣ какимъ то дюжимъ армейскимъ

офицеромъ за то, ли, что приставалъ къ его дамѣ, или хотѣлъ войти въ его кабинетъ, не припомню, и предпочелъ самоубійство дуэли и исключенію изъ свиты. Составъ свиты потомъ измѣнился, и мнѣ придется еще упоминать о ней, поэтому вернемся на минуту на балъ.

Котильонъ подходитъ къ концу, скоро ужинъ; для трехъ тысячъ человѣкъ все сервировано въ нѣсколькихъ большихъ залахъ; танцующіе имѣютъ привилегію на такъ называемый „золотой" залъ, съ золочеными колоннами, гдѣ на небольшомъ возвышеніи стоитъ и царскій столъ, покрытый цвѣтами. Еще задолго до открытія дверей въ этотъ залъ, возлѣ нихъ начинаетъ толпится народъ, преимущественно дамы, старые генералы и тѣ изъ нетанцующей молодежи, кто знаетъ, что въ золотомъ залѣ посвѣжѣе провизія,—ибо приготовить большой ужинъ на три тысячи душъ даже и придворная кухня не можетъ меньше, чѣмъ въ три, четыре дня. Попалъ и я разъ, признаться, въ эту толпу, влекомый желаніемъ получше поѣсть. Со всѣхъ сторонъ окружали меня женщины въ открытыхъ бальныхъ туалетахъ, притомъ исключительно пожилыя; недостатки бюстовъ возмѣщались искуснымъ размѣщеніемъ наличнаго матерьяла на какихъ то полочкахъ, которыя я поневолѣ созерцалъ, будучи выше ихъ ростомъ, спины, покрытыя прыщами и припудренными пятнами старческой экземы, острый запахъ пота, не заглушаемый никакими духами,--все это создавало атмосферу лисятника, а не дворца; наконецъ мнѣ просто стало больно, такъ напирали со всѣхъ сторонъ. Градоначальникъ Грессеръ, погибшій впослѣдствіи отъ впрыскиванія себѣ какой то молодящей жижи, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ заслонялъ своей огромной фигурой заповѣдную дверь и тщетно призывалъ дамъ не тискаться. Но вотъ замеръ послѣдній звукъ музыки, Грессеръ распахнулъ дверь и немедленно былъ сшибленъ съ ногъ потокомъ женскихъ тѣлъ, стремившихся занять мѣста за столами. Я сконфуженно побрелъ въ сосѣдній небольшой залъ, нашелъ знакомаго секратаря китайскаго посольства, г. Ли, и весело съ нимъ поужиналъ. Съ той поры я въ этотъ залъ не ходилъ.

Нѣчто подобное происходило однажды въ иной обстановкѣ. Хоронили въ Сергіевой Пустыни, подъ Петербургомъ, одного изъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ; стоялъ лютый морозъ, и мы то и дѣло бѣгали отъ своихъ ротъ въ трапезную монастыря, гдѣ монахи приготовили завтракъ à la fourchette, содравъ съ герцогской родни по двадцать рублей за каждаго офицера. Но чего тутъ только не было! Всевозможныя кулебяки, съ рыбой, грибами, кашей, маринованные отборные грибки, икра, саженные

осетры, длинныя батареи бутылокъ, настоекъ и водокъ, пироги съ вареньемъ,—всего въ изобиліи. Со стѣнъ смотрѣли строгіе лики сѣдыхъ отшельниковъ и святыхъ, скромныя деревянныя скамьи были сдвинуты въ сторону и въ монастырской трапезной, при зажженныхъ у образовъ лампадахъ, десятки офицеровъ, въ шапкахъ и при оружіи, пировали вперемежку съ жирными монахами, незамедлившими напиться раньше гостей; крѣпкія слова и такіе же анекдоты висѣли въ воздухѣ, еще не освободившемся отъ постнаго запаха.

Вспомнилъ я тогда и прошлое другого монастыря того же названія, знаменитой Троице—Сергіевой Лавры, нѣкогда владѣльца ста тысячъ душъ крестьянъ, описанное Пыляевымъ: „Одной водки братія истрачивала ежегодно три тысячи ведеръ. Каждому монаху *ежедневно* отпускалось: бутылка хорошаго кагора, бутылка пѣннаго вина, (водки), по ковшу меда, пива и квасу. За всенощную службу въ южный и сѣверный алтарь приносились ведра съ пивомъ, медомъ и квасомъ, для подкрѣпленія пѣвчихъ, и т. д.“.

Едва ли порядки эти измѣнились теперь въ сторону аскетизма, и вотъ, между прочимъ одна изъ причинъ, почему черное духовенство (монахи) такъ затягиваетъ созывъ церковнаго собора, предписанный царемъ въ особомъ указѣ вотъ уже два года назадъ, особенно протестуя противъ участія въ немъ мірянъ и противъ гласности. Отдѣленіе церкви отъ государства, въ Россіи, быть можетъ, болѣе необходимое, чѣмъ гдѣ либо, страшитъ нашъ синодъ сильнѣе всякихъ революціонныхъ вспышекъ.

Только разъ испыталъ я высокое эстетическое наслажденіе въ отталкивающей придворной сферѣ. На сценѣ эрмитажнаго театра ставили „Бориса Годунова“, часть извѣстной трилогіи гр. А. К. Толстого. Боясь что придется шить на свой счетъ костюмъ, что было бы не по средствамъ, я уклонился отъ участія въ спектаклѣ, къ коему были привлечены гвардейскіе офицеры, и попалъ въ число зрителей. Это была сплошная феерія. Mise en scene была такова, что несмотря на участіе однихъ офицеровъ, великихъ князей и княженъ, у каждой кулисы стояли часовые съ ружьями, чтобы охранять вещи; все было подлинное, изъ сокровищъ Эрмитажа. Огромные серебряные шахматы, старинное оружіе, малахитовые столы, осыпанныя драгоцѣнными камнями и жемчугомъ одежды, золотая посуда, древнія скатерти,—все это въ обстановкѣ, воспроизведенной лучшими художниками, создавало иллюзію стараго великолѣпія царскихъ палатъ и обихода. Припоминаю, какъ в. к. Павелъ Александровичъ, игравшій принца шведскаго Христіана, и бывшій очень красивымъ, все

время инстиктивно хватался за поясъ, замкнутый драгоцѣннымъ камнемъ необычайной величины и цѣнности, боясь потерять его.

Въ то время большинству изъ насъ, будущихъ политическихъ арестантовъ, и въ голову, конечно, не приходило анализировать происхожденіе всѣхъ этихъ сказочныхъ богатствъ, сопоставлять ненужную роскошь дворцовъ и убожествъ крестьянскихъ лачугъ; но мнѣ скоро пришлось подумать объ этомъ. Послѣ неудачнаго экзамена въ военно-юридической академіи, я вышелъ въ отставку и вскорѣ послѣ описаннаго спектакля отправился „на голодовку" въ пензенскую губернію, куда призывали меня друзья для совмѣстной работы по оказанію помощи голодающимъ крестьянамъ. Эта поѣздка и опредѣлила дальнѣйшую мою судьбу. Я началъ такимъ образомъ относится сознательно къ окружающему, когда мнѣ было 24 года, и эти страницы служатъ не только бѣлой характеристикой послѣдней эпохи, обнимающей двадцать лѣтъ русской жизни, но какъ бы и отчетомъ въ томъ, какъ репировалъ на извѣстныя событія средній, вполнѣ дюжинный русскій гражданинъ. Впрочемъ въ описываемое время даже самое слово „гражданинъ" могло показатся опаснымъ и правительственные акты и обиходъ выработали для этого болѣе подходящее выраженіе: „обыватель". Мы могли жить и дышать, а все остальное лежало на „усмотрѣніи" вездѣсущаго и предусмотрительнаго начальства; и такое, въ сущности ничего не выражающее понятіе такъ же часто встрѣчалось въ распоряженіяхъ правительства. До современнаго произвола и анархіи было, однако, далеко. Поэтому, вѣроятно, и частная организація помощи голодающимъ не встрѣчала въ 1891-2 г.г. тѣхъ препятствій, что ставились ей чиновниками впослѣдствіи.

Начальство было, посвоему право. Боясь какъ огня всякой самодѣятельности, бодрствованія, и поощряя лишь „бытіе", оно разсуждало, примѣрно, такъ:. Голодъ сталъ явленіемъ постояннымъ, вошелъ въ обиходъ русской жизни; значитъ и организаціи станутъ постоянными, а тамъ незамѣтно запутаешься съ ними и до конституціи.

Я не буду долго останавливаться на происхожденіи русскихъ голодовокъ Совпаденіе начала ихъ хроничности съ переходомъ нашего бюджета за милліардъ рублей и параллельный ростъ того и другого, казалось бы, лучше календарей и метеорологическихъ изысканій указываетъ на основную причину голода. Нисщее населеніе не можетъ оправиться, разъ изъ него высасываются деньги годъ отъ году все въ большомъ количествѣ. Жестокій психологическій, законъ, загоняющій людей въ кабаки всего сильнѣе именно въ голодные годы, въ свою оче-

редь помогаетъ казнѣ набивать золотомъ кладовыя казначейства и окончательно обездоливать населеніе, разоряя и развращая его, способствуя появленію будущихъ поколѣній, ослабленныхъ алкоголизмомъ ихъ отцовъ.

Мнѣ довелось, такимъ образомъ, прикоснуться къ одной изъ страшнѣйшихъ язвъ русской жизни,—я попалъ въ голодающій уѣздъ губерніи, которую недавно еще видѣлъ цвѣтущей и заставленной прошлогодними скирдами тяжелаго золотистаго хлѣба.

Среди 700 дворовъ большого села С-ки не было ни одного сытаго. Мой знакомый крестьянинъ, нѣкогда владѣлецъ нѣсколькихъ лошадей и коровъ, всегда хорошо одѣтый, былъ найденъ на полѣ безъ чувствъ отъ истощенія, возлѣ понуро стоявшей тощей лошади, не могшей тащить легкой бороны; самолюбіе не позволило этому человѣку обратиться къ намъ за помощью, а мы ничего не знали о его нуждѣ, полагая его все еще зажиточнымъ. Я видѣлъ брошенныхъ родителями, безвѣстно скрывшимися, маленькихъ дѣтей: онѣ лежали въ оврагѣ, видимо обреченныя смерти. А дѣти и взрослые, распухшіе отъ голода, мертвенно синяго цвѣта, попадались почти въ каждой избѣ, равно какъ больные тифомъ и трахомой; послѣдняя особенно сильно развита была среди татарскаго населенія, съѣвшаго своихъ лошадей, отъ мяса которыхъ, какъ говорили, и болѣли ихъ глаза. Лошади и коровы почти ни во что не цѣнились; на базарахъ давали за нихъ два, три рубля, а мелкій скотъ оплачивался копейками. Было проѣдено и продано все, включительно до тѣхъ платковъ и холстовъ, которые русскія крестьянки берегутъ на случай смерти, чтобъ быть положенными въ гробъ во всемъ новомъ. Зима стояла необычайно суровая, морозы въ 25—30 градусовъ были не рѣдкостью. И вотъ въ такую то стужу тянулись къ намъ на пунктъ со всѣхъ сторонъ участка за 30—40 верстъ почти раздѣтые люди. Особенно жалки, даже страшны были татары: они продолжали, согласно своей религіи, брить головы а шапки продали и проѣли; поэтому приходили съ головами, обернутыми мѣшками, а возвращались уже въ однихъ „тюбейкахъ“ (легкихъ плоскихъ шапочкахъ). Всѣ вообще просили давать имъ вмѣстѣ съ зерномъ и сѣмена сорной травы, лебеды, которую мѣстный помѣщикъ обмолотилъ для безплатной раздачи; въ другихъ мѣстахъ ее продавали, и цѣна на эту вредную для здоровья траву стояла до 2—4 рублей за четверть. Отсыпавъ въ небольшой мѣшочекъ чистаго зерна для дѣтей, крестьянинъ дополнялъ большой до краевъ лебедой и брелъ во свояси 20—40 верстъ, пошатываясь подъ грузомъ, который легко могъ бы снести здоровый юноша. Необычайное количество мышей и

волковъ вывелось въ этотъ годъ, довершая общее бѣдствіе. И въ такое то время С-ка оставило въ мѣстномъ кабакѣ за одну только недѣлю масленицы больше двухсотъ рублей деньгами, не говоря уже о заложенной одеждѣ и обуви! Это обстоятельство особенно поразило пріѣхавшаго по порученію правительства чиновника, какъ ихъ тогда называли—„уполномоченнаго", чахоточнаго, милаго старика, Озефовича. Ему сопутствовалъ г. Осмъ, молодой человѣкъ, служившій въ Гос. совѣтѣ и нынѣ занимающій тамъ высокій постъ. Юзефовичъ почти не сходилъ съ постели, а Осмъ самъ признавался, что впервые въ жизни видитъ избы, сани, настоящихъ крестьянъ. Эти люди были, однако, снабжены полномочіями, должны были давать отчетъ центральному правительству и ихъ сужденія имѣли рѣшающее значеніе. Были ли опытнѣе уполномоченные другихъ губерній, не знаю, но наши, по крайней мѣрѣ, относились къ намъ съ довѣріемъ и не мѣшали работѣ.

Эта зима относится къ мрачнѣйшимъ страницамъ моей жизни, и я прошелъ на голодѣ курсъ, далеко превосходившій то, что, въ смыслѣ выработки міросозерцанія, могла мнѣ дать военная академія. Поставленный смолоду на военно-судебные рельсы, я могъ докатиться по нимъ къ 1907 году прямо въ полевые суды и приговаривать людей къ казни. Я благословляю и свой провалъ на экзаменѣ, и тюрьму, въ которой пишу эти строки.

Пьяные крестьяне очень легко замерзали; помню картину, какъ лошадь черезъ силу тащила розвальни, на которыхъ лежалъ такой замерзшій, животомъ на мѣшкѣ съ зерномъ, въ дорогѣ развязавшимся и оставлявшемъ по снѣгу слѣдъ изо ржи, такой драгоцѣнной для ждавшей отца семьи. 22-го марта, при ничтожномъ морозѣ, на большой дорогѣ и въ стахъ шагахъ отъ нашихъ воротъ замерзла тройка лошадей, а ямщикъ былъ найденъ крѣпко обнявшимъ телеграфный столбъ.

Подъ этимъ тягостнымъ впечатлѣніемъ я и уѣхалъ въ Москву, такъ какъ родители мои непремѣнно хотѣли, чтобъ я служилъ, т.-е. сдѣлался чиновникомъ. Рабъ семейныхъ отношеній, я не могъ долго противиться родственному давленію и поступилъ въ московскую казенную палату для подготовки себя къ должности податного инспектора.

У меня на глазахъ совершалась та самая работа, что даже третьей Государственной Думой признана почти ненужной. Тѣмъ не менѣе, огромный и сложный механизмъ дѣйствовалъ, а я вникалъ въ его ходъ, пока, наконецъ, не сдалъ экзамена и не получилъ права на занятіе должности. Директоръ департамента министерства финансовъ. Слободчиковъ, больше любившій охоту

нежели взиманіе налоговъ, говорилъ мнѣ, предлагая ѣхать въ Тургайскую область, такъ: „У насъ тамъ до сихъ еще много дореформенныхъ, старыхъ инспекторовъ, облагающихъ кочующія племена киргизовъ совершенно фантастическими поборами и кладущихъ въ собственные карманы по 70 — 80 тысячъ рублей въ годъ; мы замѣняемъ ихъ извѣстными намъ молодыми людьми“.

Пользуясь тѣмъ, что директоръ зналъ моего отца, я объяснилъ ему, что не рѣшаюсь ѣхать въ такую обстановку, за пять тысячъ верстъ, въ область, столичный городъ которой насчитывалъ въ то время меньше пятисотъ душъ, изъ которыхъ еще добрая половина умирала отъ дизентеріи, царившей въ этой русской Сахарѣ. Я просилъ мѣсто въ Европейской Россіи, и нужно-ли упоминать, что не дождался его; отказовъ не любятъ даже знакомые. Поэтому осенью я перебрался въ Петербургъ и, послѣ немалыхъ хлопотъ со стороны министра путей сообщенія, былъ принятъ въ статистическій отдѣлъ этого министерства. Судьба хотѣла во что бы то ни стало сдѣлать меня канцелярской крысой. . . . .

Тюрьма кончаетъ день въ мрачномъ молчаніи: одного изъ ея жителей увели сейчасъ на казнь; онъ крикнулъ что-то, и со всѣхъ сторонъ раздались вопли сочувствія и безсильной ярости,—рычаніе тысячеголоваго звѣря, скованнаго накрѣпко въ клѣткѣ. Другіе двое освѣдомлены, что кассаціонныя жалобы ихъ оставлены безъ послѣдствій, и громко черезъ окна поздравляютъ другъ друга съ ожиданіемъ смерти. Тюрьма даетъ себя чувствовать беззаботнымъ, какъ мы; она не любитъ веселаго свиста, бодраго хожденія по камерѣ, легкаго чтенія, она заставляетъ „смотрѣть въ корень“.

8 іюня.

Здѣшнему священнику было бы, повидимому, пріятно, еслибъ мы пошли въ тюремную церковь; онъ даже заговаривалъ объ этомъ съ Муромцевымъ, но тотъ справедливо замѣтилъ, что если для насъ отведутъ особое мѣсто, то это будетъ непріятно уголовнымъ, а поставить съ ними вмѣстѣ,—можетъ показаться опаснымъ, какъ бы мы не совратили ихъ съ пути. Съ другой стороны, индефферентизмъ въ дѣлахъ религіи настолько успѣшно привитъ правительствомъ, особенно въ интеллигентскихъ кругахъ, что едва-ли иное могло влечь насъ въ тюремную церковь кромѣ любопытства, а итти съ такимъ чувствомъ во время службы было бы неуваженіемъ къ этой религіи. Обязательство предъявлять въ извѣстное время письменныя доказательства

своего хожденія въ церковь, причащенія, крещенія и т. п., постоянныя присяги, также съ росписками на бумагѣ, это вѣчное пристегиваніе Бога ко всякому гражданскому, политическому, или общественному акту, все это вмѣстѣ съ неудовлетворительной постановкой дѣла религіознаго воспитанія русскаго юношества, сдѣлало то, что среди обычныхъ посѣтителей богослуженій можно встрѣтить лишь недалеко ушедшихъ отъ язычества простолюдиновъ, отбывающихъ церковную повинность чиновниковъ, учащихся и солдатъ, или завзятыхъ ханжей. Еще и доселѣ, въ мелкомъ, конечно, масштабѣ, повторяются случаи дѣлежа съ церковью сомнительно пріобрѣтенными богатствами, подобно тому, какъ донскіе казаки построили массивную ограду въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ изъ части серебра, награбленнаго ими въ войну 1812 года. Случается, что купецъ, удачно продѣлавшій несостоятельность, жертвуетъ люстру въ храмъ, старостой или прихожаниномъ котораго состоитъ. Генералъ-губернаторъ, въ субботу подписавшій смертный приговоръ, спокойно стоитъ вечеромъ за всенощной на своемъ почетномъ мѣстѣ, предъ алтаремъ Бога, завѣщавшаго не убивать, призывавшаго миръ и благоволеніе въ людяхъ. И мирный звукъ колокола на тюремной колокольнѣ казался мнѣ вчера вечеромъ, по уводѣ на казнь одного изъ заключенныхъ, укоризненнымъ, печальнымъ, и мнилось, что священникъ шелъ отправлять свою тяжелую повинность съ понурой головой, съ камнемъ на сердцѣ, со скованными устами, обязанными къ произнесенію проповѣди передъ людьми, преступившими, по большей части, лишь человѣческіе, а не божескіе законы...

Департаментская среда не успѣла засосать и проглотить меня,—свободолюбіе сказывалось сильнѣе; и когда я почувствовалъ себя неспособнымъ къ дальнѣйшей борьбѣ, я просто ушелъ въ отставку. Начальникъ статистическаго отдѣла, генералъ Барковскій, живой, и въ обществѣ даже остроумный человѣкъ, на службѣ былъ сухимъ педантомъ, безъ малѣйшей иниціативы; несмотря на то, что онъ обладалъ нѣкоторыми знаніями по теоретической статистикѣ и, въ частности, хорошо зналъ статистику путей сообщенія, все же изъ него нельзя было выжать и капли интереса къ обобщеніямъ, къ анализу и синтезу того огромнаго интереса, что былъ скопленъ въ отдѣлѣ за его долговременную службу. Вороха таблицъ и сухихъ отчетовъ загромождали всѣ столы и шкафы; среди нихъ, какъ осеннія мухи, бродили и лѣниво царапали бумагу чиновники, по большей части съ университетскимъ образованіемъ, но уже погрязшіе въ бюрократической трясинѣ, жившіе интересами клубовъ, картъ и скачекъ и презиравшіе свои занятія. Въ кабинетѣ генерала

всегда можно было застать его самого стоящимъ на стулѣ колѣнами, отъ чего начальническіе панталоны всегда сохраняли на сгибахъ протертыя пятна, и разыскивающимъ съ большой ревностью какую-нибудь пропавшую изъ отчета пудо-версту, или стальную шпалу; послѣднія были въ то время рѣдкостью.

На мое счастье, Барковскій задумалъ издать „Перечень" всѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, и къ этой работѣ приставили меня; я хотѣлъ использовать матеріалъ также для картограммъ и для нѣкоторыхъ замѣчаній общаго характера, но генералъ предпочелъ сухой сводъ рельсовой сѣти, который оживили лишь нѣсколько новыхъ графъ (высоты надъ моремъ станцій и т. п.), да справочникъ для болѣе удобнаго пользованія книжкой. Но благодаря этой работѣ, я изучилъ корректурное и типографское дѣло, такъ какъ все изданіе лежало на мнѣ и по нѣскольку разъ въ день приходилось бывать въ министерской типографіи. Созерцаніе низкихъ, плохо освѣщенныхъ, душныхъ и невентилированныхъ комнатъ, гдѣ надъ кассами съ разбитымъ, дряннымъ шрифтомъ виднѣлись скрюченныя фигуры наборщиковъ; эти лица, окрашенныя свинцовой пылью и глаза, окруженныя воспаленными вѣками,—такія картины дѣйствуютъ иной разъ лучше длинныхъ соц.-демократическихъ трактатовъ.

Черезъ годъ съ небольшимъ, сдавъ книгу, причемъ чиновники не разъ выражали претензію на то, что я „гоню" работу, и убѣдившись въ томъ, что она была однимъ изъ немногихъ изданій отдѣла, разошедшимся безъ остатка въ два мѣсяца, я перешелъ на частрую скужбу къ двумъ извѣстнымъ инженерамъ, владѣльцамъ перваго петербургскаго элеватора и огромнаго землечерпательнаго каравана, состоявшаго изъ машинъ, пароходовъ и баржъ. Тутъ работало лѣтомъ до пятисотъ человѣкъ рабочихъ и, среди крупныхъ поставокъ, дѣлъ съ подрядчиками, городской управой и заказчиками, я невольно приглядывался къ труду чернорабочихъ, ихъ быту, отношеніямъ ихъ къ людямъ и судьбѣ, къ ихъ нуждамъ. Тогда и слуховъ не бывало о забастовкахъ въ чернорабочей средѣ, ни о профессіональныхъ союзахъ, и мнѣ пріятно лишь засвидѣтельствовать, въ память обоихъ уже умершихъ хозяевъ моихъ, что никто не бывалъ у насъ обиженъ, что изъ года въ годъ приходили изъ Тверской, Витебской и Смоленской губерній одни и тѣ же люди на наши работы и что при частыхъ поѣздкахъ на взморье, гдѣ добывался со дна залива песокъ, или на работы по выгрузкѣ его, я никогда не видѣлъ озлобленныхъ лицъ, не слыхалъ словъ неудовольствія. Но барыши операціи все же были такъ несоразмѣрны съ затратами, что, опять же помимо воли, закрадывалось сомнѣніе въ правильности оцѣнки чернорабочаго дня

обратная сторона капитализма давала себя чувствовать и гдѣ-то внутри начинала совершаться демократизація воззрѣній русскаго дворянина, помѣщика, гвардейскаго офицера, чиновника. И сколько людей было въ моемъ положеніи, сколько изъ моихъ товарищей по Государственной Думѣ прошли тотъ же искусъ, стряхивая съ себя понемногу сословныя, кастовыя и иныя оболочки. Позднѣе, въ 1904—06 гг., русская жизнь дала значительный отстой такого народа, изъ котораго мало кто ушелъ отъ тюрьмы, ссылки, эмиграціи, или, на худой конецъ, изгнанія со службы. Но въ этомъ искусѣ нѣтъ горечи, — онъ необходимъ для насъ.

Черезъ два года, женившись на родственницѣ одного изъ хозяевъ товарищества, я по уставу его не могъ уже оставаться на службѣ и такъ какъ за послѣдніе годы былъ нѣсколько утомленъ, то уѣхалъ совсѣмъ изъ Петербурга въ ногородское имѣніе моей жены, увезя хорошее воспоминаніе о послѣдней службѣ.

Къ тому же времени относится сближеніе мое съ воспитателемъ государя, англичаниномъ Хисъ, и съ его семьей. Помимо того, что я отдыхалъ въ этомъ домѣ отъ заботъ и волненій, неразлучныхъ спутниковъ всякой дѣятельности, въ обстановкѣ той духовной чистоты и красоты, которая рѣдко уже встрѣчается вообще, а въ русскихъ семьяхъ въ особенности; помимо, наконецъ, того, что я до извѣстной степени дополнялъ тамъ, подъ незамѣтнымъ и дружескимъ вліяніемъ стариковъ Хисъ, свое воспитаніе, но я и слышалъ, и видѣлъ много такого, что впослѣдствіи помогло мнѣ разобраться въ сложныхъ вопросахъ абсолютизма, въ отношеніяхъ царя къ своимъ обязанностямъ и окружающимъ тронъ людямъ, въ личныхъ характерахъ тѣхъ членовъ императорской фамиліи, съ которыми судьба сталкивала меня во время службы моей въ гвардіи и теперь въ домѣ самого Хиса.

М. Хисъ, проживъ сорокъ лѣтъ въ Россіи, ни слова не зналъ по-русски, не зналъ русской жизни и жилъ исключительно въ сферѣ любимаго имъ искусства (онъ былъ прекраснымъ акварелистомъ) и спорта своихъ воспитанниковъ, великихъ князей Николая, Георгія и Михаила Александровичей. Отсюда исходили всѣ дефекты воспитанія порученныхъ ему князей, отсюда же и личное обаяніе, производимое этимъ идеалистомъ на всѣхъ окружающихъ. Въ насквозь пропитанной интригами и грязью придворной атмосферѣ, этотъ человѣкъ и его семья были какимъ-то оазисомъ, клочкомъ чистаго воздуха, гдѣ смолкала всякая сплетня, все низменное. Впослѣдствіи, когда въ развалъ первой революціонной вспышки приходилось слышать часто не-

лестныя замѣчанія по адресу отдѣльныхъ лицъ царской фамиліи, видѣть каррикатуры въ иностранныхъ и русскихъ журналахъ, читать фантастическія исторіи, я никогда не поддавался необоснованному чувству гнѣва на этихъ людей. зналъ, какъ мало въ сущности они виноваты, какъ мало. почти до невѣжества, образованы, кѣмъ окружены, зналъ истинную цѣну имъ; и здѣсь дальше нельзя будетъ найти ничего сенсаціоннаго, никакихъ разоблаченныхъ тайнъ. Мелкіе случаи, отдѣльныя слова, мимолетныя, но личныя впечатлѣнія, ближе иной разъ характеризуютъ человѣка, чѣмъ толстыя біографіи, составленныя какимъ-нибудь усерднымъ не по разуму, придворнымъ исторіографомъ. Дѣйствительность, какъ всегда бываетъ, во много разъ страшнѣе самыхъ страшныхъ романовъ и сказокъ. То, напримѣръ, что происходитъ и теперь у насъ, такъ ужасно, что только огромные размѣры бѣдствія не позволяютъ оцѣнить какъ слѣдуетъ, мѣшаютъ соединиться всѣмъ любящимъ родину не ханжески, не лицемѣрно, а живой, страстной любовью, для того, чтобы дружнымъ усиліемъ водворить, водворить, наконецъ въ Россіи столь нужную ей гражданскую и политическую свободу... Возвращаюсь, однако, въ деревню.

Я выросъ въ деревнѣ, никогда не порывалъ съ ней сношеній, и несмотря на то, что военное образованіе и служба въ гвардіи не давали мысли сосредоточиться на положеніи крестьянъ, я не былъ чуждъ имъ, и бытъ крестьянина средней полосы Россіи, гдѣ находилось родовое имѣніе моего отца, былъ мнѣ хорошо знакомъ. Однако то, что я увидѣлъ въ Новгородской губерніи, превосходило самыя мрачныя представленія; нищета, духовное убожество, безграмотность, уживались бокъ о бокъ съ прекрасной сплавной рѣкой, близкой желѣзной дорогой, соединяющей обѣ столицы, въ ближайшемъ общеніи, наконецъ, съ хорошо расположеннымъ къ крестьянамъ и щедро за все платившимъ нашимъ предшественникомъ. Очевидно, причины этого оскудѣнія лежали значительно глубже, и отдохнувшая голова моя не могла не задуматься надъ ними. Я сталъ мечтать, какъ о недосягаемомъ идеалѣ, объ избраніи въ гласные уѣзднаго земства, чтобы работать въ этой скромной сферѣ и сколько-нибудь возмѣстить обездоленному сословію тѣ блага, какими и воспользовался за счетъ крѣпостного труда, создавшаго состояніе моихъ предковъ. Но здѣсь я былъ чужимъ человѣкомъ, и уѣздное земство Крестецкаго уѣзда, уже въ то время стремившееся сбросить съ себя иго реакціонно настроенныхъ мѣстныхъ помѣщиковъ, должно было косо смотрѣть на бывшаго гвардейца, находившагося, вдобавокъ, въ свойствѣ съ самыми безнадежными консерваторами уѣзда. Это обстоятельство, въ связи съ личными дѣлами, заставило насъ перекочевать на мою родину,

въ Калужскую губернію, съ которой меня связывало столько нитей.

Когда мы пріѣхали въ домъ моего отца, и я положилъ на его парализованныя колѣни только что родившагося нашего мальчика, того самаго, что въ шесть лѣтъ любилъ уже свободу, отецъ, всю жизнь положившій на служеніе благу людей и правдѣ, сказалъ:

„Надѣюсь, что это будетъ депутатъ русскаго парламента“.

Революція уже начиналась, когда отецъ уже умеръ, не доживъ одного года до того, чтобы увидѣть такимъ депутатомъ не внука, а сына.

Въ этомъ же мѣсяцѣ были выборы, и я сразу попалъ и въ уѣздные, и въ губернскіе гласные. Самыя пылкія надежды были превзойдены, и я совершенно отдался изученію сложнаго земсааго дѣла, работая въ разныхъ комиссіяхъ и внимательно относясь ко всѣмъ вопросамъ самоуправленія, по скольку они возбуждались боровскимъ уѣзднымъ и калужскимъ губернскимъ земствами, а также общей прессой. Въ Москвѣ въ то время былъ предсѣдателемъ губернской управы извѣстный земскій дѣятель Д. Н. Шиповъ, и я съ удовольствіемъ бывалъ на засѣданіяхъ, слушая его ясныя и точныя объясненія на тогда уже сыпавшіяся на московское земство замѣчанія реакціонеровъ.

Такъ продолжалось около года; затѣмъ въ сосѣднемъ Малоярославецкомъ уѣздѣ неожиданно освободилось мѣсто предводителя дворянства, и такъ какъ наше имѣніе частію лежало и въ этомъ уѣздѣ, гдѣ и я зналъ нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ дворянъ, то они и предложили мнѣ баллотироваться на эту должность. Судьба начинала просто баловать меня. Весной я былъ уже избранъ предводителемъ дворянства того уѣзда, гдѣ нѣкогда жилъ въ ссылкѣ Радищевъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ людей, имѣвшихъ мужество открыто въ печати заявлять о вопіющихъ нуждахъ страны, и приговоренный либеральной Екатериной II-й къ смерти за свое „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“.

Правительство практично использовало безплатную службу предводителей дворянства, возложивъ на нихъ цѣлую тучу обязанностей и вознаграждея за это лишь чинами и орденами. Предводитель предсѣдательствовалъ во всевозможныхъ судебныхъ, административныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, въ воинскомъ присутствіи, производившемъ наборъ новобранцевъ, наконецъ въ земскомъ собраніи.

Оставаясь попрежнему гласнымъ, я могъ теперь значительно расширить свою дѣятельность и усиленно работалъ повсюду, гдѣ могъ, учась жизни и законамъ, безжалостно обра-

щаясь къ болѣе меня свѣдущимъ людямъ за всякими разъясненіями. Словно предчувствуя, что жизнь скоро позоветъ всѣхъ къ отвѣту и страдной работѣ, я торопился и конечно дѣлалъ много всякихъ ошибокъ, бывалъ неправъ и самонадѣянъ въ рѣшеніяхъ,—безъ этого трудно было обойтись.

Въ съѣздѣ земскихъ начальниковъ, куда восходили аппеляціонныя жалобы судившихся въ волостныхъ судахъ, у мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ, и гдѣ я также предсѣдательствовалъ, я прошелъ настоящій курсъ крестьянской жизни, что очень помогло мнѣ впослѣдствіи, при занятіяхъ ъв аграрной комиссіи парламента. При наборѣ новобранцевъ я могъ лично убѣдиться въ вырожденіи еще не жившаго, въ сущности, народа, такъ великъ былъ процентъ тщедушныхъ, больныхъ людей въ возрастѣ 21 года; поразился и тѣмъ, что минимальный размѣръ груди, казалось бы, для всѣхъ людей одинаковый, въ смыслѣ вреда военной службы и непригодности къ ней, для евреевъ былъ уменьшенъ правительствомъ противъ христіанъ, помнится, на вершокъ; на чемъ основывался этотъ законъ, и до сихъ поръ не понимаю, хотя цѣль его ясна.

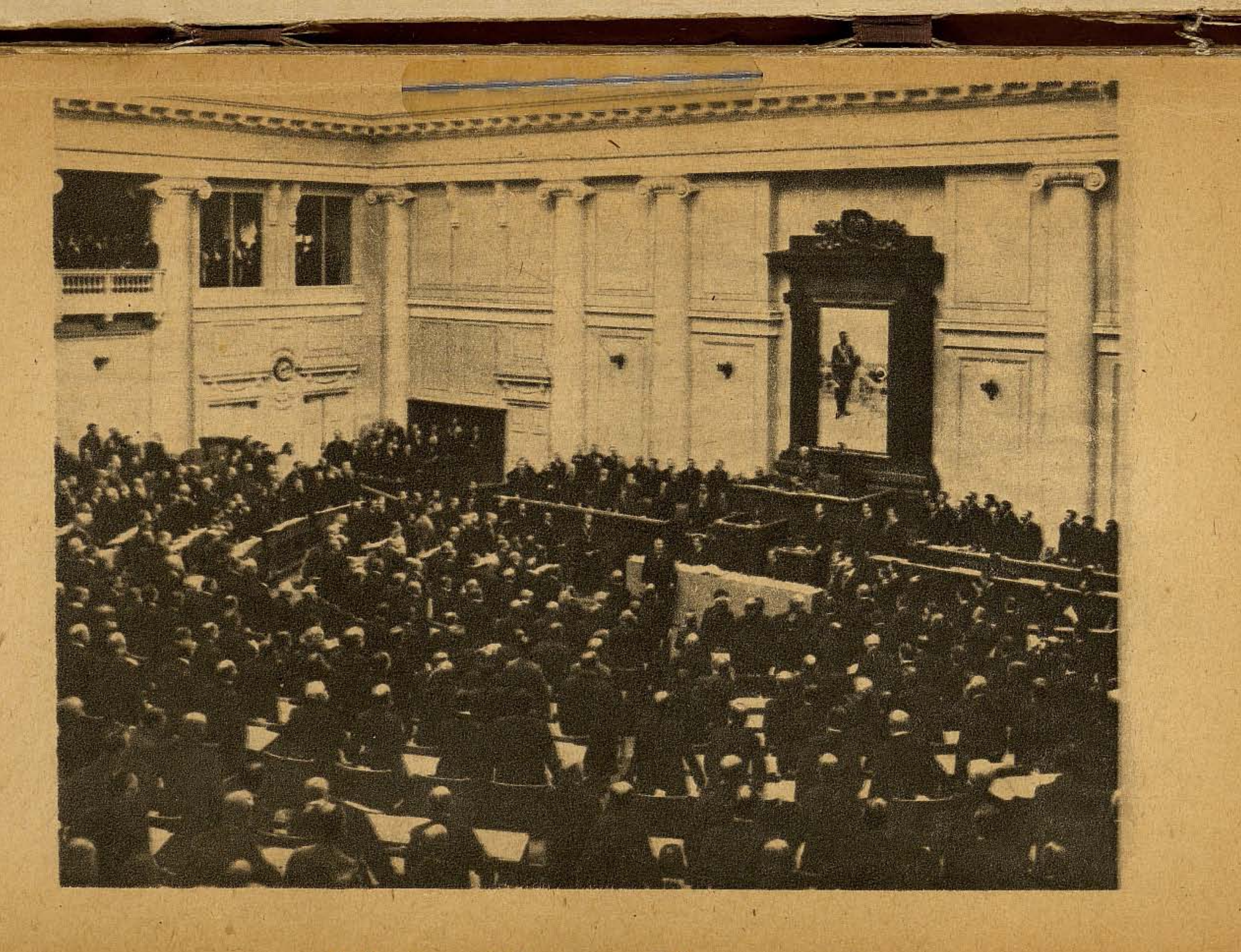
Да, многое поражало новичка; вся уѣздная жизнь, со всѣмъ разнообразіемъ имущественныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній, отражалась въ многочисленныхъ учрежденіяхъ, гдѣ мнѣ приходилось работать, не говоря уже о личныхъ бесѣдахъ, особенно интересныхъ въ этой полосѣ Россіи, гдѣ крестьяне умны, лучше развиты, грамотнѣй и сознательнѣй, благодаря близости московскаго фабричнаго района, въ заведеніяхъ котораго значительная часть ихъ и работаетъ.

Особенное вниманіе мое возбудило одно совершенно новое предложеніе, переданное мнѣ спеціально пріѣхавшимъ изъ Петербурга чиновникомъ, относительно учрежденія патроната надъ питомцами Московскаго Воспитательнаго Дома, находившимися на воспитаніи у крестьянъ. Въ нашемъ уѣздѣ было около двухъ съ половиной тысячъ питомцевъ; изъ четырехъ дѣтей средней семьи одинъ былъ питомцемъ, — крестьяне жили, такъ сказать, за счетъ того скромнаго вознагражденія, что они получали отъ Воспитательнаго Дома за дѣтей и которое колебалось отъ двухъ до пяти рублей въ мѣсяцъ, смотря по возрасту и состоянію здоровья призрѣваемаго. Главное зло заключалось въ томъ, что деньги эти не доходили до крестьянъ, застревая въ рукахъ нѣсколькихъ торговцевъ; происходило это потому, что за получкой денегъ воспитатель долженъ былъ ѣхать въ Москву, лишаясь всякой возможности использовать пособіе дома, такъ какъ одна дорога стоила почти столько же, не говоря о потерянномъ времени. Лавочники брались за

это дѣло, отбирая книжки у сотенъ лицъ, взимая 15 — 20% комиссіонныхъ и сбывая, въ счетъ получки, гнилой товаръ; такъ одинъ скромный лавочникъ въ Малоярославцѣ получалъ съ этихъ бѣдняковъ до пяти тысячъ рублей въ годъ однихъ комиссіонныхъ. Вѣдомство не могло бороться даже съ такимъ элементарнымъ зломъ, ибо само было насквозь гнило. Во главѣ его стоялъ почтенный и безукоризненной честности человѣкъ, графъ Н. А. Протасовъ-Бахметевъ, но бозконтрольность дѣйствій вѣдомства, бюджетъ котораго доходилъ до десятка милліоновъ рублей, и которое распоряжалось всѣми женскими гимназіями, институтами, воспитательными домами, пріютами и т. под. филантропическими учрежденіями, создала издавна такой плотный комокъ связанныхъ общими интересами большихъ и маленькихъ чиновъ, что о него разбивалась, какъ сейчасъ увидимъ, даже и воля императора.

Изучивъ, насколько позволяло время, вопросъ о призреніи у насъ и заграницей, посовѣтовшись съ друзьями изъ мѣстныхъ дѣятелей и крестьянами, которые сразу оцѣнили идею частнаго патроната, составивъ карту уѣзда съ указаніемъ числа питомцевъ во всякомъ селеніи и, такимъ образомъ попутно выяснивъ бѣднѣйшіе округа (богатыя села не брали питомцевъ), я написалъ докладъ, напечаталъ его въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и съ этисъ багажемъ отправился въ Петербургъ. На совѣщаніи, которое гр. Протасовъ устроилъ по этому случаю и гдѣ присутствовали всѣ высшіе чины вѣдомства, называющагося „Вѣд. учрежденій Имп. Маріи", я убѣдился, съ одной стороны, въ полномъ интересѣ къ вопросу о патронатѣ Протасова и Государыни, оффиціальной главы учрежденія, полной освѣдомленности почтеннаго графа въ дѣлѣ призрѣнія и, съ другой, въ несомнѣнной косности и недоброжелательности его помощниковъ. Но я надѣялся на свои силы и не зналъ еще, что въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ готовилась уже кампанія противъ всѣхъ нашихъ начинаній. Конечно, на этихъ совѣщаніяхъ мы не могли не наткнуться сразу на коренной вопросъ о безобразной постановкѣ въ Россіи самихъ воспитательныхъ домовъ и неотложной необходимости реорганизовать ихъ. Способъ былъ также одинъ,—децентрализація этихъ огромныхъ дѣтскихъ кладбищъ; 70—80% смертности въ воспитательныхъ домахъ были не по средствамъ даже для Россіи, гдѣ населеніе удваивается въ семьдесятъ лѣтъ, не говоря уже объ этической сторонѣ вопроса. Такъ вотъ, однажды Протасовъ привелъ меня въ большую комнату, заставленную шкафами, и сказалъ:

„Тринадцать лѣтъ назадъ, Императоръ Александръ III-й, посѣтилъ нашъ воспитательный домъ и ужаснувшись его ви-



Засѣданіе третьей Государственной Думы.

домъ, велѣлъ мнѣ разработать немедленно проектъ реорганизаціи; въ этихъ шкафахъ лежатъ старые и новые проекты почетныхъ опекуновъ, (отставные генералы и губернаторы), „а возъ и нынѣ тамъ“. Я радъ, что живые люди возьмутся за дѣло, согласенъ съ вами въ основной идеѣ, работайте“. И онъ добавилъ съ горечью: „мнѣ совѣстно видѣть въ эти окна дворцоваго орла осѣняющаго столь ужасное учрежденіе“. (СПБ. Воспитательный Домъ).

Я обѣщалъ приняться за радикальный и огромный трудъ, получилъ большой матеріалъ и поѣхалъ домой, исполненный самыхъ радужныхъ надеждъ. На мѣстѣ нашлось столько людей, желавшихъ помочь, что работа закипѣла, и вскорѣ крестьяне не только стали получать свои деньги, прямо въ руки, но еще и медицинскіе, и всякіе другіе совѣты. Я неоднократно ѣздилъ въ Петербургъ, всегда встрѣчая радушное отношеніе и одобреніе нашихъ работъ, и дѣло, казалось, налаживалось прочно, какъ вдругъ, на выборахъ въ губернскомъ земствѣ я попадаю въ предсѣдатели губернской земской управы. Пришлось оставить уѣздъ, и черезъ годъ все дѣло стало, такъ какъ некому было бороться съ московскимъ домомъ, изъ котораго ушелъ расположенный къ патронату директоръ, а гр. Протасовъ и смѣнившій его генералъ Оливъ любезный и просвѣщенный человѣкъ за это время умерли. Я не оставилъ мысли о проектѣ децентрализаціи воспитательныхъ домовъ и, по окончаніи другой, еще болѣе неотложной, работы, о чемъ будетъ рѣчь дальше, надѣюсь къ нему вернуться.

Полагая, однако, что для начала сдѣлано было не мало, что въ Петербургѣ все было одобрено, и что я затратилъ на организацію, составленіе попечительскихъ книгъ, ихъ печатаніе и поѣздки въ Петербургъ не мало своихъ денегъ, я счелъ себя въ правѣ попросить вознагражденія: именно я попросилъ перевести изъ города, гдѣ климатъ былъ плохъ, въ любой южный городишко учительницу съ больной грудью, родственницу моей жены, кончившую институтъ съ шифромъ и высшіе курсы вѣдомства первой ученицей, опытную преподавательницу. Нужно ли пояснять, что она и понынѣ гніетъ въ своемъ болотѣ. Я былъ реальнымъ опекуномъ двухъ тысячъ дѣтей, брошенныхъ ихъ родителями, но почетнымъ опекуномъ я не былъ...

Въ другое время я пришелъ бы въ уныніе отъ всѣхъ этихъ неудачъ, но перспектива предстоявшей новой работы была такъ заманчива, что я не могъ поддаваться инымъ чувствамъ, кромѣ желанія скорѣй приняться за дорогую земскую дѣятельность. Стать во главѣ управленія хозяйствомъ цѣлой губерніи, съ полуторамилліоннымъ населеніемъ, съ обязанностью вѣдать пути

сообщенія, учебныя заведенія, медицину, страхованіе, сельское хозяйство, статистику, управлять сотнями людей, изъ которыхъ половина знала дѣло гораздо лучше меня, имѣть на рукахъ огромное имущество, въ видѣ зданій, машинъ, складовъ и т. под., выполнять милліонный бюджетъ, — по совѣсти говоря, я не былъ къ этому надлежаще подготовленъ, даже просто способенъ. Но разсуждать объ этомъ тогда — значило ослаблять безъ пользы свои и безъ того небольшія силы; и, надѣясь на сочувствіе большинства гласныхъ, а главное — служащихъ въ земствѣ просвѣщенныхъ людей, я приступилъ къ работѣ.

Я буду говорить здѣсь лишь очень коротко о земскихъ реформахъ, въ которыхъ я принялъ участіе за время моей недолгой службы. Измѣнившееся настроеніе въ русскомъ земствѣ вскорѣ не только затормозило повсюду намѣченныя перемѣны, но и разрушило многое изъ установившагося ранѣе.

Помѣстное дворянство, составлявшее большинство земскихъ гласныхъ, не могло отрѣшиться отъ традиціонныхъ взглядовъ на свое первенствующее значеніе въ государствѣ и думало, что реакціей можно сохранить былыя привиллегіи. Лишенные отмѣной крѣпостного права на живыхъ людей дароваго ихъ труда, русскіе дворяне—помѣщики очутились въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія дѣйствительно въ критическомъ положеніи; неприспособленные къ раціональному труду на своей землѣ, малообразованные, сохранившіе въ полнотѣ широкія замашки стараго барства, расточительные, недовольные вводимой реформой, они неминуемо должны были пойти по двумъ главнымъ дорогамъ: или къ сокращенію личныхъ расходовъ и труду, или къ размотанію доставшихся за выкупъ крестьянъ денегъ. По первой дорогѣ двинулась, конечно, незначительная часть дворянъ, большинство въ короткое время прожило такъ называемыя „выкупныя" и очутилось на шеѣ правительства, въ то время значительно раскаявшагося въ недавнемъ либерализмѣ и состоявшаго уже не изъ тѣхъ лицъ, что провели реформу. Такимъ образомъ и создалось перепроизводство въ русскомъ чиновничествѣ, гдѣ дворянство заняло отнынѣ главное мѣсто. Это обстоятельство не помѣшало послѣднему крѣпко держаться за обветшалыя традиціи прошлаго, а правительство, стараясь загладить свой грѣхъ передъ нѣкогда поддерживавшимъ его сословіемъ, не уставало, въ лицѣ монарховъ, подчеркивать прежнее къ нему благоволеніе и открыто величало „опорой престола"; продолжаясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, увѣренность въ ближайшей связи своей съ царемъ вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь извѣстной части помѣстнаго дворянства, и отдѣлаться отъ этого союзника для абсолютистскихъ правительствъ

дѣйствительно трудно. Взаимное притворство продолжалось вплоть до японской войны, и дворяне не переставали получать, въ счетъ своей преданности самодержавію, всякаго рода матеріальныя подачки, главнымъ образомъ въ видѣ ссудъ подъ земли и хлѣбныхъ мѣстъ въ разныхъ отрасляхъ управленія. Неудачная война какъ бы отрезвила на время обѣ стороны; съ одной стороны, очевидный безпорядокъ внутри страны указалъ царю, что дворянская бюрократія ничего не сдѣлала умнаго и полезнаго за полвѣка своего существованія; съ другой, — дворянство, испугавшись нароставшаго революціоннаго настроенія и разочаровавшись во внѣшней мощи правительства, пошатнулось въ сторону умѣреннаго либерализма. Наверху стало видимо преобладать вліяніе такихъ людей, какъ Витте, parvenus въ глазахъ обѣихъ сторонъ, но имѣвшихъ видъ маговъ, знающихъ секретъ спасенія государства отъ революціи. Въ такой обстановкѣ выпущенъ былъ указъ о крупныхъ реформахъ во всѣхъ областяхъ государственной жизни, (12 декабря 1904 г.), и, о ужасъ; впервые въ немъ ни однимъ словомъ не обмолвился царь о дворянствѣ. Поскольку онъ былъ освѣдомленъ въ дѣйствительной силѣ дворянства, государь былъ совершенно правъ, — первое сословіе обмануло его ожиданія, — страна зашаталась несмотря на предшествовавшую реакцію, бывшую дѣломъ дворянскихъ же рукъ. Слѣдовало указывать эту вину дворянству, обращать его вниманіе на измѣнившіяся условія жизни, на необходимость занять подобающее его скромной роли въ жизни скромное же мѣсто, наравнѣ съ остальными сословіями, вплоть до полной отмѣны всякихъ сословныхъ границъ и привиллегій. Я полагалъ, что обязанность эта естественно лежала на предводителяхъ и, воспользовавшись губернскимъ дворянскимъ собраніемъ, обсуждавшимъ, между прочимъ, и вопросъ о поднесеніи царю адреса, изложилъ, въ частномъ собраніи дворянъ, свои мысли по этому поводу. Пользуюсь газетой того времени, чтобы привести и здѣсь свои слова, въ то время показавшимися однимъ правильными, а другимъ обидными.

„Случается иногда, что послѣ долгаго ряда лѣтъ безмятежной жизни вдругъ наступаетъ для кого нибудь изъ насъ полоса бѣдствій, отъ которой мы приходимъ въ отчаяніе, клянемъ судьбу и лишь очень рѣдко имѣемъ мужество сознаться, что вызваны онѣ нашими собственными недостатками. Нѣчто подобное переживаютъ цѣлыя государства, и настоящее состояніе нашей родины невольно наводитъ на это сравненіе. Вспомните эпоху, предшествовавшую 1812-му году: внѣшняго блеска было много, но внутреннее положеніе страны печально и еслибъ война съ Наполеономъ не стала войной народной, то, быть мо-

жетъ, политическая карта Россіи была бы теперь иной. Какъ всякая война, — этотъ истинный экзаменъ государственной жизни,—она обнаружила и тогда множество внутреннихъ неурядицъ, и слѣдовало, конечно, ожидать, что реформы не замедлятъ. Онѣ и не замедлили. Но...Сперанскаго смѣнилъ Аракчеевъ...

Итакъ, первое предостереженіе послѣпетровской Руси не было принято къ свѣдѣнію. Блестящія войска попрежнему гремѣли на парадахъ развинченными ружьями и, мнилось, съ этимъ лязгомъ гармонировали и развинченные нравы правящихъ классовъ того времени. Гроза, разразившаяся сорокъ лѣтъ спустя надъ Севастоплемъ, очистила нѣсколько воздухъ. Современники этого погрома вспоминаютъ и теперь, какою болью сжались ихъ сердца при вѣсти о потопленіи флота въ воротахъ севастопольской бухты. Это были побѣдоносные корабли Синопа, и съ нихъ на боевые курганы сошли такіе флотоводцы, какъ Корниловъ и незабвенный Нахимовъ. Радость освобожденія, возвѣщеннаго императоромъ Александромъ II-мъ, вскорѣ по заключеніи парижскаго мира, заглушила эту боль. Все говорило за то, что второе предостереженіе судьбы подѣйствовало радикально; но прошло немного времени. и яркіе цвѣты, любовно взрощенные дѣятелями той эпохи: в, к. Константиномъ Николаевичемъ, Н. Милютинымъ, Самаринымъ и кн. Черкасскимъ, поблекли подъ снѣгомъ реакціи, и на горизонтѣ русской дѣйствительности уже появился зловѣщій образъ графа Д. А. Толстого. Все погрузилось въ тяжкій сонъ. Какъ всякій искусственный сонъ, онъ былъ тревоженъ, и въ государственный организмъ вводились все новыя и новыя средства, вплоть до усиленной охраны и административныхъ ссылокъ въ Якутскую область. И настал, наконецъ часъ третьяго предостереженія. Полувѣковой юбилей севастопольской эпопеи празднуется не холостыми выстрѣлами съ верковъ петропавловской крѣпости, а боевой стрѣльбой на Дальнемъ Востокѣ.

Вотъ уже годъ, какъ совершается эта кровавая тризна, вотъ уже годъ чрезвычайныхъ усилій страданій и униженій; вотъ уже второй флотъ, только на сей разъ безславный, затопленъ и взорванъ у береговъ сданнаго врагу Артура.

Неужели и въ будующемъ ждутъ насъ подобныя катастрофы? Неужели дѣти наши будутъ рости и жить въ той же атмосферѣ офиціальной неправды, насилія надъ личностью и всяческаго произвола. Будемъ надѣяться, что нѣтъ. Будемъ надѣяться, что реформы, возвѣщенныя указомъ сенату, будутъ закончены скоро и что онѣ не ограничатся одной лишь отмѣной тѣхъ беззаконій, коими такъ крѣпко была оплетена наша

жизнь. Съ этой точки зрѣнія наибольшого вниманія заслуживаютъ заботы о рабочихъ и уравненіе крестьянъ въ правахъ со всѣми сословіями и мы, дворяне, привѣтствуемъ эти начинанія: наконецъ настанетъ время, когда никто не укоритъ насъ нашими привиллегіями, когда дворянская доблесть станетъ синонимомъ доблести гражданской. Но я обращаю особенное вниманіе ваше все же не на эти пункты указа и даже не на послѣдній пунктъ, коимъ дѣло реформъ опять отдается въ руки второго бюрократическаго учрежденія. Здѣсь въ собраніи дворянъ, я хотѣлъ бы указать на то, что въ этомъ важнѣйшемъ документѣ ни однимъ словомъ не упомянуто о дворянствѣ. Что съ этимъ указомъ кончается наша роль, какъ сословія привиллегированнаго, это понятно, и я уже говорилъ, что мы привѣтствуемъ отъ души грядущую равноправность всѣхъ русскихъ гражданъ. Но самый фактъ умолчанія пріобрѣтаетъ для насъ особое значеніе, значеніе символичеслое. Не виденъ ли въ немъ молчаливый отвѣтъ, я сказалъ бы даже-молчаливый укоръ монарха на наше постоянное молчаніе? Правда, мы говорили иногда, но говорили лишь слова привѣта и благодарности. Слова эти могли быть искренни, почтительны, и онѣ облекались иногда въ красивую форму; но отличительная черта всѣхъ такихъ словъ та, что онѣ легко говорятся, легко выслушиваются и вслѣдствіе повсемѣстнаго однообразія, легко утрачиваютъ всякое значеніе. Да мы молчали. А вѣдь намъ дана была завидная прерогатива непосредственнаго обращенія къ монарху. И если мы, видя, что творится кругомъ, сознавая что условія жизни нашей дѣлаются невыносимыми, что отечество стоитъ на краю гибели, не говорили объ этомъ нашему царю, то не въ правѣ ли онъ и укорить насъ за это? Такъ не пропустимъ же теперь этого момента. Мы должны сказать правду государю—сказать словами прямыми и честными, какъ сама истинна—Мы должны сказать правду. Только исполнивъ этотъ долгъ свой, мы съ достоинствомъ сойдемъ съ пьедестала, на который вознесла насъ не по заслугамъ императрица Екатерина и которой поэтому принесъ намъ болѣе вреда, чѣмъ пользы; и только тогда можемъ мы съ честью сложить наши преимущества передъ вскормившимъ и вспоившимъ насъ народомъ.!

Полоса адресовъ, съ которыми въ то время всѣ рѣшительно сословія и общественныя учрежденія обращались къ царю, будетъ, вѣроятно, внимательно изслѣдована историками той эпохи. Здѣсь впервые традиціонныя, ничего не выражающія фразы о „готовности заложить женъ и дѣтей“,—что легче сказать, чѣмъ дать взаймы десять рублей,—о „припаденіи къ стопамъ“, когда государи давно уже стѣсняются излишними знаками са-

моуниженія подданныхъ, о „колѣнопреклонныхъ моленіяхъ“, во время которыхъ всякій занятъ своими мыслями, или разговоромъ съ сосѣдомъ,—впервые говорю, получили выраженіе истиннаго стремленія просвѣщенной части сословія, къ которой съ перепугу примкнули и численно превосходившіе ее реакціонеры. Нельзя не отмѣтить при этомъ характернаго явленія: дворянскія собранія слѣдовали обыкновенно за земскими; большинство гласныхъ послѣднихъ—тѣ же дворяне; собирались въ тѣхъ же залахъ; и вотъ вчера еще либерально поговаривавшій „земецъ“, подписавшій хотя скромный, но все же нѣчто конституціонное обозначавшій адресъ, завтра, надѣвъ мундиръ, становился въ особую позицію, находилъ въ голосѣ низкія, бархатистыя нотки, и съ легкимъ хрипомъ и дрожью,—необходимыми аттрибутами истинно „дворянской“ рѣчи, опускался смѣло въ область знакомыхъ терминовъ и фразъ, закладывалъ жену и дѣтей, приносилъ на словахъ къ подножію трона все свое имущество, а когда доходило дѣло до реальной подписки на что нибудь въ родѣ миноносцевъ, или Краснаго Креста, скромно выставлялъ одинъ рубль, обдумывая въ то же время текстъ просьбы объ отсрочкѣ платежа въ дворянскій банкъ. Въ этой неразберихѣ мнѣній не терялись лишь тѣ земскіе и общественные дѣятели, что были подготовлены къ участію въ освободительномъ движеніи, освѣдомленные въ успѣхахъ крайнихъ партій среди рабочихъ, солдатъ и крестьянъ, хорошо знавшіе и дворянскую и земскую среду, они должны были приложить всѣ усилія къ сорганизованію умѣренныхъ элементовъ общества, для подачи настоящей помощи странѣ въ моментъ распаденія стараго строя. Вотъ почему они принимали участіе и въ такихъ устарѣлыхъ учрежденіяхъ, какъ дворянскія собранія.

Въ калужскомъ губернскомъ собраніи, какъ я говорилъ, также обсуждался адресъ; здѣсь какъ и повсюду почти, онъ слѣдовалъ по времени за земскимъ адресомъ, поданнымъ мѣсяцъ назадъ. На одномъ изъ нелегальныхъ съѣздовъ земскихъ дѣятелей, по большей части входившихъ въ такъ называемый „Союзъ Освобожденія“, не давшій покойно спать министру внутреннихъ дѣлъ, Плеве, было рѣшено внести въ ближайшую сессію земскихъ собраній предложенія о посылкѣ адресовъ съ конституціонными пожеланіями. Калужское губернское собраніе было первымъ на очереди, и мнѣ довелось не только первому въ то время внести такое предложеніе, но и быть счастливымъ, что составленная мною редакція адреса была единогласно принята. Я сдѣлалъ все, что могъ, для наложенія фиговыхъ листковъ на конституціонные принципы, опасаясь лишь одного,—не завалилъ ли я ихъ этими листьями по самую шею. Калужскаго

адреса дожидались съ нетерпѣніемъ, и такъ какъ нашлись двѣ, три газеты, рѣшившіяся его напечатать, а по телеграфу онъ былъ сообщенъ и другимъ земствамъ, то цѣлый рядъ губернскихъ земствъ развилъ тѣ же положенія,—гдѣ поскромнѣй, а гдѣ и смѣлѣе. Вотъ этотъ адресъ, о которомъ царю угодно было сказать князю Святополку—Мирскому, что онъ „сердечно написанъ", и который долго лежалъ у него въ кабинетѣ.

„Государю, Вашему Императорскому Величеству угодно было ознаменовать сороковую годовщину русскаго земства словами довѣрія высказаннаго черезъ министра Вашего Величества. Одушевленное ими, Калужское губернское земское собраніе радостно приступаетъ къ своимъ очереднымъ трудамъ, въ твердомъ упованіи на то, что вмѣстѣ съ земскими работниками, чувства которыхъ Вамъ, Государь, извѣстны и всѣ лучшіе люди, облеченные довѣріемъ Вашего Величества и довѣріемъ общества, сплотятся вокругъ великаго престола, готовые защитить его отъ враговъ твердаго правопорядка. Вѣрьте, Государь, что искренне лишь свободное слово, производителенъ лишь трудъ равноправныхъ и лично неприкосновенныхъ гражданъ, чиста лишь свободная совѣсть и горяча молитва въ открытыхъ храмахъ всѣхъ исповѣданій. И если настанетъ день, когда Вашему Величеству угодно будетъ призвать къ государственной работѣ выборныхъ представителей земли, они образуютъ ту мощную рать, которая поможетъ монарху вывести прекрасную страну его на торный путь мирнаго развитія всѣхъ духовныхъ и промышленныхъ ея силъ, ко благу грядущихъ поколѣній и къ неувядаемой славѣ царствованія Вашего Императорскаго Величества."

Послѣ этой удачи я твердо надѣялся и въ дворянскомъ собраніи провести подобную же редакцію, но не тутъ то было! Губернскій предводитель, добрый и хорошій человѣкъ, Н. Н. Яновскій, такъ сказалъ: что *земскій* адресъ онъ подписалъ, а такой же *дворянскій* не допуститъ даже до обсужденія. На сцену появились чудовищные проекты реакціонеровъ, напыщенные и вздорные; я соединилъ тогда свою редакцію съ текстомъ кн. Е. Н. Трубецкаго, извѣстнаго ученаго и публициста, и провелъ ее черезъ собраніе при помощи кн. С. Д. Урусова, тогда бывшаго еще тверскимъ губернаторомъ; его рѣчь успокоила расходившіяся дворянскія чувства, и калужскій адресъ все же говорилъ о „народныхъ" представителяхъ.

Этотъ нескончаемый потокъ адресовъ, повидимому, очень стѣснялъ царя, который на большинствѣ изъ нихъ не дѣлалъ иныхъ отмѣтокъ, кромѣ черточки съ двумя точками, (знакъ, что читалъ), дошло до того, что когда кн. Урусовъ во время

аудіенціи, намекнулъ на возможность поднесенія адреса тверскимъ собраніемъ, причемъ въ адресѣ могли быть и довольно прямыя фразы, то царь согласился на просимое княземъ возвращеніе тверскому и новоторжскому земствамъ прежнихъ правъ, лишь бы не было адреса. „Пожалуйста только безъ адреса“, добавилъ еще разъ Николай, отпуская Урусова.

Кн. Святополкъ-Мирскій, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ долго спустя послѣ убійства Плеве, т. к. колебались въ курсѣ, который надлежало принять, былъ болѣзненный человѣкъ; поэтому, несмотря на трезвость его взглядовъ и готовность бороться съ придворной камарильей, гдѣ онъ, какъ генералъ-адъютантъ, имѣлъ что называется „открытыя карты“, Мирскій долженъ былъ вскорѣ уступить свое мѣсто другому. Онъ успѣлъ еще утвердить меня въ должности предсѣдателя, иначе я не дождался бы этого при его замѣстителѣ; дѣло въ томъ, что на земскомъ же собраніи, гдѣ прошелъ нашъ адресъ, я позволилъ себѣ, въ рѣчи по поводу дикаго и ультра-реакціоннаго проекта министра юстиціи Муравьева, о назначеніи почетныхъ мировыхъ судей, другими словами объ уничтоженіи всего института, сказать нѣсколько рѣзкихъ словъ между прочимъ, упомянувъ о томъ, что напрасно считаютъ льва-русскій народъ-больнымъ, закончилъ, приблизительно, такъ: „придетъ часъ, встанетъ левъ на на свои ноги, и горе тогда лягавшимъ его копытамъ“. Я не имѣлъ въ виду Муравьева, нынѣшняго посла въ Римѣ; онъ сотканъ изъ отрицательныхъ сторонъ, но этой то въ немъ нѣтъ,—онъ не оселъ; однако министръ обидился и сообщилъ обо мнѣ Святополкъ-Мирскому; тотъ разумно рѣшилъ что „теперь не время для этихъ дрязгъ“ и утвердилъ меня.

Съ этого дня я былъ поставленъ между двумя опасностями: реакціей со стороны дворянъ-гласныхъ и губернатора, стремившагося задушить земское дѣло, ибо это было дѣйствительной мечтой тогда уже образовавшагося при дворѣ второго правительства, и рѣзко выраженнымъ броженіемъ въ сердцѣ земскихъ служащихъ, большинство коихъ раздѣляло взгляды крайнихъ политическихъ партій. Черезъ эти Сциллу и Харибду надлежало провести исполненіе земскаго бюджета, ибо населенію губерніи никакого дѣла не было до того, что въ странѣ непокойно; оно продолжало ѣздить по шоссе, учить дѣтей, хворать и лечиться въ больницахъ, продолжало горѣть и хотѣло аккуратно получать страховыя преміи. Все это осложнялось дѣйствительно серьезными событіями,—разгромомъ рабочихъ въ Петербургѣ 9-го января, забастовкой въ октябрѣ, дарованіемъ конституціи, контръ—революціонными погромами, вооруженнымъ возстаніемъ въ Москвѣ и, наконецъ, выборами въ первую Государственную

Думу. Русская жизнь, дотолѣ походившая на сонъ въ „Спящей красавицѣ", сразу забурлила, пробилась во многихъ мѣстахъ лавой волненій, грозя залить и сжечь все, попадавшееся на пути къ освобожденію отъ оковъ и волшебныхъ чаръ славянофильской формулы: „самодержавіе, православіе и народность". Принципы французской революціи были теперь на устахъ всякаго младенца, и русская марсельеза, вмѣстѣ съ другими ad hoc сочиненными, пѣснями, раздавалась чуть не во всякомъ домѣ, во всякомъ собраніи. Положеніе мое было тяжелымъ, и если я въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удачно вышелъ изъ него, то этимъ обязанъ былъ только товарищамъ моимъ по управѣ и личному довѣрію въ средѣ служащихъ, успѣвшихъ за три года моей работы въ земствѣ въ качествѣ гласнаго ознакомиться и съ моими политическими взглядами.

Теперь я буду касаться лишь тѣхъ случаевъ этого времени, гдѣ мнѣ пришлось сталкиваться съ событіями, или людьми, болѣе или менѣе извѣстными; о немногихъ деталяхъ собственно калужской земской жизни упомяну только слегка, чтобы не загромождать дневника.

Слѣдуетъ отмѣтить, что убійства министровъ внут. дѣлъ Сипягина и Плеве произвели странное впечатлѣніе на петербургское населеніе: оно положительно хотя и молча, одобряло эти ужасные акты, и въ этомъ настроеніи чиновничьей столицы тогда же слѣдовало правительству дать себѣ отчетъ. Оно какъ будто, и дало его назначеніемъ Святополка—Мирскаго; но, повторяю, князь былъ боленъ и не смогъ предовратить избіенія 9-го января, на другой день послѣ котораго и ушелъ въ отставку. Исторія этихъ дней еще темна. Никто теперь конечно не сомнѣвается въ томъ, что Гапонъ былъ провокаторомъ, а не дѣйствовалъ на свой страхъ, такъ сказать, идя навстрѣчу къ ошибочной, быть можетъ, но чистой цѣли. Попытки организовать рабочихъ, дѣлавшіяся и до того неоднократно ловкими правительственными агентами, въ родѣ Зубатова, не приводили къ надежнымъ результатамъ; какъ только рабочіе начинали чувствовать преимущество организованности надъ разрозненостью, такъ вліяніе заправилъ въ полицейскихъ мундирахъ падало и имъ приходилось еще не мало усилій прилагать къ тому, чтобы разстроить начатое дѣло, не дать устояться образовавшейся солидарности въ рабочей средѣ. Нужно было однимъ смѣлымъ ударомъ отвадить пролетаріатъ отъ всякихъ прогрессивныхъ затѣй, однимъ кровопусканіемъ показать тщету надеждъ на иное будущее, на соціальное освобожденіе. Кто руководилъ всей затѣй, сказать дос вѣрно не могу, но рука была властная; мой знакомый, полковн ъ генеральнаго штаба. В., проѣзжая

10 января по Невскому проспекту, увидѣлъ на улицѣ дежурнаго полицейскаго офицера, большой чинъ котораго не позволяетъ мнѣ назвать его фамиліи, дабы не навлечь на него преслѣдованія; это былъ товарищъ по прежней службѣ моего полковника; возмущенный тѣмъ, что только что происходило въ Петербургѣ, В. сошелъ съ экипажа и сказалъ своему товарищу:

„Какъ могла петербургская полиція допустить такое безобразіе!"

Тогда тотъ прямо заявилъ, что высшіе чины полиціи были безсильны предотвратить избіеніе.

„Вотъ видишь этотъ домъ напротивъ части?—добавилъ онъ;—такъ вотъ, 8 го числа, въ десять часовъ вечера, вонъ изъ этого окна второго этажа, лежа на подоконникѣ, Гапонъ держалъ къ толпѣ, запрудившей всю улицу, такую рѣчь, что я, зная, *сколько* ему дозволено, все таки рѣшилъ вмѣшаться и потревожилъ градоначальника, генерала Фулона, по телефону, доложивъ ему о происходившемъ митингѣ и дерзкихъ словахъ Гапона. *Фулонъ велѣлъ мнѣ предоставить Гапону говорить, что ему угодно.*"

Въ это самое время, за десять, двѣнадцать часовъ до избіенія, какъ ясно для всякаго знакомаго съ военной организаціей, войска должны были готовиться къ выступленію раннимъ утромъ на заранѣе въ диспозиціи указанныя мѣста, лазаретныя линейки и паровыя кухни запрягались, доктора перебирали перевязочные матеріалы, патроны раздавались и всякій офицеръ зналъ, что ему придется дѣлать. Группа общественныхъ дѣятелей и литераторовъ обивала пороги у министровъ, прося предотвратить побоище, но все было тщетно; чья то болѣе сильная власть держала дѣло въ своихъ рукахъ, и такъ стройно подготовленный планъ не желала свести на нѣтъ. Утромъ, рабочія колонны, безъ оружія, съ разстегнутыми на груди одеждами, высоко поднявъ руки, вышли какъ разъ на мѣста расположенія войскъ, и началась та дикая охота, о которой безъ содроганія нельзя вспомнить и для достойнаго заклейменія которой нѣтъ словъ на печатномъ языкѣ. Въ довершеніе всего была разстрѣлена праздная публика у адмиралтейскаго сквера, состоявшая изъ нянекъ съ дѣтьми и обычныхъ посѣтителей городскихъ садовъ. Дѣтскіе трупики висѣли на деревьяхъ и изгороди, а одинъ, въ бѣлой пуховой шубкѣ, лежалъ на снѣгу сада въ теченіе почти двухъ дней, забытый повидимому при уборкѣ и безъ вѣсти пропавшій для родителей. И этотъ крошка въ бѣлой одеждѣ, на бѣломъ снѣгу, съ маленькимъ пятномъ крови на груди, мнилось, символизировалъ все дѣло этихъ дней: крушеніе дѣтской вѣры въ царя, въ его могущество создать для на-

рода лучшее будущее, то „единеніе“ царя съ народомъ, которымъ такъ любятъ играть и доселѣ съ обѣихъ сторонъ. На фабрикахъ и заводахъ водворилось мрачное затишье; въ молчаніи перерабатывались идеи, проснувшаяся мысль искала новыхъ путей и эхо петербургскихъ выстрѣловъ далеко раскатилось по всѣмъ городамъ, пока не отразилось, наконецъ, въ событіяхъ осени того же года. Правительство хотѣло отсѣчь главу нарождавшейся гидры революціи, но на ея мѣстѣ выросли сразу тысячи; и эта безплодная и безнадежная работа продолжается и понынѣ, вселяя омерзеніе и плодя ненависть, разлагая всѣ устои государственной, общественной и даже семейной жизни. Гапонъ сдѣлался легендарной личностью. И хотя дальнѣйшія его похожденія въ Петербургѣ, гдѣ чины департамента полиціи совѣщались съ нимъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ фешенебельныхъ ресторановъ, неминуемо должны были повлечь за собой трагическую развязку, все же надъ вопросомъ, кто убилъ Гапона; многіе задумываются, и даже не перестаютъ ходить слухи о томъ, что онъ живъ. Еще прошлой осенью я самъ читалъ заграницей извѣстіе, обошедшее нѣсколько серьезныхъ органовъ, о томъ, что за Гапономъ, якобы жившимъ въ Вѣнѣ, пріѣхали два русскихъ чиновника для доставленія его въ Финляндію, гдѣ онъ долженъ былъ получать отъ правительства ежегодную пенсію въ три тысячи рублей. Скоропостижная смерть его повѣреннаго, извѣстнаго адвоката Марголина, также немало способствовала упроченію легенды объ убійствѣ Гапона агентами правительства, хотя въ свое время и было помѣщено въ русскихъ газетахъ весьма обстоятельное письмо организаціи рабочихъ, оспаривавшихъ эту „честь“ въ свою пользу *).

Я въ эти тяжелые дни былъ въ Калугѣ, гдѣ проводилъ адресъ царю отъ дворянскаго собранія. Извѣстія изъ Петербурга не остались безъ вліянія на редакцію адреса, и если я и мои друзья стремились подчеркнуть опредѣленныя пожеланія, то испуганные реакціонеры дѣлали все возможное, чтобы ослабить и смягчить ихъ впечатлѣніе. Странно было тогда видѣть это сборище двухсотъ-трехсотъ представителей дворянства, въ расшитыхъ сословныхъ мундирахъ, бродившихъ въ огромныхъ залахъ собранія, судачившихъ вкривь и вкось о политикѣ, озабоченныхъ вопросомъ, кого выбирать въ предводители, гдѣ угощать ихъ обѣдами и можно ли въ это время года достать свѣжую землянику и спаржу. Мнѣ казалось тогда, что происходитъ уже послѣдняя сессія въ жизни дворянскихъ собраній; но со-

*) Нынѣ инж. Рутенбергъ разоблачилъ истину и свою роль въ убійствѣ Гапона.

словіе прожило еще три года послѣ того, и переродится, вѣроятно, лишь съ окончаніемъ нынѣшней реакціи. Я во всякомъ случаѣ больше этой картины уже не увижу. считая роль свою какъ члена сословія конченной.

Утвержденный въ томъ же январѣ Святополкъ-Мирскимъ въ своей новой должности, я принялся за работу въ управѣ. Мой предшественникъ долго хворалъ передъ смертью, и потому дѣла были позапущены, а въ средѣ служащихъ не было того внѣшняго порядка и живости въ работѣ, которыя свидѣтельствуютъ о твердой хозяйской рукѣ. Вниманіе всѣхъ привлекали недавнія событія въ Петербургѣ, атмосфера начинала сгущаться и здѣсь тѣмъ болѣе, что сосѣдство Москвы держало Калугу всегда au courant всего происходившаго. Внѣдрять внѣшнюю дисциплину въ бойкое время было невесело, но безъ извѣстнаго распорядка такое учрежденіе, какъ губернская управа, далеко превосходившая, какъ по размѣрамь, такъ и задачами своими любой департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, не могло функціонировать. При помощи товарищей, членовъ управы, мнѣ удалось въ одинъ, два мѣсяца наладить работу во всѣхъ отдѣлахъ такъ, что лучшаго нельзя было бы требовать и въ самое спокойное время. Неудовольствій большихъ не было, а когда онѣ возникли, я разрѣшалъ ихъ совмѣстно съ служащими, какъ товарищъ, а не начальникъ; во всякомъ случаѣ, всѣ рѣшительно служащіе, а ихъ въ одномъ центральномъ зданіи было больше ста человѣкъ, относились ко мнѣ съ такой деликатностью и довѣріемъ, что мнѣ всегда легко дышалось на работѣ въ управѣ и каждое утро я съ удовольствіемъ думалъ о томъ, что сейчасъ вотъ ихъ всѣхъ увижу.

. . . .
. . . .

Только что вызывали меня на свиданіе; совершенно неожиданно пріѣхала изъ деревни жена, и въ узенькую клѣтушку съ двумя рядами мелкой рѣшетки, полутемной, разгороженной на двадцать шесть отдѣленій тюремной пріемной ворвалась жизнь снаружи, торопливыми разсказами о дѣтяхъ и политикѣ, о коровахъ и серьезныхъ заботахъ, о прорвавшемся водопроводѣ и необыкновенномъ отношеніи окружающихъ крестьянъ, наперерывъ предлагающихъ свои услуги, лошадей, даже деньги въ случаѣ нужды. Все это ошеломило, растрогало меня и я долго не могъ взяться за перо, чтобы кончить прерванную надзирателемъ фразу. Теперь мнѣ еще веселѣй, еще спокойнѣй будетъ сидѣть здѣсь и работать.

. . . .
. . . .

Первые мѣсяцы службы въ управѣ ушли на детальное ознакомлеіе съ учрежденіями губернскаго земства. Раньше я хорошо зналъ только страховое дѣло, такъ какъ три года ревизовалъ его, въ качествѣ члена ревизіонной комисіи. Здѣсь реформа была неотложной: огромный капиталъ въ полтора милліона таялъ, какъ воскъ, отъ страшной горимости соломенныхъ нашихъ деревень, платежи поступали туго, агентура стоила дорого и гласные давно жаловались на бюрократизацію этого дѣла и перепроизводство чиновниковъ, его обслуживавшихъ. Я составилъ подробный докладъ по этому вопросу, подвергъ его критикѣ товарищей по управѣ, ревизіонной коммисіи, съѣзда страховыхъ агентовъ и служащихъ отдѣла и, указавъ на возможность ежегоднаго сокращенія расходовъ по управленію на 75 тыс. рублей, отдалъ докладъ въ печать для предстоявшаго осенью собранія. Много было работы и съ медицинскимъ отдѣломъ; губернская больница на шестьсотъ кроватей тяжелымъ бременемъ лежала на плательщикахъ отдаленныхъ уѣздовъ, ею не пользовавшихся, а ближайшіе за то эксплоатировали ее усердно. Децентрализація такихъ большихъ земскихъ больницъ необходима вообще,—это признано теперь всѣми земскими авторитетами; но у насъ вопросъ осложнялся тѣмъ, что реакціонная партія, снова окрѣпшая послѣ либеральнаго шатанія въ эпоху адресовъ и склоненія на всѣ лады неосторожнаго слова Святополка-Мирскаго,—„довѣріе", что партія эта состояла именно изъ гласныхъ близкихъ къ Калугѣ уѣздовъ, вовсе не желавшихъ строить себѣ больницъ, а калужское городское самоуправленіе тоже неохотно шло навстрѣчу принятія отъ насъ цѣлаго медицинскаго поселка съ серьезнымъ бюджетомъ. Въ это время мнѣ удалось заручиться сотрудничествомъ извѣстнаго гигіениста, доктора И. И. Моллесона, согласившагося, несмотря на преклонные годы, поставить въ губерніи санитарную статистику, безъ которой ни одно медицинское мѣропріятіе не могло, конечно, имѣть успѣха. Послѣ долгой возни съ губернаторомъ, имѣющимъ по закону право вмѣшиваться во всѣ детали самоуправленія не утверждать неугодныхъ ему людей въ земскихъ должностяхъ, г. Моллесонъ былъ принятъ на службу. Не знаю, цѣлъ ли онъ теперь, въ развалъ земскаго раззоренія, но думаю, что работа его уже не пропадетъ, и даже реакціонное земство пойметъ основную истину, что улучшить санитарное состояніе крестьянъ-значитъ уменьшить смертность и оздоровить губернію. Не буду долго останавливаться на другихъ работахъ; частые съѣзды дѣятелей нашего земства, врачей, агрономовъ и т. под., значительно оживили заснувшее было учрежденіе фиксировали на немъ интересъ гласныхъ, и еслибъ не освободительное движе-

ніе, то дѣло и наладилось бы въ этомъ направленіи. Но революція смѣшала всѣ карты; струсившіе помѣщики сорганизовались для цѣлей, ничего общаго съ земской идеей не имѣющихъ; отнынѣ вся ихъ забота была направлена къ тому, чтобы дискредитировать эту идею, показать, что въ основѣ всѣхъ нашихъ реформъ и стараній лежитъ скрытая крамола,—проведеніе конституціи, революціонная пропаганда и т. под. политическія поползновенія. Даже наиболѣе разумные изъ нихъ были ослѣплены, и годъ моей службы калужскому земству обратился въ годъ явной и скрытой войны съ реакціей. съ поддерживавшимъ ее губернаторомъ, съ жандармами и министерствомъ. Хорошее начало было отравлено, покой смѣнился страстностью. Уже на экстренномъ собраніи весной 1905 года выяснилось съ очевидностью недоброжелательное къ управѣ, главнымъ образомъ ко мнѣ, отношеніе реакціоннаго большинства. Губернаторъ Офросимовъ, вѣрный отражатель петербургскихъ настроеній, открылъ кампанію еще нѣсколько раньше не безъ удовольствія передавъ мнѣ оффиціальный выговоръ министра вн. дѣлъ, Булыгина, за то, что я подписалъ, вмѣстѣ съ другими, телеграмму съ просьбой предовратить избіеніе дѣтей, подобное тому, что только что произошло въ сосѣднихъ губернскихъ городахъ. Впослѣдствіи инціатива полиціи была, въ Курскѣ, напримѣръ, доказана на судѣ, и калужане нервничали не безъ основаній. Министръ предлагалъ „мнѣ“ раньше выйти въ отставку, а потомъ уже подписывать депеши къ нему. Это такъ походило на Булыгина, котораго въ двухъ словахъ охарактеризовалъ его же товарищъ, впослѣдствіи смѣнившій его, извѣстный П. П. Дурново, сказавъ:

„Булыгинъ, что это такое? Просто толстый человѣкъ на на креслѣ, сидитъ и улыбается.“

Я мало вниманія обратилъ на его замѣчаніе и въ отставку не подалъ. Веселый министръ не забылъ всетаки меня и, когда г. Малоярославецъ удостоилъ меня званіемъ своего почетнаго гражданина, Булыгинъ не утвердилъ этого постановленіе городскаго общества. Онъ былъ, конечно, въ правѣ сомнѣваться въ моихъ заслугахъ передъ городомъ, ибо я и самъ ихъ не высоко ставлю и считаю честь незаслуженной; но что же онъ, Булыгинъ, сдѣлалъ для другого города калужской губерніи, избравшаго его почетнымъ гражданиномъ во время губернаторства его въ Калугѣ? Улыбающійся человѣкъ не совсѣмъ безпристрастенъ, вотъ и все. Я не хочу скрыть, что честь, и незаслуженная, доставила мнѣ большую радость, а единогласное постановленіе думы, послѣ булыгинскаго отказа, „подождать лучшаго времени“ для возстановленія своего первоначальнаго

рѣшенія, еще болѣе усилило мою признательность къ городу, гдѣ прошла часть моей скромной общественной дѣятельности.

Не понравилось и то, что я въ одномъ частномъ, но многолюдномъ собраніи прочелъ докладъ о представительномъ правленіи, который готовилъ для земскаго собранія въ силу царскаго указа, призывавшаго совѣтовать и излагать свои нужды чистосердечно. Теперь можно сказать, что я всегда старался внести умѣренный тонъ въ обсужденіе даже и больныхъ вопросовъ, не страшась того, что прослыву реакціонеромъ въ глазахъ своихъ товарищей и политическихъ единомышленниковъ. Этой умѣренности держался я и потомъ; частію потому, что давно уже участвовалъ негласно въ организаціи, вырабатывавшей политическую программу будущихъ конституціоналистовъ-демократовъ, теперь попросту величаемыхъ „кадетами", частію потому, что отвѣтственность за правильное теченіе земскаго хозяйства всегда диктовала мнѣ среднія рѣшенія, хотя бы и не вполнѣ согласованныя съ моимъ политическимъ темпераментомъ. Несмотря на это, отношенія съ губернаторомъ обострялись, послѣдствіемъ чего явился рядъ обысковъ у служащихъ въ земствѣ, арестовъ и высылокъ моихъ лучшихъ сотрудниковъ, а затѣмъ начались обыски въ самой управѣ и даже въ нашихъ земскихъ пріютахъ. Протестовать было излишне, — въ Россіи не существуетъ правилъ, извѣстныхъ по этому вопросу каждой европейской конституціи. Не давая никогда результатовъ, желательныхъ для губернатора и жандармовъ, обыски эти въ то же время чрезвычайно подымали нервность служащихъ, провоцируя волненія; часто приходилось по цѣлымъ днямъ созерцать въ корридорахъ управы дежурныхъ жандармскихъ солдатъ, а иногда нельзя было достать нужныхъ бумагъ, такъ какъ шкафы оказывались ночью опечатанными. Работать въ такихъ условіяхъ было нелегко, но работа шла у насъ, ни разу не останавливаясь. Лѣтомъ ожидали холеру, я строилъ бараки и дезинфекціонныя камеры на всю губернію, медицинскіе съѣзды чередовались съ иными совѣщаніями и никто не сказалъ бы, что все висѣло здѣсь на волоскѣ, что малѣйшая безтактность, всякій губернаторскій наскокъ могъ тяжело отразиться на дѣлѣ и на ни въ чемъ не повинномъ населеніи губерніи. Офросимовъ закидывалъ меня запросами, замѣчаніями, вздорными бумагами, изощрялся всячески, чтобы поймать въ земствѣ крамолу, и неудачи лишь озлобляли его еще больше. Лишенный лучшихъ служебныхъ силъ, въ частности и секретаря управы, я былъ заваленъ лишней работой и написалъ большую часть докладовъ даже по второстепеннымъ вопросамъ самъ, ожидая, что представленіе исключительно дѣлового матеріала

осеннему собранію лучше всего уяснить реакціонерамъ мою программу и ея выполненіе. Но вспыхнувшая въ октябрѣ всеобщая забастовка измѣнила всѣ расчеты, а послѣдовавшій за ней погромъ раскрылъ всѣ карты игры, начатой далеко отъ Калуги, настолько, что о покойной работѣ и думать не приходилось. Мы шли въ управу съ тревогой на душѣ и возвращаясь домой, ожидали и тамъ ночныхъ визитеровъ въ голубыхъ мундирахъ, или разгрома. Поползли какія то интриги, и въ сгустившейся донельзя атмосферѣ всѣ словно высматривали, гдѣ и съ какой стороны разразятся важнѣйшія событія. Въ виду важности этихъ событій, остановлюсь на забастовкѣ и особенно на калужскомъ погромѣ. Въ другихъ мѣстахъ было, конечно, много хуже, но можетъ быть лучше судить объ общемъ тонѣ картины по среднимъ ея краскамъ.

. . . .

Вскорѣ по возвращеніи нашемъ со свиданія, только что я принялся снова за дневникъ, вдругъ грянулъ подъ моимъ окномъ выстрѣлъ. Стая голубей шарахнулась отъ тюремныхъ оконъ въ небо и долго потомъ безпокойно носилась съ мѣста на мѣсто, словно опасаясь повторенія. Тюрьма моментально замерла; затѣмъ, минуты черезъ двѣ, поднялся обычный демонстративный грохотъ; звонки звенѣли безпрерывно, удары табуретокъ въ двери и столами объ полъ раздавались, какъ залпы, и человѣческіе голоса дико вопили ругательства и проклятія. Затѣмъ опять все затихло...

Я былъ увѣренъ, что кто нибудь изъ арестантовъ затѣялъ перебранку съ часовымъ и что, согласно новыхъ правилъ, часовой имѣлъ право стрѣлять по безоружному человѣку; въ свою очередь, и арестантъ хорошо зналъ, что его ожидаетъ. И меня снова поразило это легкомысленное отношеніе къ чужой и своей жизни, ставшее теперь у насъ обычнымъ. Вѣдь часовой могъ покойно запомнить окно и даже лицо кричавшаго заключеннаго, донести начальству и въ рукахъ послѣдняго были способы возмездія въ видѣ карцера, или сокращенія пищи. Наконецъ суди, удлинняй заключеніе. Съ другой стороны, рисковать жизнью изъ за сомнительнаго удовольствія бранить темнаго человѣка, исполняющаго только свою обязанность хожденія подъ окномъ, хотя бы съ цѣлью протеста противъ всего строя, тоже роскошь, казалось бы, непозволительная, будь то анархистъ. Очевидно, что непрестанно проливаемая кровь, нерѣдкій уводъ отсюда людей для удавленія въ казармахъ одного полка, гдѣ въ подвалѣ имѣется основательная уже, надолго устроенная висѣлица, что все это не только притупило человѣческіе нервы, но и обратило функціи ихъ въ какую то иную область ощущеній.

Выработка выборгскаго воззванія 1-й Государственной Думы.

Все это тягостно отражается на настроенiи, и меня ужъ не развеселили толки сегодня на прогулкѣ о выпускѣ насъ къ прiѣзду президента Фальера, о новомъ провалѣ въ Гос. Думѣ министровъ, объ уходѣ изъ Гос. Совѣта грубiяна Акимова. Я радъ былъ, что наши жены не слыхали этого выстрѣла, по счастiю не достигшаго цѣли, и что онѣ унесли изъ тюрьмы къ семьямъ хорошiя впечатлѣнiя о насъ.

Были извѣстiя и отъ товарищей изъ другихъ тюремъ: оказывается, что нѣкоторые сидятъ въ арестантскомъ платьѣ, въ томъ числѣ секретарь Думы, князь Д. И. Шаховской, для здоровья котораго это не можетъ быть полезно. Но всѣ бодры, всѣ легко переносятъ непривычный режимъ. Говорили и о томъ, что будто бы правительство произвело анкету о толкахъ, вызванныхъ на мѣстахъ нашимъ заключенiемъ въ тюрьмы, и результаты оказались для него плачевными: даже въ индифферентныхъ ранѣе кругахъ народилось чувство явной симпатiи къ намъ, даже въ Гос. Думѣ правые скандалисты перестали паясничать и издѣваться надъ „выборжцами". Къ чести Столыпина нужно сказать, что онъ былъ противъ процесса и заключенiя; слишкомъ ясно, впрочемъ, что позицiя правительства въ этомъ дѣлѣ безвыгодна.

. . . .

Съ войны тѣмъ временемъ продолжали поступать неутѣшительныя свѣдѣнiя. Нужно сказать, что на войну и калужское земство реагировало, къ сожалѣнiю, непосильнымъ для его бюджета ассигнованiямъ ста тысячъ рублей. Я былъ въ то въ то время только гласнымъ и не могъ привести въ своей рѣчи противъ ассигновки тѣхъ аргументовъ, которыми располагалъ впослѣдствiи, какъ предсѣдатель управы. Ассигнованiе было совершено незаконно, такъ какъ наши избиратели не уполномочивали насъ на такого рода расходы; тѣмъ болѣе неосмотрительно было брать для этого деньги взаймы изъ и безъ того тощаго страхового капитала; такъ впослѣдствiи и вышло: для покрытiя платежей пришлось обратиться за займомъ къ тому же правительству, которому эти сто тысячъ на военныя нужды отдали. По правдѣ сказать, подъ впечатлѣнiемъ извѣстiя о якобы геройской гибели „Варяга" въ рейдѣ Чемульпо, даже и наши прогрессисты были настроены патрiотически, и протестовать противъ ассигнованiя было безполезно; но тридцать тысячъ рублей мнѣ удалось сохранить, напомнивъ о предстоявшей земству обязанности помогать семьямъ взятыхъ на войну калужскихъ резервистовъ. Чтобы показать, до какой степени запутаны были всѣ дѣла и понятiя, какъ мало сдѣлало правительство даже и въ той области, которая по праву была, такъ сказать,

государственной регалией, — въ военной, я остановлюсь на минуту на этой самой помощи семьямъ запасныхъ, взятыхъ на войну. Совершенно естественно, что такая помощь есть общегосударственная обязанность, а потому должна бы производиться изъ средствъ государственнаго казначейства. Не тутъ то было. По архаическому закону, надѣлавшему немало хлопотъ еще въ 1877 году, во время турецкой кампаніи, обязанность эта возлагается на земскій учрежденія; нѣтъ денегъ, — казна дастъ взаймы, а потомъ взыщетъ съ земства. Ясно, что повинность эта ложится весьма неравномѣрно на отдѣльныя губерніи; такъ напримѣръ, въ японскую войну калужскіе полки полегли чуть не поголовно подъ Ляояномъ, проявивъ необычайную стойкость, но обездоливъ тысячи семей, которыя намъ приходилось поддерживать. Вторые комплекты тѣхъ же полковъ тоже понесли тяжкій уронъ въ слѣдующихъ бояхъ, и губернія теперь надолго разорена; по картѣ урожая прямо видно, что поля обрабатываются меньшимъ числомъ людей, т. к. климатическія условія и почва въ сосѣднихъ губерніяхъ одинаковы, а у насъ ежегодно обозначается неурожай. Словомъ сказать, чтобы оказать хотя бы первоначальную помощь этимъ несчастнымъ людямъ, пришлось продать часть ренты, лежавшей у насъ въ мѣстномъ отдѣленіи гос. банка. Такъ что же, отказался вѣдь государственный банкъ купить свою же бумагу! Пришлось ѣхать члену управы съ охраной въ Петербургъ, везя саквояжъ, набитый упавшей въ цѣнѣ правительственной бумагой; да и тамъ не мало хлопотъ было. Наконецъ продали и понесли убытка, ни много, ни мало, какъ 48.000 рублей, ибо покупали ренту раньше по высокому курсу. Обязанность въ этомъ случаѣ правительства, заставляющаго земства держать деньги въ рентѣ, тоже, казалось бы, ясна: вернуть этотъ убытокъ, вызванный исполненіемъ общегосударственной повинности.

Такъ когда земское собраніе послало меня за этимъ дѣломъ къ министру финансовъ, Коковцевъ коротко отвѣтилъ:

„Ни въ какомъ случаѣ; это ваше домашнее дѣло“.

А когда я пришелъ къ Булыгину посовѣтываться, какъ вообще быть съ помощью, такъ какъ законъ не былъ даже дополненъ опытомъ войны 77 года, а я былъ тогда десятилѣтнимъ ребенкомъ и не могъ знать, какъ въ то время справлялись, напримѣръ, съ опредѣленіемъ степени нужды семей раненыхъ, убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ, то оказазось, что покойная увѣренность характера Булыгина не позволила и ему имѣть на этотъ счетъ какое либо мнѣніе. Въ результатѣ были цѣлые „бабьи бунты“, жены запасныхъ осаждали управы и комитеты, волненіе сообщалось служащимъ и въ общемъ хаосѣ начинали

звучать угрозы, впослѣдствіи во многихъ мѣстахъ при аграрныхъ волненіяхъ и приведенныя въ исполненіе.

Между прочимъ, въ началѣ войны, когда былъ очень выгодный для правительства моментъ взбодрить патріотическое настроеніе, назвавъ нападеніе японскихъ миноносцевъ коварнымъ и беззаконнымъ, а потопленіе „Варяга" и „Корейца" расцвѣтить всѣми способами, оно и использовало его; во всѣхъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Калугѣ, были налажены манифестаціи: толпы „народа" ходили съ флагами, царскими потретами и музыкой, кричали, пѣли, врывались въ общественныя учрежденія, прекращали въ театрахъ спектакли и вообще такъ быстро переходили отъ патріотическаго восторга къ простому безчинству, что приходилось приглашать этихъ господъ къ возвращенію къ ихъ повседневнымъ дѣламъ,—мелкому мастерству, нищенству и шатанью по кабакамъ,—особыми губернаторскими воззваніями. Дѣло было нехорошо; многіе въ этомъ видѣли опасный прецедентъ, и дѣйствительно, въ страшные погромные дни, въ октябрѣ 905 года, тѣ же почти элементы вновь выступили изъ своихъ логовищъ и, прикрываясь тѣми же эмблемами, приступили уже прямо къ поджогамъ, грабежамъ и убійствамъ. Была, впрочемъ, одна полезная сторона: сразу выяснилось, кто и почему станетъ на одну сторону, и кто на другую. Знать силы противника и составъ ихъ необходимо для всякой арміи, и въ борьбѣ за освобожденіе это знаніе было, быть можетъ, еще важнѣй. Учетъ силы современной реакціи можетъ быть произведенъ, благодаря контр-революціонной попыткѣ въ октябрѣ 905-го года, съ гораздо большей точностью.

Вернемся, однако, къ предшественницѣ погромовъ, всеобщей октябрьской стачкѣ, по скольку она касалась Калуги.

11 іюня.

Первые опыты забастовокъ произвели въ народѣ отрицательное впечатлѣніе: затрагивая преимущественно промышленныя заведенія, онѣ выбрасывали въ деревни массы безработныхъ и отягчали и безъ того незавидное матерьяльное положеніе ихъ семей. Частичныя желѣзнодорожныя забастовки раздражали населеніе фабричныхъ районовъ прекращеніемъ скораго сообщенія съ заводами, не примыкавшими почему либо къ забастовкѣ. Вышло такъ, что слово „забастовщикъ" стало даже какъ бы бранным словомъ въ нашей губерніи, вся сѣверная часть которой тяготѣетъ къ Москвѣ, находящейся въ трехъ, четырехъ часахъ ѣзды. Съ теченіемъ времени начали привыкать, однако, и къ этому новому явленію русской жизни, а когда длинная цѣпь событій 905 года вызвала первую большую волну

недовольства, то, насколько помнится, начало октябрьской всеобщей забастовки мало кого у насъ удивило. Газеты ежедневно приносили свѣдѣнія о новыхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ, прекращавшихъ движеніе, а съ ними становились и всѣ вспомогательныя учрежденія, правленія обществъ, депо, заводы и т. под. Въ Калугѣ какъ разъ были расположены правленіе большой, тысячеверстной линіи и машинное депо съ двумя тысячами рабочихъ. Сообщеніе съ Москвой было еще безпрепятственно, когда я выѣхалъ на воскресенье въ деревню, повидать семью, которую медлилъ перевозить въ Калугу. На линіи замѣчалось оживленіе, непохожее на обычную дѣловую суету; видимо, служащіе что то знали, къ чему то готовились. Въ этотъ же день дорога стала, и я очутился отрѣзаннымъ отъ Калуги стоверстной бездорожицей,—выпавшій снѣгъ и застывшая осенняя грязь сдѣлали старый трактъ на Калугу совершенно непроѣзжимъ. На утро прискакалъ ко мнѣ верховой, привезшій телеграмму губернатора съ просьбой немедленно прибыть въ городъ. Чувствуя, что дѣло касается земства, я быстро собрался и отлично доѣхалъ по шоссе до Малоярославца, откуда пришлось за дорогую цѣну взять частныхъ лошадей, такъ какъ почтовое сообщеніе было давно уничтожено.

На каждомъ перегонѣ экипажъ ломался, пока, наконецъ, къ ночи и въ совершенно глухомъ мѣстѣ, не разложился окончательно на всѣ, составлявшія его, части. Ямщикъ выпрегъ лошадь и отправился за помощью въ ближайшее село. Часа въ три утра добрался я, наконецъ, до Калуги, гдѣ въ предмѣстьѣ окруженъ былъ тремя прилично одѣтыми людьми, отпустившими насъ мирно,—простая телѣга и мой деревенскій дождевой халатъ ввели ихъ, вѣроятно, въ заблужденіе относительно поживы. Конституціей все это и не пахло.

Рано утромъ я былъ уже у губернатора, сообщившаго мнѣ, что управа собирается бастовать, и убѣждавшаго меня употребить всѣ мѣры для предотвращенія земской забастовки. За долгій путь до Калуги я уже успѣлъ обдумать положеніе вещей, какимъ оно являлось для земства, и такъ какъ конечный выводъ мой былъ,—удержать служащихъ, то я охотно обѣщалъ губернатору свое содѣйствіе, не ручаясь только за наборщиковъ нашей типографіи, входившихъ цѣликомъ во всероссійскій союзъ рабочихъ печатнаго дѣла и связанныхъ дисциплиной съ центральнымъ своимъ московскимъ органомъ. Затѣмъ, въ десять часовъ утра я уже сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, покойно разбирая почту. Я не стѣснялъ служащихъ временемъ прихода на службу; они были, въ общемъ, такъ аккуратны сами, что отдѣльные случаи опозданія можно было игнорировать; но

я приходилъ всегда однимъ изъ первыхъ; поэтому, когда, черезъ полчаса приблизительно, вмѣсто обычной сравнительной тишины, я услышалъ шумъ въ корридорѣ и кабинетахъ, то стало очевидно, что служащіе чѣмъ то возбуждены. Дѣйствительно, тотчасъ же у меня попросили разрѣшенія собраться въ залѣ на совѣщаніе по поводу забастовки. Я разрѣшилъ, конечно, и сказалъ, что приду и самъ. Давъ затѣмъ имъ время выслушать своихъ ораторовъ безъ помѣхи, я вышелъ въ залу, попросилъ у предсѣдательствующаго на митингѣ, секретаря управы, слова въ очередь, и изложилъ служащимъ свой взглядъ на положеніе земства среди другихъ органовъ государственной жизни, выяснилъ, что населеніе никогда не пойметъ даже лучшихъ нашихъ побужденій въ отношеніи забастовки, ибо жизнь его не останавливается ни на минуту, а мы связаны съ этой жизнью тысячью нитей; наконецъ сказалъ, что не считаю данный моментъ рѣшающимъ и предвижу время, когда дѣйствительно уже мои соображенія не будутъ имѣть силы; для нихъ же, служащихъ, не представится ужъ тогда возможности принять какое либо участіе въ общемъ дѣлѣ, такъ какъ въ случаѣ забастовки половина ихъ завтра же будетъ исключена губернаторомъ со службы, и я безсиленъ буду въ своемъ заступничествѣ. Я предоставилъ рѣшеніе имъ самимъ, прося лишь для себя лично свободы приходить ежедневно на службу, такъ какъ посѣтители изъ ближайшихъ уѣздовъ, сообщавшіеся съ городомъ на лошадяхъ, или пѣшкомъ, могли нуждаться въ полученіи справокъ, пріемѣ платежей и получкахъ денегъ. Затѣмъ я ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, а представители нашей крайней лѣвой, примыкавшіе къ той части соц.-демократовъ, что носятъ теперь названіе „большевиковъ“, продолжали развивать свои идеи передъ долго еще не расходившимся собраніемъ. Говорившій послѣ меня членъ управы поддерживалъ мою точку зрѣнія и, въ частности, подтвердилъ, что губернаторъ уже обѣщалъ, въ случаѣ забастовки, немедленно уволить всѣхъ служащихъ женщинъ, а ихъ было въ управѣ около тридцати. Въ концѣ концовъ, забастовка значительнымъ большинствомъ голосовъ была отклонена, и управа продолжала функціонировать. Нужно ли прибавлять, что когда дѣло дошло до настоящей войны съ администраціей по случаю погрома, то губернаторъ не постѣснился донести Дурново, министру внут. дѣлъ, что я склонялъ служащихъ къ забастовкѣ и что губернская управа бастовала; я имѣлъ возможность не только узнать содержаніе этого и всѣхъ другихъ губернаторскихъ доносовъ, но и отмѣтки на нихъ министра; Офросимовъ можетъ посмотрѣть ихъ въ департаментѣ полиціи.

Такъ прошло нѣсколько дней. Въ городѣ собирались многолюдные митинги; толпы людей, среди которыхъ были и учащіеся, пѣли по вечерамъ революціонныя пѣсни, маршируя въ ногу по темнымъ калужскимъ улицамъ, но порядокъ нигдѣ не нарушался и красные флаги никого, повидимому, не раздражали; небольшіе отряды пѣхоты и казаковъ слѣдовали иногда бокъ о бокъ съ манифестантами, мирно слушая запретныя слова и мелодіи, лавочники стояли у дверей своихъ заведеній и полное отсутствіе безпорядка видимо смущало полицію, не имѣвшую поводовъ ко вмѣшательству. Словомъ, никакого контр-революціоннаго запаха въ воздухѣ не чувствовалось и только росло выжидательное, но бодрое настроеніе.

Наконецъ Калуга оказалась совсѣмъ отрѣзанной отъ міра —газеты перестали приходить изъ Москвы,— все какъ то сгустилось еще больше. Губернаторъ и высшее губернское чиновничество имѣли довольно жалкій видъ, словно рыбы, вытащенныя изъ воды; проявлять власть было не надъ кѣмъ, объекты ея или были отрѣзаны отъ города, или вели себя такъ мирно, что не за что было и карать; о погромной полосѣ никому и въ голову не приходило. Дни ожиданія тянулись длиннѣе обыкновеннаго, обычная живая работа въ управѣ не клеилась, и я снова съ уваженіемъ и благодарностью вспоминаю о всѣхъ служащихъ, и при такой обстановкѣ продолжавшихъ свое дѣло. Семнадцатое октября прошло, никто ничего не зналъ. 18-го, часовъ въ двѣнадцать, кто то влетѣлъ въ мой кабинетъ, держа въ рукахъ клочекъ бумаги и крича: „Манифестъ! Конституція!" Я пробѣжалъ телеграмму съ текстомъ манифеста и, каюсь, повѣрилъ ему. Слишкомъ долго дожидалось наше поколѣніе этого дня, этихъ словъ; слишкомъ для насъ, рядовыхъ работниковъ на государственной нивѣ, было ясно, что безъ немедленнаго увлаженія ея словами и дѣлами свободы все посохнетъ вокругъ, и что цѣлая генерація сойдетъ въ могилу, проживя лишь вѣкъ реакціи трехъ императоровъ. Вотъ почему хотѣлось вѣрить слову Монарха, не разсуждая; вотъ почему невольно припоминались твердыя слова Николая І-го, сказанныя въ отвѣтъ на домогательства помощи со стороны Карла X-го, замышлявшаго нарушить французскую хартію; „Если Карлъ нарушитъ свое слово, мы ему помочь не можемъ." Я немедленно созвалъ въ залу всѣхъ служащихъ, съ трудомъ прочелъ манифестъ, хотѣлъ что то сказать, но уже не могъ, радостныя слезы душили меня и, прекративъ занятія въ управѣ, я поторопился на телеграфъ, послать женѣ депешу о манифестѣ. При выходѣ замѣтилъ, что всѣ зданія земства были уже увѣшаны флагами, причемъ ни одного краснаго не было. Городъ имѣлъ оживленный видъ, но

безпорядка никакого. Когда я подалъ пожилой телеграфисткѣ листокъ, на которомъ стояли, снова каюсь, наивныя слова: „Россіи дана конституція отнынѣ мы живемъ въ свободной странѣ“, ея утомленное тяжкимъ трудомъ лицо освѣтилось печальной улыбкой недовѣрія и, молча покачавъ головой, она вписала мою радость въ казенную книжку, словно похоронила ее на телеграфномъ кладбищѣ. Сколько разъ вспомнилъ я потомъ это укоризненное покачиваніе головы русской женщины, давшей безмолвный урокъ будущему депутату! Много тогда было на Руси подобныхъ мнѣ людей, но еще большее число раздѣляло пессимизмъ телеграфистки, и столкновеніе этихъ двухъ, противоположныхъ настроеній въ двухъ же главныхъ слояхъ русскаго общества не мало способствовало потомъ обостренію отношеній между отдѣльными оппозиціонными группами и помогло реакціи временно закрѣпиться на старой своей позиціи.

Въ четыре часа назначенъ былъ молебенъ въ соборѣ,—безъ этого не обходится ни одинъ крупный правительственный актъ. Я долженъ былъ быть тамъ, какъ предсѣдатель управы, и былъ на сей разъ однимъ изъ первыхъ, т. к. мнѣ очень хотѣлось взглянуть на чиновничьи физіономіи въ этотъ день, который многимъ изъ нихъ могъ, при случаѣ, быть финаломъ дальнѣйшей карьеры. Вопреки обычая, соборъ былъ почти неосвѣщенъ; полное отсутствіе богомольцевъ указывало на то, что населеніе умышленно не было оповѣ..ено о манифестѣ, а духовенство не имѣло, чему радоваться. Вошедшій губернаторъ хотѣлъ сказать мнѣ что то, но нижняя челюсть его отвисла только на мгновеніе и снова замкнулась, не выпус ивъ звука. Архіерей служилъ какъ то особенно вяло, а діаконъ, замогильнымъ голосомъ прочевшій манифестъ, нагналъ на всѣхъ пущую тоску. Все это звучало уже какъ memento mori, но вѣра моя и моихъ друзей еще не уменьшалась. Земскіе служащіе устроили банкетъ, на которомъ не произносилось ничего рѣзкаго—крайніе лѣвые отсутствовали,—но на этомъ банкетѣ за то хорошо сыграла потомъ провокація. Все шло, какъ нельзя лучше; изо всѣхъ городовъ приходили свѣдѣнія о всеобщемъ ликованіи, желѣзныя дороги начали работать, фабричные гудки засвистѣли и вереницы рабочихъ потянулись отовсюду къ прерваннымъ занятіямъ. Порядокъ ни въ чемъ не нарушался, а губернаторъ говорилъ солиднымъ баскомъ:

„Что жъ, я ничего не имѣю противъ красныхъ флаговъ; они—эмблема свободы, а разъ государю императору угодно было дать свободу, то они и въ правѣ ходить съ ними.“

Въ первый же свободный день я поспѣшилъ въ деревню, чтобы разсказать женѣ и крестьянамъ обо всемъ происшедшемъ.

Но въ первую же ночь меня разбудила депеша калужскаго полицеймейстера, моего свояка, призывавшая меня немедленно въ Калугу отъ имени губернатора. Утромъ, въ 9 часовъ я былъ уже у него и узналъ, что наканунѣ происходила какая то „патріотическая" манифестація, съ флагами и портретомъ царя; а отъ полицеймeстера узналъ, что были безпорядки. Повидавшись съ товарищами, я тотчасъ убѣдился, что подготовленъ погромъ, тѣмъ болѣе, что подобныя свѣдѣнія были уже о другихъ городахъ. Съ тяжелымъ чувствомъ отправился снова къ губернатору на совѣщаніе, созванное имъ къ 10 ти часамъ утра. Въ городѣ все еще было тихо. У Офросимова находились уже полицеймейстеръ, городской голова, замѣститель начальника гарнизона и не помню кто еще, кажется прокуроръ, или предводитель дворянства. Говорили о вчерашнемъ буйствѣ; впослѣдствіи оказалось, что огромная толпа городского отребья и пьяницъ, во главѣ съ губернаторомъ и нѣсколькими его чиновниками, прошлась по городу съ пѣніемъ гимна и гиканьемъ, съ попутнымъ битьемъ стеколъ въ еврейскихъ лавочкахъ, на грязной площади заставила архіерея служить молебенъ; и въ то время, какъ возлѣ центральной, колѣнопреклоненной группы начальства раздавалось стройное пѣніе пѣвчихъ и слова молитвъ, тутъ же рядомъ и тѣ же патріоты орали непотребныя кабацкія пѣсни и избивали неосторожныхъ прохожихъ, особенно въ формѣ учебныхъ заведеній. И вотъ, несмотря на то, что истинное настроеніе громилъ вполнѣ опредѣлилось и что базарный день могъ вызвать уже настоящую катастрофу, если толпа подгородныхъ крестьянъ соединится съ калужанами, Офросимовъ все же настаивалъ на томъ, чтобы начальникъ горнизона командировалъ хоръ музыки въ распоряженіе манифестантовъ, просилъ, чтобы еще „хоть одинъ день" позволили имъ попраздновать и обѣщалъ водворить порядокъ. Однако офицеръ, пожилой полковникъ, наотрѣзъ отказалъ въ музыкѣ, а полицеймейстеръ и я категорически высказались противъ разрѣшенія шествія, изъ страха столкновенія съ раздраженными горожанами другихъ классовъ. Съ этимъ и разошлись. На другомъ совѣщаніи со своими товарищами, (былъ праздникъ, и управа не работала), окончательно было установлено, что погромъ подготовленъ, начнется тогда то и съ такого то мѣста; былъ на лицо и списокъ, назначенныхъ къ „потоку и разгромленію" жертвъ, въ числѣ ихъ многіе служащіе управы, а изъ выборныхъ — два члена ея и я. Просили организовать милицію, но я отказался отъ этой мысли, нэ рѣшаясь стать инціаторомъ бойни и все еще ожидая отъ губернатора сколько нибудь распорядительности. Но связанный чѣмъ то по рукамъ и ногамъ, Офросимовъ сидѣлъ дома безъ движе-

нія, и въ назначенный часъ полетѣли осколки зеркальныхъ стеколъ лучшаго въ городѣ магазина винъ и съѣстныхъ припасовъ. Возлѣ громилъ стояли войска, подъ начальствомъ генерала Мезенцова, и бездѣйствовали; одного выстрѣла въ воздухъ было достаточно, чтобы разогнать незначительную вначалѣ шайку дневныхъ разбойниковъ и нагнать спасительный страхъ на базарную толпу. Губернаторъ немедленно сложилъ съ себя власть и передалъ ее Мезенцову; я знаю, что Офросимовъ самъ испугался всего происшедшего, но не имѣлъ мужества прекратить погромъ, такъ какъ повиновался инымъ распоряженіямъ въ шифрованныхъ депешахъ сыпавшихся въ эти дни повсюду. Велѣвъ запереть покрѣпче управу, я съ членомъ ея, Кашкаровымъ, вновь поѣхалъ въ губернаторскій домъ, чтобы быть свидѣтелями донесеній ему и его распоряженій. При насъ онъ послалъ депешу Трепову, донося о начавшемся погромѣ, при насъ же принималъ плачущихъ купцовъ, являвшихся заявить о разгромленныхъ ихъ магазинахъ. Все это были отцы студентовъ, т. е., по понятіямъ погромщиковъ, революціонеровъ. Среди дня послышались дикіе вопли приближавшихся людей, и вскорѣ изъ за угла появилась группа, человѣкъ въ десять, совершенно пьяныхъ, наперечетъ извѣстныхъ Калугѣ хулигановъ, и подошла къ губернаторскому крыльцу; въ ихъ рукахъ раскачивались національные флаги, двое, съ трудомъ удерживаясь на ногахъ, балансировали портретомъ царя въ золоченой рамѣ. Нестройное пѣніе и крики „ура" доносились сквозь запертыя окна; жандармскій ротмистръ, съ непокрытой головой, почтительно объходилъ этотъ сбродъ изъ калужскихъ трущобъ, напротивъ, въ неподвижной позѣ, тоже съ обнаженной, совсѣмъ лысой головой, застылъ какой то прохожій, парализованный страхомъ. Картина была настолько печальна, что губернаторъ, сойдя внизъ и удостоившись сочувственныхъ криковъ этихъ господъ, отобралъ у нихъ драгоцѣнныя эмблемы и водрузилъ ихъ у себя въ пріемной до болѣе спокойнаго будущаго. Темнѣло. Сотня казаковъ спокойно протрусила куда то. Крики все росли. Въ эти часы были разбиты многіе частные дома, нѣсколько убитыхъ юношей лежало на улицахъ, а въ земскую больницу привозили раненыхъ и изувѣченныхъ одного за другимъ. Надъ однимъ изъ нихъ плакалась простая женщина, повидимому, мать, и причитала:

„Господи! Думали, по рублю будутъ давать. Кабы знать, что изъ за гривенника такую страсть мому Колькѣ принять придется, ни въ жисть не пустила бы его!"

Болѣе смышленные пополняли недоданное распорядителями погрома сами, грабя магазины, роспивая вино на улицахъ же и пьянѣя все болѣе и болѣе. Губернаторъ предложилъ мнѣ отпра-

виться въ управу и съ крыльца держать рѣчь къ толпѣ, которая, по росписанію, около этого времени должна была начать ея разгромъ. Но мнѣ такъ живо представилось, какъ на другой день Офросимовъ, съ дѣланно грустнымъ видомъ, будетъ говорить о моемъ трупѣ:

„Что жъ дѣлать! Божья воля! Вотъ оно либеральничанье то куда приводитъ," и т. под., что я не захотѣлъ доставить ему это удовольствіе и поѣхалъ къ полицеймейстеру, который въ это время лежалъ съ разбитой камнемъ спиной; онъ лично сдѣлалъ все, что могъ, но передача власти съ утра военному начальству лишила его какой бы то ни было возможности предотвратить бѣдствіе. Я временно жилъ въ его домѣ, такъ какъ нашъ домъ отдѣлывался еще и не былъ готовъ. Улица гудѣла. Когда вой толпы приблизился къ воротамъ дома, полицейместеръ, не считая меня въ безопаснвсти, посовѣтовалъ мнѣ уѣхать незамѣтно на вокзалъ, и въ деревнѣ выждать конца погрома. Мнѣ не хотѣлось навлекать на этотъ домъ непріятность; зная, что все равно я не защищу управу, ибо и сторожа въ праздникъ всѣ были въ разбродѣ, и что денегъ въ управѣ немного, (онѣ должны, по закону, храниться въ банкѣ, и въ нашей кладовой, въ несгораемомъ шкафу, не могло быть большихъ суммъ), а также не боясь пожара въ новомъ каменномъ зданіи со всѣми приспособленіями для тушенія огня, я согласился и, надѣвъ деревенскій халатъ, вышелъ изъ воротъ; мимо меня съ гикомъ неслись пьяные, обезумѣвшіе люди, на которыхъ со страхомъ смотрѣли изъ подъ воротъ дворники и кухарки. Пройдя немного глухими улицами и съ трудомъ найдя экипажъ, я поѣхалъ на вокзалъ, откуда послалъ депешу губернатору, оставляя на его охрану земское имущество и обѣщаясь лично донести обо всемъ графу Витте. На вокзалѣ негдѣ было яблочку упасть; наскоро собравшіеся земскіе и желѣзнодорожные служащіе, частныя лица, многіе съ дѣтьми и няньками, выселялись куда попало, лишь бы не видѣть погрома, не слышать уличнаго рева. Желѣзнодорожный жандармскій офицеръ, неподчиненный охранному отдѣленію, а потому и не подозрѣвемый никѣмъ въ близости къ погромщикамъ, успокаивалъ женщинъ, и далъ слово, что встрѣтитъ залпомъ толпу, если она рѣшится подойти къ вокзалу. Двѣ роты солдатъ стояли тутъ же въ полной боевой готовности. Наконецъ поздно вечеромъ насъ посадили въ поѣздъ и отвезли отъ города. Истерическія рыданія смолкли и уступили мѣсто покойнымъ разсказамъ о видѣнномъ. Какой то незнакомый мнѣ человѣкъ разсказывалъ другому:

„Сегодня на базарѣ, вижу, какая то чуйка расхаживаетъ и объявляетъ:—Обнинскаго изничтожить нужно!—Я заинтересо-

вался и спросилъ, за что же?—А за то,—послѣдовалъ отвѣтъ что онъ царя смѣстить хочетъ".

Такимъ то элементарнымъ способомъ насаждалась вражда къ людямъ, которые. далеко стоя отъ приписываемыхъ имъ намѣреній, работали для освобожденія и просвѣщенія этого же, въ сущоости. темнаго и неповиннаго народа.

Вернувшись черезъ сутки въ Калугу, я былъ командированъ управой въ Петербургъ, и пошелъ заявить объ этомъ губернатору; сначала онъ ни за что не соглашался отпускать меня, ссылаясь на тревожное время и волненіе среди служащихъ; поручившись за послѣднихъ, я настаивалъ на отпускѣ, грозя, въ противномъ случаѣ, немедленно телеграфировать Витте о задержкѣ; Офросимовъ немедленно сдался и добавилъ:

„Я прошу васъ подождать еще два дня; вы успѣете въ это время больше матеріала собрать для доклада гр. Витте".

Насквозь видя эти невинныя хитрости, ведшія къ тому, чтобы губернаторское донесеніе пришло въ Петербургъ раньше меня, я не протестовалъ, тчмъ болѣе, что не собирался говорить тамъ неправды, и остался еще на два дня. Характерно, что когда я сказалъ Офросимову, что знаю, какъ ему было трудно противостоять распоряженіямъ изъ Петербурга, онъ, помолчавъ, отвѣтилъ:

„Ужъ если вы заговорили о Петербургѣ, то я могъ бы вамъ сказать"...

Но въ это время кто то вошелъ въ кабинетъ, губернаторъ осекся, а я уѣхалъ въ управу составлять докладъ графу Витте. Черезъ два дня, взявъ съ собой члена управы, Кашкарова, я выѣхалъ въ Петербургъ.

По дорогѣ вездѣ были слѣды недавнихъ волненій, —небывалое оживленіе, новыя газеты, веселая толпа на улицахъ, митинги и собранія. Въ одной газетѣ прочелъ, будто я раздалъ служащимъ оружіе для обороны. Дѣйствительно, на другой день послѣ погрома нѣкоторые служащіе просили денегъ въ счетъ жалованья, намѣреваясь купить револьверы для самозащиты; еще долго спустя ихъ преслѣдовали по вечерамъ темные люди, отмѣчали двери ихъ домовъ и они получали угрожающія письма; по совѣтѣ съ товарищами, я отказалъ въ такой ссудѣ и уговорилъ не покупать орулія. но такъ какъ становилась зима, когда небогатые люди должны были запасаться и теплой одеждой, и обувью, то служащіе обычно брали въ это время ссуды, и мы выдали семейнымъ по двадцати пяти рублей, которые потомъ и вычитались изъ жалованья. Очень хотѣлось потомъ губернатору и части гласныхъ раздуть это дѣло но я имѣлъ къ бумагамъ черновикъ управскаго опроверженія

въ газету, которое почему то не было напечатано ею. Было бы совершенно естественно выдать деньги на оружіе, но случись это, я бы вмѣсто Государственной Думы давно ужъ сидѣлъ въ Сибири. Каждый шагъ нужно было взвѣшивать, даже и въ такое бойкое время, и я на всегда сохраню глубокую признательность къ моимъ товарищамъ по управѣ, поддерживавшимъ меня совѣтами и не разъ предостерегавшимъ меня отъ шаговъ, естественныхъ при моей открытости и нервности, но могшихъ послужить во вредъ и нашимъ служащимъ, и мнѣ самому. Къ счастью, во мнѣ крѣпко уваженіе ко всякому коллегіальному началу и, исчерпавъ свои доводы, я безусловно подчинялся рѣшенію большинства, (членовъ управы было четверо), если оно противорѣчило моимъ желаніямъ. У насъ не было недоразумѣній, и я вообще не припомню никакихъ ссоръ въ управѣ за все время моей службы и несмотря на обостреніе политическихъ разногласій между служащими.

12 іюня.

Сегодня выяснилось, что молодой арестантъ, сидѣвшій за рѣшеткой, на подоконникѣ, даже не говорилъ ничего часовому, и что тотъ, сказавъ ему, чтобъ онъ слѣзъ, выстрѣлилъ, когда арестантъ не послушался сразу. Говорили также, что за пять дней до нашего заключенія на линію нашихъ оконъ вышелъ, офицеръ и закричалъ всѣмъ, чтобы слѣзли; затѣмъ вывелъ взводъ солдатъ и далъ залпъ по всему фасаду. Всѣ эти событія привели къ тому, что сегодня же меня предупредили невѣдомые доброжелатели, чтобы я осторожнѣй смотрѣлъ въ окно, такъ какъ часовой меня видитъ; сосѣди же мои внѣ поля его зрѣнія. Жаль, я привыкъ уже по утрамъ кормить оставшимся хлѣбомъ голубей и воробьевъ, здѣсь не менѣе ручныхъ, чѣмъ въ Венеціи; вотъ только частая стрѣльба ихъ безпокоитъ немного...

Пріѣхалъ Иваницкій, теперь насъ тринадцать. Новостей не привезъ, но слухъ о сокращеніи срока все растетъ.

. . . .

О погромахъ много написано, не меньше, чѣмъ объ экспедиціяхъ къ сѣверному полюсу; но, подобно тому, какъ эта, всякому школьнику извѣстная, точка не дается въ руки отважнымъ изслѣдователямъ тѣхъ областей*), гдѣ все ледъ, все холодъ, гдѣ природа олицетворяетъ безстрастную жестокость, такъ и современные изслѣдователи центра погромной полосы обре-

*) Съ тѣхъ поръ полюсу посчастливилось,—сразу двое претендующихъ на его открытіе.

чены на неудачи изъ за такихъ же безстрастныхъ, ледяныхъ стѣнъ бюрократизма, возвышающихся на ихъ пути одна за другой, все выше и выше, скрывая отъ взоровъ даже самыхъ смѣлыхъ тотъ пунктъ, гдѣ длинныя и запутанныя нити контр-революціонной пропаганды замотаны накрѣпко въ цѣпкихъ, живучихъ рукахъ неизвѣстныхъ намъ людей. Я не хочу сказать, что все чиновничество замѣшано, или сочувствуетъ погромамъ, вовсе нѣтъ; но черезъ это тѣло проходятъ тамъ и сямъ тѣ тонкіе нервы зловѣщей воли, которые на концахъ своихъ вызываютъ извѣстное раздраженіе въ общественномъ организмѣ и пробуждаютъ къ интенсивной дѣятельности негодные его элементы, надолго заражая прилегающія къ нимъ области жизни. Въ самомъ дѣлѣ, смѣшно было бы приписывать простой случайности вспышку октябрьскихъ погромовъ. Манифестъ сдѣлался всюду извѣстенъ 17—19 октября, повсюду въ полномъ внѣшнемъ порядкѣ протекли манифестаціи, скажемъ, даже революціонныя, въ томъ числѣ и такія грандіозныя, какъ похороны въ Москвѣ убитаго Баумана, гдѣ двѣсти тысячъ человѣкъ прошли черезъ столицу, не задѣвъ ни однаго ребенка, не сказавъ никому обиднаго слова. Ни слѣда раздраженія, даже рептильная пресса не науськивала еще свою кліентуру на ненавистную народившуюся свободу. И вдругъ одновременно въ десяткахъ городовъ происходитъ буквально одно и то же: изъ городскихъ трущобъ выползаютъ подонки пролетаріата и, сомкнувъ свои ряды съ мелкими торговцами, ремесленниками, направляются, при благосклонномъ вниманіи поставленной на ноги полиціи, къ губернаторскимъ домамъ; въ рукахъ ихъ появляются флаги, портреты, доставленные чьими то дружескими усиліями, ибо никакой организаціи, ни копейки средствъ, никакихъ учрежденій это сборище еще не имѣетъ. Пока все идетъ хорошо. Губернаторъ выходитъ на балконъ, или крыльцо. Три дня передъ этимъ онъ признавалъ красный цвѣтъ:, никто не мѣшалъ украшенію его дворца и городскихъ домовъ національными флагами, но дома не украшались; въ погромный же день все увѣшано флагами, какъ извѣстно въ Россіи находящимися въ распоряженіи полиціи. (Не могу забыть, между прочимъ, какъ въ день смерти Александра III-го огорчена была одна петербургская домовладѣлица, графиня К., которую заставили убрать съ ея великолѣпнаго особняка большой черный флагъ; столица должна была надѣть трауръ вся сразу и лишь черезъ день). Итакъ, губернаторъ съ непокрытой головой сходитъ къ шумнопривѣтствующей его толпѣ, пополняющейся сзади завсегдатаями кабаковъ, становится подъ сѣнь эмблемъ и начинаетъ обходъ города. Казалось бы, чего лучше! Всѣ мо-

гутъ видѣть трогательный союзъ власти съ общественными низами, всѣ должны быть довольны, разъ навсегда узнавъ, кого, собственно. можно залучить изъ пестраго городского населенія подъ трехцвѣтные флаги; распредѣленіе людей на три главныя категоріи,—краснофлажниковъ, бѣлознаменцевъ и нейтральныхъ, могло бы завершиться и безъ эксцессовъ. Но нѣтъ, и дальше программа поражаетъ своимъ однообразіемъ: прежде всего разбивается первый попавшійся кабакъ, не глядя на то, что онъ казенный; выпитая водка подымаетъ настроеніе, и въ то время, какъ одни требуютъ архіерея и молебна на площади, другіе устремляются искоренять крамолу, огуломъ зачисляя въ революціонеры всѣхъ неодѣтыхъ чиновниками согражданъ. Евреи идутъ въ первую голову; за ними—воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, затѣмъ земскіе дѣятели, адвокаты, сотрудники газетъ и т. д., и т. д, вплоть до всякаго неснявшаго передъ пьяной ордой шапки. Толпа раздѣляется на части, которыя слѣдуютъ послушно за людьми въ штатскомъ, но коихъ вчера видѣли въ формѣ городовыхъ, снабженныхъ листками, гдѣ, какъ въ проскрипціяхъ, означены будущія жертвы этихъ несчастныхъ слѣпцовъ. Къ вечеру насчитываютъ десятки труповъ, иногда растерзанныхъ, сотни раненыхъ ускользаютъ въ свои дома, и лишь пострадавшіе при самооборонѣ участники погрома заполняютъ койки земскихъ и городскихъ больницъ. Въ тотъ же день губернаторъ, по просьбѣ двухъ, трехъ человѣкъ, бывшихъ вблизи него на уличномъ богослуженіи, посылаетъ царю длинную, велерѣчивую телеграмму, описывая преданность народа самодержавному монарху и его энтузіазмъ. О томъ, что объявленіе манифеста прошло мирно, а вѣрноподданническія чувства немедленно перешли въ избіеніе невооруженныхъ и беззащитныхъ людей, тамъ не говорится; и вотъ впервые по октроированіи конституціи, русскій царь освѣдомляется о томъ, что страшныя потрясенія недавнихъ мѣсяцевъ, позорная война, раскрытыя хищенія, грандіозная забастовка, что все это лишь случайный налетъ на прочно стоящихъ на своихъ мѣстахъ трехъ китахъ — самодержавіи, православіи и народности, и что добрый русскій народъ остается, постарому, вѣрнымъ завѣтамъ предковъ, непоколебленнымъ пронесшимися надъ страной бурями! Естественно, что царь ласково отвѣчаетъ на губернаторскія телеграммы. Ниже увидимъ, какъ удручала Николая II-го мысль о нарушеніи клятвы, данной при короновaніи въ томъ, что онъ навсегда останется самодержцемъ. Въ суматохѣ дня 17-го октября, этого второго крушенія послѣ крушенія 17-го же октября въ Боркахъ, никакой присяги новымъ началамъ не было принесено, и въ сотняхъ одинаково

составленныхъ губернаторскихъ депешъ такъ пріятно было почерпнуть силы для возстановленія пошатнувшагося принципа абсолютизма! А между тѣмъ эти ласковые отвѣты вызвали новую волну избіеній и звѣрствъ, ибо объявлялись они народу не такъ, какъ манифестъ 17 октября, въ темныхъ соборахъ, а съ балконовъ, на площадяхъ; всюду расклеивались и разносились плакаты, гдѣ крупными литерами изображался призывъ царя къ единенію, красовались слова благодарности за вчерашнія чувства. Новыя жертвы, новыя осложненія будущихъ дней. Наконецъ, видя, что дѣло заходитъ далеко, и не будучи лично жестокими людьми, губернаторы призывали къ порядку и даже грозились вооруженной силой за всякое его нарушеніе. Патріоты расходились по норамъ, но уже прежняя жизнь не могла нигдѣ наладиться; темный духъ реакціи протянулъ надъ землей свои лапы и началъ понемногу давить все, что могло послѣ 17-го дать ростки. Молодые всходы политической свободы въ провинціи задержаны были въ ростѣ и пошли, что называется, въ корень, до лучшаго времени. Никто не сомнѣвался теперь, что обѣщанныя свободы — простые журавли въ небѣ, и всѣ спѣшили использовать пойманную синицу—свободу слова. Митинги собирались повсюду, а пресса развязала языкъ и народила тучу газетъ, журналовъ и листковъ. Въ столицахъ, гдѣ погромы невозможно было организовать по техническимъ причинамъ, (такъ же, какъ нелѣпо было вооруженное возстаніе устраивать), было попрежнему оживленно и шумно; клубы и собранія были полны, всюду слышалась бодрая рѣчь, ожидали объявленія срока выборовъ, чуть ли не намѣчали кандидатуры будущихъ депутатовъ. Полагали, что контр-революціонная попытка сорвалась и надѣялись на то, что Витте сможетъ подкрѣпить нѣсколько опрометчиво обставленный актъ 17 октября. Въ самомъ дѣлѣ, не предупредить губернаторовъ о готовящемся манифестѣ, не подтвердить имъ, что за всякую попытку съ ихъ стороны къ искаженію смысла реформы, а тѣмъ болѣе за устройство безпорядковъ, они отвѣтятъ своей карьерой, не войти въ полное соглашеніе съ военнымъ министромъ и св. синодомъ,—все это были элементарные, но роковые промахи, и за нихъ страна расплачивается и посейчасъ. Авантюристъ, каковъ онъ есть, гр. Витте почувствовалъ головокруженіе на высотѣ, куда занесъ его этотъ серьезный историческій моментъ и, бывъ въ состояніи бороться съ камарильей до конца, не смогъ этого конца закрѣпить узломъ. А тогда вся работа поползла немедленно врозь, новое платье разошлось по швамъ, и стомилліонный народъ снова ждетъ, чтобы кто нибудь снова прикрылъ его политическую и соціальную наготу. Но тамъ полагаютъ,

что святой Руси идетъ это рубище, что въ немъ она скорѣй выполнитъ свое провиденціальное назначеніе—внести свѣтъ въ загнившую европейскую цивилизацію.

Впослѣдствіи, когда кое гдѣ состоялись судбища надъ отдѣльными громилами октябрьскихъ дней, не было позволено касаться общихъ причинъ погромовъ, — политика исключалась изъ рѣчей защитниковъ и была разрѣшаема лишь обвинителямъ; тѣмъ не менѣе, много любопытныхъ черточекъ проскользнуло въ разныхъ мѣстахъ и, собранныя воедино, онѣ производятъ уже вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе сочиненной и поставленной опытной режиссерской рукой пьесы контр-революціоннаго характера. Тутъ зародились всѣ черносотенные союзы, выяснилась вся та подноготная темнаго русскаго прошлаго, которое хотѣло, во что бы то ни стало, еще пожить на свѣтѣ. Никто, впрочемъ не зналъ, что въ это время уже работалъ печатный станокъ въ секретной комнатѣ департамента полиціи, что темные люди этихъ сферъ, Рачковскій, Треповъ, Комиссаровъ были уже на своихъ мѣстахъ, у широко задуманнаго дѣла, и рядъ новыхъ назначеній долженъ былъ создать на мѣстахъ вѣрныхъ исполнителей петербургскихъ предначертаній. Только долго спустя, когда князь Урусовъ, благодаря Макарову, напалъ на слѣдъ этой шайки, выплыли на свѣтъ ея дѣла, настоящія государственныя преступленія, получившія потомъ должную оцѣнку въ извѣстной рѣчи Урусова въ Гос. Думѣ. Я надѣюсь, что Урусовъ разскажетъ еще намъ, въ продолженіи замѣчательныхъ мемуаровъ своихъ, о всей этой исторіи, гдѣ П. Дурново умылъ руки, заблаговременно осудивъ пріемы Трепова, гдѣ послѣдній орудовалъ настолько открыто, что оттиски погромныхъ прокламацій съ его помѣтками: „Печатать. Треповъ", открыто лежали въ кабинетѣ Комиссарова, и гдѣ царь награждалъ 75.000 рублей бывшаго шпіона, поручая ему „использовать общественныя силы"; конечно слова эти, столь же неосмотрительно сказанныя, какъ и призывъ къ объединенію русскихъ людей, даже извощиковъ, были использованы въ контрреволюціонныхъ цѣляхъ, и тюки правительственныхъ прокламацій полетѣли во всѣ мѣста, гдѣ мѣстная агентура могла подготовить имъ успѣхъ.

Награды сыпались на ретивыхъ исполнителей позорныхъ порученій: Рачковскій получилъ звѣзду, Коммиссаровъ какой то орденъ, Треповъ былъ въ силѣ, какъ никогда раньше. Когда сорвалась октябрьская затѣя, когда еще отчетливѣй вырисовалось изолированное положеніе приверженцевъ абсолютизма и когда, хочешь, не хочешь, пришлось приступить къ выборамъ въ Государственную Думу, въ Треповѣ, повидимому,

произошла серьезная перемѣна. Среди лицъ, окружавшихъ въ то время царя и изъ коихъ нельзя назвать ни одного сколь-человѣка, ни одного правдиваго друга, Треповъ былъ быть можетъ, единственнымъ вѣрнымъ, искренне преданнымъ царю существомъ. Грубый, необразованный, съ легкимъ сердцемъ судившій о вещахъ, даже названія которыхъ онъ не былъ въ состояніи осмыслить, онъ обладалъ, все же, самымъ главнымъ—чутьемъ. Потянувшись за кѣмъ то, выше себя стоящимъ, въ погромную авантюру, онъ скоро убѣдился въ негодности этого средства для возстановленія самодержавія, и имѣлъ мужество признать на совѣтѣ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Николая II-го, что царь, послѣ манифеста 17 октября, сталъ монархомъ, ограниченнымъ законодательной властью Гос. Думы. Съ этого дня Треповъ не уставалъ дѣлать разные шаги для того, чтобы ввести царя въ эту новую роль и, съ другой стороны, приблизить къ нему круги дѣятелей, недавно считавшихся крамольными. Позиція вѣрнаго пса не была понята; при дворѣ вліяніе его начало быстро падать, политическіе дѣятели ему не вѣрили. Видя крушеніе своихъ надеждъ, временщикъ палъ духомъ; манія преслѣдованія, — этотъ неизбѣжный бичъ рока на вершинахъ власти, развивалась все сильнѣй, болѣзнь сердца, не знавшаго покоя со времени полковой службы, гдѣ Треповъ уже игралъ роль полицеймейстера офицерскихъ нравовъ, обострялась въ тиши добровольнаго заключенія; и среди проволокъ и звонковъ электрической сигнализаціи боясь касаться кушанья и питья, извѣрившійся въ предсказанія шарлатана Папюса, кончилъ дни свои нѣкогда всесильный царедворецъ, одного назначенія котораго на постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ достаточно было для того, чтобы не только начали подавать въ отставку дорожившіе честью люди, какъ Урусовъ, бывшій тогда губернаторомъ въ Твери, но даже и самъ министръ, Булыгинъ.

Такимъ образомъ, я полагаю, что слѣдующіе погромы 906 года были организованы безъ участія Трепова. Не будучи планомѣрными, они отличались за то особенной жестокостью и дерзостью, такъ сказать, инициативы; такъ, погромъ въ Вологдѣ, пріуроченный къ первому мая, былъ инсценированъ простымъ жандармскимъ офицеромъ Пышкинымъ, впослѣдствіи убитымъ; губернаторъ Лодыженскій, не сочувствовавшій погрому, былъ ушибленъ, и его должны были охранять отъ громилъ, честный полицеймейстеръ оказался безсильнымъ противъ вооруженныхъ людей Пышкина. То же было и въ Бѣло-

стокѣ, и въ Сѣдлецѣ *), гдѣ погромы происходили уже при прямомъ участіи регулярныхъ войскъ и гдѣ гражданская власть, не бывшая въ курсѣ распоряженій, отстранялась отъ управленія городомъ заранѣе. Я не могу останавливаться здѣсь на погромныхъ деталяхъ, онѣ входятъ въ мои воспоминанія не болѣе, чѣмъ у другихъ современниковъ этихъ ужасовъ, данныя же прессы, относящіяся къ погромамъ, сосредоточены въ моей „Лѣтописи Революціи“, о которой я буду еще говорить; я возвращаюсь, поэтому, въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ доложить гр. Витте о происходившемъ въ Калугѣ и просить его принять мѣры къ устраненію изъ города виновныхъ въ погромѣ лицъ. Витте меня не принялъ. Его игра была тогда уже проиграна; войдя въ соглашеніе съ такими темными дѣльцами, какъ Дурново, сдавшись передъ камарильей, онъ упустилъ вожжи изъ рукъ и предчувствовалъ, быть можетъ, свою политическую смерть. Погромы были ему, несомнѣнно, противны, въ результатѣ ихъ онъ не могъ сомнѣваться, но предотвратить, или хотя бы уйти не хватило мужества. Поэтому онъ передалъ мнѣ письменно, что по погромному дѣлу надлежитъ обратиться къ П. Н. Дурново, тогда, помнится, лишь исправлявшаго должность министра внут. дѣлъ. Это мнѣ не улыбалось; съ Витте я свободнѣй говорилъ бы обо всемъ, чѣмъ со старымъ бюрократомъ, который, казалось мнѣ, долженъ былъ отнестись къ дѣлу очень формально; въ калужскомъ же погромѣ, какъ сравнительно небольшомъ, формальныхъ уликъ было немного,— тамъ „тонъ дѣлалъ музыку“. Смущало меня и то обстоятельство, что одинъ почтенный сановникъ, нашъ калужскій гласный и помѣщикъ, занимавшій самъ почти министерскій постъ, сказалъ мнѣ, характеризуя Дурново:

„Такъ вы къ „Петрушкѣ“ ѣдете? Не завидую. Я у него ни разу не былъ, просто брезгую; во всякомъ случаѣ, совѣтую вамъ накричать на него, а когда онъ залѣзетъ подъ столъ со страху, то и начинайте говорить съ нимъ о дѣлѣ; иначе онъ на васъ начнетъ кричать“.

Эта странная рекомендація министра могущественной имперіи не могла меня ободрить; кричать я не умѣлъ ни на кого, на себя тоже не позволялъ. Видимо дѣло мое было проиграно, но нельзя было не исполнить порученія управы, и мы съ моимъ товарищемъ отправились къ Дурново, внутренно порицая Урусова, который только что передъ этимъ отказался отъ поста министра внут. дѣлъ и былъ бы намъ вдвойнѣ дорогъ на мѣстѣ

*) См. нашу книгу: „Новый строй“.

Дурново: и какъ министръ, и какъ калужанинъ, знающій всѣ dessous мѣстной жизни.

Въ передней министра, къ которому мы безъ церемоніи пришли на домъ, а не въ пріемную министерства, болталось нѣсколько подозрительныхъ агентскихъ физіономій, не обратившихъ, впрочемъ, на насъ особаго вниманія. Написавъ на визитной карточкѣ, что прошу принять по дѣлу, я отдалъ ее, и черезъ минуту насъ уже ввели въ кабинетъ Дурново. Передъ нами стоялъ небольшой человѣчекъ, со специфически чиновничьимъ обликомъ, пробритымъ подбородкомъ, но живой, съ умными, обезьяньими глазками, съ аллюрами какого то звѣрка какъ мнѣ показалось, хорька; было въ немъ что то хищное; видно было сразу, что ни одинъ жестъ, ни одинъ поступокъ этого человѣка не будетъ сдѣланъ необдуманно, безъ выгоды для него самого. Въ это тревожное время, между погромами и необходимостью произвести выборы въ Думу, нужно было быть на чеку; Дурново видимо обнюхивалъ еще воздухъ и на всякій случай принялъ насъ очень радушно. Сказавъ нѣсколько любезныхъ словъ по адресу моего покойнаго отца, съ которымъ онъ сталкивался еще во время своей юридической карьеры, министръ просилъ разсказать ему о Калугѣ. Несмотря на долгій отчетъ мой, онъ былъ терпѣливъ и видимо былъ чѣмъ то пораженъ. Когда я кончилъ, онъ всталъ и сказалъ:

„Теперь я вамъ прочту одну бумагу".

Вынувъ изъ стола большую тетрадь, онъ началъ читать обстоятельное донесеніе изъ Калуги о томъ же погромѣ, почти не отличавшееся отъ моей передачи; затѣмъ, не безъ скрытой ироніи, объявилъ:

„Я очень радъ, что изложеніе предсѣдателя губернской земской управы почти совпадаетъ съ донесеніемъ жандармскаго отдѣленія".

Я былъ изумленъ; я зналъ, что стоявшій во главѣ этого отдѣленія офицеръ не былъ способенъ на преступленія, какъ многіе его сотоварищи въ другихъ городахъ, но все же не ожидалъ такого объективнаго изложенія фактовъ, компромметировавшихъ высшую мѣстную власть. Будучи свободнымъ отъ гуртоваго отвращенія къ извѣстнымъ профессіямъ и зная, что даже въ самыхъ темныхъ изъ нихъ найдутся элементарно, хоть лично то честные люди, я былъ доволенъ найти одного изъ такихъ людей вблизи своей дѣятельности, и съ этой поры сталъ сравнительно покоенъ за управу, убѣжденный, что туда не попросятъ, по крайней мѣрѣ, чего нибудь нелегальнаго, чтобы дискредитировать цѣлое учрежденіе. Впослѣдствіи мнѣ еще иначе пришлось убѣдиться въ нежеланіи полковника Ш.

принять участіе въ безчестной провокаціи во время выборовъ въ Государственную Думу. Обѣщавъ разобрать дѣло и поступить строго съ виновными, довольный тѣмъ, что я не былъ требователенъ и не дѣлалъ голословныхъ обвиненій, Дурново простился съ нами. Результатъ, объявленный мнѣ въ тотъ же день, или на вечеръ, или на другой день, не помню, превосходилъ самыя большія наши надежды: полицейскій приставъ, орудовавшій погромомъ и раздававшій громиламъ гривенники взамѣнъ условленныхъ полтинниковъ, долженъ былъ быть смѣщенъ по телеграфу въ этотъ же день. Офросимова, не уличеннаго явно, но замѣченнаго еще раньше въ нѣкоторыхъ привычкахъ, не совмѣстимыхъ съ губернаторскимъ званіемъ, обѣщано было убрать недѣли черезъ двѣ. Дѣйствительно, вскорѣ губернаторъ получилъ отъ Дурново ласковое письмо, въ которомъ министръ, высоко оцѣнивая прошлую дѣятельность Офросимова, призывалъ его озаботиться о своемъ здоровьѣ, (губернаторъ былъ очень глухъ), и подать въ отставку. На это посланіе калужкій сатрапъ отвѣчалъ очень хитро: благодаря Дурново за вниманіе къ его здоровью и ссылаясь на то, что работа его оцѣнена самимъ министромъ, онъ выражалъ трогательное желаніе и впредь служить „своему государю“; въ концѣ былъ прозрачный намекъ на то, что на аудіенціи у царя дѣло можетъ повернуться въ пользу автора письма, бывшаго шталмейстеромъ двора и, что еще важнѣе, имѣвшаго при этомъ дворѣ весьма добрую тетку. За этой перепиской незамѣтно прошла пора, другая недѣля и кончилось дѣло тѣмъ, что ужъ Дурнаго давно нѣтъ, и двойникъ его давно убитъ въ Интерлакенѣ, а Офросимовъ сидитъ себѣ, да сидитъ на своемъ калужскомъ мѣстѣ. Даже погромный приставъ переведенъ только на иное мѣсто въ уѣздъ, гдѣ ухитрился довести искорененіе крамолы до военныхъ судовъ и казней.

На другой день я былъ у военнаго министра, ген. Редигера; онъ производилъ тогда хорошее впечатлѣніе; подробно разспросивъ меня о погромѣ и причинахъ озлобленія части городскаго населенія противъ земскихъ дѣятелей, онъ обѣщалъ произвести слѣдствіе о дѣйствіяхъ генерала Мезенцова и сказалъ, что если все переданное мною правда, то Мезенцовъ будетъ смѣщенъ. Я говорилъ только правду, а потому не могъ умолчать и о томъ, что съ Мезенцова много спрашивать и нельзя: ударившись головой о барьеръ, во времена своей молодости, на concours hippiques, будущій генералъ тогда же потерялъ память и способность къ членораздѣльной рѣчи и дѣлалъ свою карьеру въ строю, а не въ инвалидномъ домѣ только благодаря общему русскому режиму, всегда предпочитавшему дѣятелей такой

именно складки ума. Редигеръ же сталъ жаловаться вообще на составъ высшаго управленія арміей и видно было, что онъ искренно желалъ его освѣженія; но власть военнаго министра у насъ и доселѣ парализуется тѣмъ, что во главѣ всѣхъ отдѣльныхъ частей арміи стоятъ безотвѣтственные великіе князья, всегда склонные оберегать своихъ знакомыхъ и друзей отъ непріятностей, сопряженныхъ съ точнымъ примѣненіямъ къ службѣ уставовъ и законовъ. Мезенцовъ былъ переведенъ изъ Калуги позднѣе.

Вернувшись, я отпечаталъ докладъ свой министру и разговоры съ нимъ и Редигеромъ и разослалъ его всѣмъ гласнымъ, какъ дѣлалъ это и раньше, чтобы держать ихъ въ курсѣ всѣхъ земскихъ дѣлъ. Затѣмъ я усиленно началъ готовиться къ сессіи земскаго собранія и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что несмотря на тревожное время подготовлены были три серьезныя реформы, больничная, страховая и счетоводная, которыя должны были сберечь населенію не одну сотню тысячъ рублей и упростить функціи этихъ громоздкихъ учрежденіи, приблизивъ ихъ къ населенію. Все это потерпѣло на земскомъ собраніи жесточайшій крахъ.

Рѣзко измѣнившееся настроеніе гласныхъ было, отчасти, вызвано повторными попытками вызвать всеобщую забастовку. Слѣдуетъ признать, что это были пагубныя ошибки руководителей рабочаго движенія; нельзя оправдывать ихъ молодымъ задоромъ, головокружительнымъ успѣхомъ октябрьской забастовки; центральный органъ, совѣтъ рабочихъ депутатовъ, лучше, чѣмъ большая публика долженъ былъ знать, что—чего стоилъ октябрь мѣсяцъ пролетаріату, выдержавшему кое гдѣ до двухъ недѣль забастовки, что при ея всеобщности превосходило все, что дала въ этомъ отношеніи исторія большихъ стачекъ. Совѣту также было извѣстно, что выдержи правительство еще три дня, и стачка стала бы стихать сама собой; она разгорѣлась бы конечно снова, еслибъ манифестъ 17 октября не былъ данъ, но этотъ же манифестъ естественно развинчивалъ собранные въ комокъ нервы уставшихъ рабочихъ и стихійно возвращалъ ихъ къ новому рабочему періоду. Наконецъ, безъ запаса денегъ стачка немыслима, а собрать нужныя средства на три четыре недѣли не было никакой возможности. Но самое главное, — это былъ несомнѣнный переучетъ своихъ силъ со стороны вождей русской соціалъ-демократіи; вообразивъ, что общественное настроеніе не идетъ въ счетъ, какъ элементъ движенія, они понадѣялись на успѣхъ и, конечно, не получили его; здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ революціонныхъ формахъ необходимо было сочувствіе большихъ общественныхъ круговъ, на

которомъ базируется успѣхъ всякой стачки. Но разъ дѣло было сдѣлано, налаживать испорченное поздно. И вотъ, ошибки эти начали отражаться въ далекихъ отъ революціи сферахъ, внося новые поводы ко взаимному недовѣрію, раздраженію и недовольству. Реагировало на нихъ и калужское губернское земство, сваливъ въ одинъ ворохъ и соц.-демократическіе промахи, и военныя неудачи, и манифестъ, и погромъ, и вздорные газетные слухи, и дѣйствія управы за весь этотъ годъ. Люди сами устроили себѣ какую то неперевуримую, но горячую „жженку“ изъ малопонятныхъ имъ вещей, нахлебались оттуда, опьянѣли, и въ такомъ видѣ готовы были на самые несообразные поступки. Провинціальная мелочность направила ихъ усердіе прежде всего на лица: свалить управу, отдать ее подъ судъ, вотъ первое, что приходило въ голову многимъ участникамъ собранія. Докладовъ не слушали, заняты были таинственными совѣщаніями, мобилизовали силы, извлекали изъ захолустій никогда не ѣздившихъ на собранія гласныхъ, и ликовали, когда набралось ихъ большинство. Первымъ дѣломъ, предложили послать царю адресъ и, создавъ обычную окрошку изъ заѣзженнаго вѣрноподданническаго словаря, провели ее большинствомъ двухъ, трехъ голосовъ, и послали царю. Затѣмъ оппозиція наша стала куда то исчезать; пошли слухи о готовящемся управѣ „сюрпризѣ“. Тѣмъ временемъ, мои доклады оставлялись или безъ разсмотрѣнія, подъ предлогомъ несвоевременности реформы, или слушались спустя рукава, причемъ конкретныя заключенія проваливались только потому, что столкнувшейся оппозиціи весело было лишній разъ проявить свое численное превосходство. Что было до земскаго дѣла этимъ господамъ, дрожавшимъ за свои земли, за свои теплыя мѣста въ рядахъ бюрократіи, за какое либо нарушеніе своего мѣщанскаго, соннаго благополучія, за возможность обращенія мутной воды ихъ жизни въ чистую! И серьезные вопросы дебатировались съ легкомысліемъ, не шедшимъ къ сѣдымъ лысымъ головамъ, къ толстымъ животамъ, и всѣмъ хотѣлось поскорѣй дожить до того дня, когда готовъ будетъ „сюрпризъ“. Управа ничего не знала о его содержаніи; я былъ все время собранія въ подавленномъ настроеніи, ибо вѣра моя въ людей снова терпѣла крушеніе; высокіе и безпорные для меня принципы мѣшались въ грязи провинціальныхъ дрязгъ, и безконечно дорогое мнѣ земское дѣло служило, оказывается, лишь ширмой для сведенія счетовъ, которые даже нельзя было назвать личными, ибо я ни съ кѣмъ не ссорился, а наоборотъ, всегда съ уваженіемъ относился къ болѣе опытнымъ меня и знающимъ членамъ собранія. Вспомнилось только мнѣ чиновничье неудо-

вольствіе въ министерствѣ путей сообщенія: „Чего вы гоните!“ И я съ печалью глядѣлъ на хоронившее, въ сущности, самаго себя сословіе, размѣнявшееся на мелкую монету, вглядывался въ эти парализованныя страхомъ лица и съ радостью думалъ о томъ новомъ, здоровомъ органѣ самоуправленія, который долженъ былъ скоро замѣнить это странное, вульгарное собраніе чиновниковъ и помѣщиковъ, хватавшееся теперь за соломинку и не замѣчавшее своего жалкаго безсилія дѣйствительно противостать революціи.

Наконецъ, давно желанный день насталъ. Оппозиція была довольна; нѣкоторые прогрессивные члены собранія отсутствовали, кто по болѣзни, кто безъ всякой причины. Организаторъ всей исторіи не утерпѣлъ, чтобъ не сообщить мнѣ, что „вчера они поздно заработались“; дѣйствительно, наканунѣ часть оппозиціи не пожаловала ко мнѣ на частное совѣщаніе о сокращеніи земскихъ расходовъ въ виду истощенія средствъ; въ первую голову управа предлагала значительное уменьшеніе ея собственнаго содержанія, затѣмъ намѣчала разныхъ сокращеній тысячъ на двадцать; понятно, что это не могло быть интересно для авторовъ того документа, который былъ предъявленъ мнѣ въ этотъ день предсѣдателемъ собранія, гофмейстеромъ Булычевымъ, дѣлившимъ время свое между ковьякомъ и археологическими изысканіями и ни мало не интересовавшимся земскимъ дѣломъ. Здѣсь, на нѣсколькихъ листахъ написаны были прегрѣшенія управы; бѣлой ниткой проходила инспирированная губернаторомъ печаль по поводу моей поѣздки въ Петербургъ, осуждались мои дѣйствія во время погрома, „вооруженіе служащихъ“ и разсылка, якобы, нелегальной литературы въ конвертахъ управы. Мнѣ предложено было отложить отвѣтъ свой до завтра, но не желая длить удовольствіе авторовъ, въ числѣ двадцати двухъ подписавшихъ эту глупую и пошлую инсинуацію, не справляясь о наличности состава собранія, т. е. не желая созывать на помощь защитниковъ изъ сочувствовавшихъ управѣ круговъ, я заявилъ, что отвѣчу немедленно. Мнѣ не стоило большого труда убѣдить собраніе во вздорности взводимыхъ на управу обвиненій и слѣдовавшія за моей рѣчи членовъ управы легко докончили разгромъ всей затѣи. Одинъ за другимъ подымались гласные, даже консервативно настроенные, въ ихъ числѣ предводители дворянства, тов. предсѣдателя мѣстнаго суда, высокопоставленный чиновникъ, городской голова и многіе другіе и, клеймя предъявленное обвиненіе достойными, но рѣзкими словами, отказывались засѣдать съ его сочинителями въ одномъ залѣ. Скандалъ разгорался не въ нужномъ направленіи; порицаніе управѣ, предложеннаго авторами

этого своеобразнаго запроса, маленькаго предшественника грязныхъ выступленій въ третьей Гос. Думѣ по поводу финскихъ и кавказскихъ дѣлъ, не могло быть вотировано, и когда, наконецъ, господа изъ оппозиціи признали мои объясненія уважительными, Булычевъ предложилъ считать инцидентъ исчерпаннымъ. Журналъ собранія былъ потомъ напечатанъ въ нѣсколькихъ газетахъ цѣликомъ, со всѣми фамиліями, но иныя событія заслонили этотъ рѣдкій въ лѣтописяхъ русскаго земства скандалъ. Вопросъ о нашей отставкѣ и не возбуждался между мной и членами управы; мы рѣшили бороться до конца, глубоко тронутые заявленіемъ служащихъ управы, что они уходятъ поголовно со службы, если мы уйдемъ. Въ это время я рѣшилъ уже выставить свою кандидатуру въ парламентъ и, видя невозможность продуктивно работать въ разореномъ духовно-земствѣ, очень мечталъ о томъ, что скоро смогу покинуть управу. Мнѣ жаль только было товарищей и я до сихъ поръ вспоминаю наши отношенія и совмѣстную работу съ чувствомъ искренняго удовлетворенія.

Я умышленно остановился здѣсь на этой ничтожной исторіи нѣсколько дольше, чѣмъ она заслуживаетъ; дѣло въ томъ, что въ ней, какъ солнце въ каплѣ влаги, отразились всѣ недостатки избирательнаго закона, разъ онъ не построенъ на принципѣ всеобщности. Правительство измѣнило въ 1890 году прежнее земское положеніе, которое, при крупныхъ недостаткахъ, все же обезпечивало всѣмъ классамъ населенія нѣкоторое представительство въ органахъ мѣстнаго самоуправленія, но реакція восьмидесятыхъ годовъ была такъ сильна, что не могла оставить въ покоѣ ни одного изъ дѣлъ эпохи Александра II-го, и вмѣстѣ съ институтомъ выборныхъ мировыхъ судей подвергся искромсанію и весь порядокъ земской работы; многіе изъ земскихъ дѣятелей того времени не могли уже оставаться на службѣ подставному, такъ сказать, земству, за спиной котораго были брошены на произволъ администраціи насущные интересы милліоновъ крестьянъ, и сложили съ себя свои полномочія; въ числѣ ихъ былъ и кн. Урусовъ, тогдашній предсѣдатель калужской губернской земской управы, слѣды дѣятельности котораго дожили еще до меня, среди хаоса и разоренія всего земскаго хозяйства за истекшее десятилѣтіе. И здѣсь, въ этой мелкой борьбѣ интересовъ, среди уязвленныхъ моимъ избраніемъ кандидатовъ на предсѣдательское мѣсто, въ унизительныхъ подвохахъ для достиженія цѣлей сомнительной чистоты, въ интимныхъ собраніяхъ, шептаньѣ по угламъ, хлопотахъ о мѣстечкахъ для своихъ ставленниковъ, во всемъ этомъ болотѣ видѣлись мнѣ будущія картины жизни русскихъ парламентовъ, избира-

емыхъ на основанiи законовъ, подобныхъ закону 3 iюня, этого переворота, произведеннаго сверху, по настоянiю той же кучки помѣщиковъ и придворныхъ, что орудовала и при реформахъ 1890 года. Все было для нихъ напрасными уроками; и начавшiяся еще въ 1904 году аграрныя волненiя, на опасность которыхъ указывалъ царю бывшiй директоръ департамента полицiи, А. А. Лопухинъ, въ замѣчательной запискѣ, составленной имъ по порученiю кн. Святополкъ - Мирскаго; и пораженiя при Цусимѣ и Лаоянѣ; и эти генералы, съ коровами, женщинами и всякимъ скарбомъ отрѣзанные от своихъ армiй; и мощный взрывъ народнаго негодованiя; и крушенiе съ такими жертвами насаждавшейся промышленности; и забастовки, и все, что вопiяло на весь мiръ о разгромѣ имперiи, о сверженiи на землю огромнаго колосса, давно увязшаго своими глиняными ногами въ клоакѣ всеобщаго разврата, настоящемъ разложенiи нравовъ цѣлаго общества. Тѣмъ хуже, если ошибки другой стороны поддерживаютъ нынѣшнихъ реакцiонеровъ, временно въ опьяненiи успѣхомъ.

Такой же, несомнѣнно, ошибкой, было вооруженное возстанiе въ Москвѣ, въ декабрѣ того же бурнаго года. Я не говорю уже о принципiальной безуспѣшности подобныхъ затѣй въ современныхъ столицахъ, гдѣ миллiонное населенiе повседневной жизнью своей представляетъ непроницаемую плотину для какого угодно движенiя, если само не приметъ въ немъ участiя большими массами, отказавшись временно отъ текущихъ потребностей; иначе, и при хорошо разработанной диспозицiи, что могутъ сдѣлать отряды необученныхъ современному строю людей, при такихъ же вожакахъ, противъ пушекъ и современнаго дальнобойнаго ружья врага? Еще можно представить себѣ отдѣльные случаи разрушенiя зданiй и уничтоженiя цѣлыхъ сборищъ людей при помощи бомбъ ради водворенiя паники; но на улицахъ Москвы боролись съ войсками Дубасова не анархисты-максималисты, а представители партiй, стремившихся къ созидательнымъ цѣлямъ. Партизанскiя дѣйствiя неминуемо должны были закончаться разгромомъ частныхъ жилищъ, убiйствами, ожесточеннымъ истребленiемъ неповинныхъ людей, всѣмъ тѣмъ страшнымъ, кровавымъ пиромъ, что разыгрывается всегда на улицахъ городовъ, занятыхъ вандалами-побѣдителями. Такъ и вышло; когда дѣло было проиграно, по всѣмъ направленiямъ изъ Москвы потянулись, за предѣлы дубасовской досягаемости, вереницы рабочихъ; наши калужскiя шоссейныя заставы брались съ браунингами въ рукахъ цѣлыми артелями дружинниковъ, опьяненныхъ еще запахомъ крови и одурманенныхъ дымомъ развалинъ Прѣсни, гдѣ въ это время расплачивались за

все невинные люди, которымъ некуда было итти. И что могъ создать даже самый неожиданный успѣхъ, о какомъ только могли мечтать инициаторы возстанія! Петербургъ молчалъ, тамъ былъ цѣлый корпусъ войска. Деревня молчала, у ней другая была забота, она готовилась въ ту же зиму къ своимъ ошибкамъ. Какъ могла отразиться удача возстанія на безмѣрномъ пространствѣ страны иначе, чѣмъ вспышкой сѣрной спички въ темнотѣ подвала? Вѣдь не было свѣдѣній о томъ, что все полно горючимъ матеріаломъ. Наконецъ, бываютъ составы, не вспыхивающіе отъ удара, а реагирующіе на нагрѣваніе, или иные способы взрыванія. Но что было до всѣхъ этихъ простыхъ соображеній людямъ, ослѣпленнымъ своей идеей, приготовившимъ и перевязочные пункты, и все такъ похоже на настоящую войну! Начатое дѣло требовало завершенія, а молодежь такъ мало склонна пересматривать свои рѣшенія.

Разумѣется, этой ошибкой не замедлило воспользоваться правительство; для него возстаніе было такой находкой, что немедленно родилась и легенда о якобы искусной провокаціи съ его стороны. По выгодности этого момента для реакціи развѣ только можно сравнить убійство Александра II-го. Къ счастію, времена уже не тѣ, четвертьвѣковая реакція не грозитъ Россіи, но много и долго расплачивается уже она за эти увлеченія 905 года, за красивыя картины пустынныхъ московскихъ улицъ, за грохотъ орудійной канонады, за зловѣщее зарево надъ городомъ въ долгія зимнія ночи, за лязгъ конскихъ копытъ по мерзлой мостовой и тротуарамъ, за неосвѣщенныя окна словно вымершихъ домовъ...

Въ Москву долго нельзя было ѣздить спокойно; на вокзалахъ обыскивали, городовые стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ въ праваго и виноватаго, десятки попавшихся пьянымъ солдатамъ людей разстрѣливались на Москвѣ рѣкѣ.

Углей отъ Прѣсни осталось немного, но угаръ возстанія долго не могъ вывѣтриться.

14 іюня.

За стѣной, но въ тюремномъ же кварталѣ, начинаютъ строить какое то длинное зданіе, какъ разъ параллельно горизонту; черезъ недѣлю передній фасадъ его закроетъ отъ меня видъ на Москву и отыметъ кусочекъ неба у обитателей нашего этажа; мнѣ грустно за тѣхъ, кто долго живетъ здѣсь, и для кого башни кремлевскія и колокольни были нѣкоторымъ развлеченіемъ, вѣхами, по которымъ мысль незамѣтно уходила отсюда, изъ этихъ молчаливыхъ конурокъ, туда на просторъ улицъ, и даль-

ше, къ полямъ и перелѣскамъ, въ сѣрой дымкѣ виднѣющимся кое гдѣ въ промежутки далекихъ крышъ. И еще печальнѣе смотрѣть на каменщиковъ, таскающихъ по тридцать кирпичей, т.е. по восемь пудовъ, на скрюченныхъ спинахъ на стѣны дома, гдѣ новые кадры ихъ братьевъ и друзей будутъ заключены, богъ вѣсть насколько времени. Словно сами для себя строятъ люди эти безобразные красные корпуса съ квадратными окошками, мигающими по ночамъ, какъ подслѣповатые глаза инвалида, съ высокими трубами центральнаго отопленія, похожими на фабричныя. Да и не вырабатываются ли здѣсь на фабрикахъ человѣческаго отчаянія, ненависть и презрѣніе къ тѣмъ формамъ жизни, нарушеніе коихъ приводитъ сюда большинство заключаемыхъ? Не уходятъ ли они отсюда съ увеличеннымъ запасомъ тѣхъ эмоцій, что заставили ихъ тамъ, на волѣ, преступить эти формы? Не будетъ ли воръ еще больше воровать, убійца—убивать, политическій дѣятель не разовьетъ ли программы и тактики своихъ въ сторону интенсивности? Думается, что все это такъ. И е ли прибавить сюда недовольство своимъ ремесломъ всѣхъ до одного служащихъ по тюремному дѣлу, то невольно задаешь себѣ вопросъ: да на вѣрномъ ли пути стоятъ правительства, продолжающія, словно по инерціи, создавать эти каменные гробы и хоронить въ нихъ живыхъ людей, очевидно нуждающихся въ иныхъ способахъ воздѣйствія? И такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что большинство обитателей тюремъ является лишь жертвою соціальнаго неустройства, то какъ могутъ правительства игнорировать это и запаздывать съ обновленіемъ, перемѣной изжитыхъ формъ на лучшія? Вѣдь это все равно, что строить въ очагахъ холеры, или чумы великолѣпныя больницы, а не осушать болотъ, не улучшать санитарныхъ условій мѣстной жизни. И опять вспоминается мнѣ мой статистическій генералъ, собирающій какъ Плюшкинъ, даже негодный научный соръ, все, что можно сосчитать и сложить на палочку, и не желающій дѣлать никакихъ обобщеній, выводовъ. Судебная статистика, особенно уголовная, давно и хорошо ведется, и хоть матеріалы ея сами кричатъ, такъ сказать, о коренной реформѣ пеницiарной системы, министерство юстиціи строитъ да строитъ себѣ новыя тюрьмы, тратитъ новые милліоны, развращаетъ въ нихъ новыя тысячи душъ. Нечего и ждать, впрочемъ, отъ этихъ бюрократическихъ заводовъ, гдѣ по шаблонамъ, оставшимся отъ прежнихъ хозяевъ, отливаютъ все тѣ же устарѣлые, негодные аппараты; выученники дореформенныхъ мастеровъ абсолютизма, что могутъ дать они странѣ, ждущей обновленія всего уклада, всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ лучшему будущему? Какая совмѣстная работа можетъ быть у людей раздѣленныхъ между собою

Монблановъ взаимнаго недовѣрія, взаимной ненависти? Какъ слить воедино вчерашній и завтрашній дни?

Вотъ этотъ то кардинальный вопросъ и былъ основаніемъ собраній, начавшихся еще задолго до такъ называемыхъ „земскихъ и городскихъ съѣздовъ". Жизнь властно требовала созданія новыхъ формъ и выдѣляла для этого созидающіе элементы. Старыя не хотѣли капитулировать, приходилось разрушать ихъ, и та же жизнь выдвинула разрушающіе. Все это было органически просто и совершалось согласно общихъ для всего живого законовъ природы; больныя мѣста нарывали и, по удаленіи гноя, заживлялись здоровой кожей

Созидательныя цѣли вдохновляли и членовъ „Союза Освобожденія", впослѣдствіи расширившаго свою дѣятельность привлеченіемъ къ обсужденію конституціонныхъ вопросовъ нѣкоторыхъ общественныхъ и земскихъ дѣятелей. Я сдѣлался участникомъ совѣщаній еще будучи предводителемъ дворянства и не могу и теперь передать то чувство радости и удовлетворенія, что испытывалъ тогда и которое похоже на ощущеніе человѣка, долго бредшаго грязной, болотистой дорогой когда, наконецъ, онъ выбирается на прямое до самаго горизонта, хорошо содержимое шоссе. Первое время я просто отдыхалъ духовно въ этой чистой атмосферѣ, гдѣ никакія личныя соображенія не руководили никѣмъ, гдѣ всякій вопросъ являлся передъ собесѣдниками внѣ скорлупы утилитаризма, въ томъ, быть можетъ, нѣсколько академическимъ освѣщеніи, которое понятно было въ обществѣ не преслѣдовавшемъ личныхъ цѣлей. Способствовать, каждому на своемъ мѣстѣ, водворенію конституціонныхъ началъ, пропагандой или работой, сообразуясь съ положеніемъ вещей, которое болшинству было знакомо по дѣятельности въ земствѣ и другихъ учрежденіяхъ; наконецъ, подготовлять отдѣльные законопроекты,— вотъ что входило въ программу совѣщаній, дѣлавшихся все чаще и чаще и многолюдный. Я слушалъ и учился. Тѣ немногія практическія знанія, что я пріобрѣлъ за время моей службы, тѣ, еще болѣе скромныя свѣдѣнія по общественнымъ наукамъ, которыя я, какъ получившій военное образованіе, дополнялъ лишь безсистемнымъ, хотя и усерднымъ чтеніемъ, все это ставило меня въ этомъ обществѣ на самое незамѣтное мѣсто, съ котораго я и старался затѣмъ не сходить, подчиняясь только необходимости, или обстоятельствамъ, толкавшимъ меня къ тому, или иному выступленію. Но эти собранія будили мысль, заставляли изучать политическіе и соціальные вопросы въ той послѣдовательности, которая замѣняла мнѣ схематичность университетскаго образованія. Думаю, что и для многихъ, лучше меня подготовленныхъ, участниковъ этихъ

интимныхъ съѣздовъ, было въ высокой степени полезно обсужденіе хотя и извѣстныхъ имъ вопросовъ, но въ такой именно обстановкѣ, гдѣ отсутствіе раздраженія, спокойныя возраженія и перекресные вопросы новичковъ заставляли вырабатывать рѣчь ясную, понятную, излагать въ немногихъ словахъ богатыя содержаніемь мысли,—словомъ, создавать будущихъ парламентскихъ дѣятелей. Скажу прямо: эти совѣщанія обезпечили порядокъ и стройность земскихъ съѣздовъ, какъ эти послѣдніе— тотъ внѣшній видъ думскихъ засѣданій, который такъ многихъ удивилъ, какъ здѣсь, такъ и заграницей, и который позволилъ первому и боевому, такъ сказать, русскому парламенту сдѣлать за первые семьдесятъ два дня своего существованія больше, чѣмъ какой либо изъ его собратьевъ революціонныхъ эпохъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Здѣсь на засѣданіяхъ съѣздовъ, покойно выслушивались крайнія даже мнѣнія, здѣсь очень скупились на знаки одобренія, здѣсь готовились серьезно къ предостоявшимъ въ слѣдующій разъ докладамъ. Тутъ можно было слышать послѣднія новости, исходившія изъ высшихъ сферъ; тутъ же лежали и кипы „Освобожденія", издавшагося тогда П. Струве въ Штутгартѣ. И кто бы могъ тогда подумать, что редакторъ—издатель этого журнала, казавшагося такимъ страшнымъ и революціоннымъ, человѣкъ, тостъ за котораго на обѣдѣ въ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи стоилъ карьеры одному моему знакомому инженеру, что этотъ человѣкъ будетъ черезъ два года числиться въ самыхъ умѣренныхъ рядахъ конституціоналистовъ, оставаясь, въ сущности, на старой своей позиціи*). Такъ все сразу и дружно двинулось влѣво за этотъ короткій для исторіи промежутокъ времени. Прекрасное, одухотворенное лицо покойнаго графа П. А. Гейдена освѣщало ровнымъ, немеркнущимъ свѣтомъ идеализма, сочетаннаго съ житейской мудростью, ряды лицъ, окаймлявшихъ длинный столъ въ красивой залѣ обычнаго нашего хозяина, Ю. А. Н-ва; и его юношески свѣжій голосъ часто раздавался тамъ, ставя точки надъ і и вводя отклонявшееся осужденіе въ намѣченныя рамки. Здѣсь предпринимались отдѣльныя выступленія въ земствахъ и печати, давался сигналъ для извѣстныхъ шаговъ въ обществѣ.

Я не помню теперь, когда зародилась идея перваго земскаго съѣзда; повторяю, негласныя совѣщанія „Союза Освобожденія" какъ то незамѣтно разрослись до того состава, который и преобладалъ на первомъ съѣздѣ. Представительство отдѣльныхъ земствъ было далеко отъ полноты; въ то время нельзя

*) Еще менѣе можно было ожидать встрѣтить П. Б. Струве въ 1909 г. во главѣ богоискателей и людей „звѣринаго числа". Но Русь и не такія видывала метаморфозы.

было говорить на земскихъ собраніяхъ объ этихъ съѣздахъ и тѣмъ болѣе производить выборы уполномоченныхъ; само собою вышло, что только оппозиція рѣшилась принимать въ нихъ участіе и что поэтому такъ дружно и въ такомъ внѣшнемъ порядкѣ протекали засѣданія съѣздовъ.

Послѣ прочтенія, на первомъ же съѣздѣ прив. доц. московскаго университета Ф. Ф. Кокошкинымъ доклада о народномъ представительствѣ, вся дальнѣйшая программа съѣздовъ на долгое время впередъ опредѣлилась: здѣсь собирались приверженцы конституціи и здѣсь они ее вырабатывали. Не буду перечислять всѣхъ вопросовъ подвергшихся детальному обсужденію въ періодъ 904—06 г. г.—это дѣло историка съѣздовъ. Скажу лишь, что неизмѣнно поражала тамъ всякаго бодрая, словно озономъ пропитанная атмосфера, въ которой оживлялись самые меланхолически настроенные умы, блестѣли старческіе глаза, развязывались самые скупые на слово языки. Дисциплина вырабатывалась незамѣтно; рѣчи не перебивались, постоянное бюро умѣло вело нелегкую работу организаціи и осуществленія нелегальныхъ, хотя теперь и всѣмъ извѣстныхъ собраній, и посѣтители засѣданій увозили на свои мѣста здоровый запахъ новой жизни, вѣру въ скорое осуществленіе своихъ идеаловъ, которые вносили и въ провинціальные круги желаніе объединяться, работать, вмѣстѣ противостоять тѣмъ прямымъ ударамъ и подземнымъ ходамъ, которыми встрѣтило правительство первые же шаги на почвѣ земскаго и городскаго объединенія.

Еще Плеве мечталъ объ изловленіи зловреднаго „Союза Освобожденія"; онъ наперечетъ зналъ главныхъ его участниковъ, но это была лишь молва, документальныхъ уликъ не было, конспирація была совершенна, и это выводило изъ себя всемогущаго министра. При его жизни и совѣщанія, помнится, были нечасты: только событія на театрѣ войны, аграрныя волненія 905 года и растерянность властей —вѣрные признаки разложенія,—ускорили и участили созывы земскихъ съѣздовъ, пока, наконецъ земскій съѣздъ въ маѣ не рѣшилъ послать къ царю депутаціи для изложенія положенія вещей и указанія на необходимость законодательной, а не законосовѣщательной Думы; на такъ называемый „булыгинскій" проектъ, ставшій въ августѣ того же года закономъ, никто ненадѣялся. Его Дума была расширеннымъ „совѣтомъ свѣдущихъ людей", что еще Плеве собирался наладить для отведенія безпокойныхъ взоровъ отъ своей политики. Помню что депутація эта очень волновала насъ; малѣйшая заминка могла надолго затормозить дѣятельность и самихъ съѣздовъ, уже имѣвшихъ небольшія столкновенія съ московскимъ градоначальникомъ; да и губернаторы

наши прозрачно намекали на репрессіи противъ служащихъ участниковъ, запрашивали о причинахъ отлучки въ Москву, и т. д.. И Офросимовъ насмѣшилъ меня такимъ оффицальнымъ запросомъ: я оффиціально же отвѣчалъ ему, что бывалъ на земскихъ съѣздахъ, что *по его просьбѣ* всегда разсказывалъ ему самому обо всемъ, нетребовавшемъ скромности участниковъ. Съ тѣхъ поръ онъ меня не тревожилъ, но на члена управы Кашкарева очень нападалъ. Было даже сенаторское разслѣдованіе, прозводившееся Сенаторомъ Постовскимъ и прославившимся потомъ прокуроромъ Камышанскимъ; но несмотря на все желаніе, крамола не отыскивалась; ревизоры не безъ удивленія признали, что наши пожеланія касаются дѣйствительно неотложныхъ перемѣнъ въ строѣ и что преслѣдовать насъ нелѣпо.

Каждое слово рѣчи кн. С. Н. Трубецкого, уполномоченнаго говорить царю, было взвѣшано и выработано сообща съ членами депутаціи и бюро съѣдовъ. А. Д. Дб—скій разсказалъ, что Трубецкой у него въ домѣ „одинадцать разъ", якобы произнесъ рѣчь, чтобы запомнить наизусть; и только благодаря искусству составителей и дикціи Трубецкого строго обдуманный документъ обратился въ живую, непринужденную рѣчь.

Участники этого историческаго свиданія разскажутъ когда нибудь о своихъ впечатлѣніяхъ, я не имѣю права предварять ихъ здѣсь своей передачей; но я живо представляю себѣ обстановку этой встрѣчи, гдѣ жизнь столкнула, послѣ долгихъ лѣтъ разъединенія, два полюса государственнаго строя,—абсолютнаго монарха и представителей населенія, пусть избранникъ на незаконномъ сборищѣ, но сильныхъ поддержкой общественнаго мнѣнія и вѣрой въ правоту своей миссіи. Я вижу отсюда, какъ долженъ былъ пронизывать царя мудрый, орлиный взоръ ветерана борьбы съ самодержавіемъ, недавно лишь возвращеннаго изъ ссылки И. И. Петрункевича, про котораго Николай сказалъ къ князю Урусову, что ужъ Петрункевичъ-то сюда не взойдетъ. Судьбѣ угодно было показать на яркомъ примѣрѣ эфемерность абсолютистскаго принципа. . самодержецъ не сказался даже и во власти не принять у себя непріятнаго человѣка.

На чуткую, мечтательно настроенную душу кн. С. Трубецкого пріемъ этотъ произвелъ глубокое впечатлѣніе; видимо въ немъ кружились въ этотъ часъ какія то основы его политическаго міросозерцанія и, сойдя въ глубокомъ молчаніи внизъ съ длинной дворцовой лѣстницы, онъ могъ только выговорить: „И это царь!"

Во дворцѣ тоже были видимо взволнованы: и молодая царица

не скрывая своего гнѣва, называла состоявшійся послѣ рѣчи Трубецкого разговоръ торгомъ, и слѣдуетъ, вообще, признать, что въ смыслѣ личныхъ впечатлѣній знакомство было неудачно, мало добраго обѣщая и въ будущемъ. Но въ обществѣ все это игнорировали; рѣчь Трубецкого и отвѣтъ на нее царя были напечатаны, въ сотняхъ тысячахъ оттисковъ разлетѣлись по всей Россіи и сыграли большую роль для подготовки крестьянъ къ созыву народныхъ представителей, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ царя былъ благопріятенъ и могъ быть истолкованъ даже шире того содержанія, какое хотѣли въ него вложить. Реакціонная пресса негодовала, обзывала состоявшійся визитъ разбойничьимъ нападеніемъ и призывала дворянъ къ достойному отвѣту. Отвѣтъ выразился въ слабой „дворянской" депутаціи и не могъ ничего измѣнить въ сознавшейся конъюнктурѣ; правительство видѣло уже пропасть подъ своими ногами и знало, что булыгинской Думой этой пропасти не заполнить. Затѣмъ, когда октябрьскія событія разыгрались, ничто не помѣшало ему, конечно, оказаться неподготовленнымъ и, какъ неизвѣстно, проектъ манифеста былъ составленъ въ какіе нибудь два часа времени, а положеніе о выборахъ запоздало и носило на себѣ всѣ слѣды бюрократической неспособности создать что либо въ короткій срокъ и продуманно.

Какъ бы то ни было, избирательный законъ былъ опубликованъ и надлежало, послѣ всѣхъ репрессій, длившихся съ погромной полосы и вооруженнаго московскаго возстанія дать, нѣкоторую свободу собраній и слова, для возможности сколько, нибудь осмысленно провести выборную кампанію. И для насъ, въ Калугѣ, наступало время выступить передъ будущими избирателями. Какъ выступить, это былъ вопросъ. Конституція, опоздавшая, быть можетъ, на цѣлое столѣтіе, все же застала общество въ полномъ игнорированіи конституціонныхъ принциповъ. Писать и говорить о нихъ раньше не позволялось,— самые термины были достаточнымъ предлогомъ, чтобы ссылать и сажать по тюрьмамъ произносившихъ заповѣдныя слова *). Жизнь въ берегахъ реакціи была такова, что кромѣ узкаго теченія у лѣваго берега, все остальное пространство ея заросло тиной повседневныхъ маленькихъ заботъ; крахъ государства, какъ свалившійся съ неба метеоръ, всколыхнулъ эти верхія, покойныя слои, разбудилъ сонныя воды, но не направилъ ихъ теченія къ какую нибудь опредѣленную сторону. Такимъ обра-

*) Впрочемъ, теперь было возстановлено: лекція въ Смольномъ была обусловлена губернаторомъ тѣмъ, чтобы лекторъ, читавшій о Людовикѣ XVI, не произносилъ словъ: „революція" и „соціализмъ".

зомъ, сама собой нарождалась задача для насъ, кандидатовъ въ Думу, ознакомить избирателей съ самыми основами конституціонализма, подѣлиться съ ними знаніями, которыя большинство изъ насъ и само-то усвоило недавно. „Союзъ Освобожденія“ и земскіе съѣзды сыграли здѣсь огромную роль, подготовивъ не только кадръ политическихъ ораторовъ, но и людей, совершенно сходившихся во взглядахъ на рѣшеніе главнѣйшей задачи момента.

Нужно сказать, что дифференціація въ средѣ земскихъ съѣздовъ совершалась сначала довольно незамѣтно, и лишь со знаменательнаго обсужденія вопроса объ автономіи Польши рѣзко обозначались два теченія, конст-демократическое и октябристское. Лишь долго спустя отъ послѣдняго отдѣлились еще болѣе умѣренные ручейки, не сыгравшіе затѣмъ никакой роли въ общемъ движеніи. Автономистскій же вопросъ, на которомъ старались насъ поймать на митингахъ и предвыборныхъ собраніяхъ ораторы умѣренныхъ партій, и къ которому я не разъ еще возвращусь, и былъ тѣмъ рифомъ, отдѣлившимъ отъ ядра земскихъ съѣздовъ такихъ почтенныхъ дѣятелей, какъ графъ Гейденъ, М. Стаховичъ и др. Затѣмъ аграрная программа к.-д. не могла не отпугнуть помѣщичьи круги, и вотъ почему въ то время въ среду октябристовъ попали смѣшанные элементы: съ одной стороны старые борцы за конституцію, съ другой — тѣ безпринципные господа, что всегда готовы слѣдовать командѣ правительства; это и дало поводъ кн. Е. Трубецкому остроумно назвать октябристовъ „партіей послѣдняго правительственнаго сообщенія“.

Итакъ, мы приступали къ подготовительной работѣ; не надѣясь на собственныя силы, мы съ адвокатомъ Новосильцевымъ, единственные тогда открытые кандидаты, пользовались помощью болѣе опытныхъ московскихъ товарищей и, оффиціально заявивъ о своей принадлежности къ к.-д. партіи, начали вербовать сторонниковъ путемъ бесѣдъ на собраніяхъ избирателей. Давленія администраціи пока не замѣчалось, собранія разрѣшались свободно и посѣщались даже женщинами, что потомъ было запрещено. Первые наши ораторскіе успѣхи ободрили насъ, и мы перестали бояться нападеній какъ слѣва, такъ и справа. Популярность нашихъ кандидатуръ превзошла самыя смѣлыя мечты, избраніе въ выборщики по г. Калугѣ было обезпечено. То же происходило съ к.-д.-ми почти во всѣхъ городахъ. Министерство встревожилось, полетѣли снова шифрованныя депеши губернаторамъ, и картина выборной кампаніи начала нѣсколько мѣняться. Чиновники, присутствовавшіе на собраніяхъ, сдѣлались строги, на калужскихъ площадяхъ снова какіе-то сомнительные

господа въ чуйкахъ кричали, что „Обнинскій хочетъ Россію раздѣлить“, прежнія неумныя попытки дискредитировать прогрессистовъ были пущены въ ходъ. Я имѣлъ въ первой стадіи выборовъ три шанса, баллотируясь въ Боровскомъ уѣздѣ, какъ крупный землевладѣлецъ, въ малоярославецкомъ, какъ мелкій и, наконецъ, въ Калугѣ по служебному цензу. Въ уѣздахъ, гдѣ избиратели находились подъ давленіемъ земскихъ начальниковъ и другихъ администраторовъ, руки губернатора были развязаны, и такъ какъ въ числѣ выборщиковъ преобладали священники, исполнявшіе волю архіерея, продиктованную послѣднему изъ синода, то я торжественно провалился въ обоихъ уѣздахъ; т. е. на своей родинѣ. Насталъ и день выборовъ по Калугѣ: списокъ нашей партіи прошелъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ, временно обезкураживъ губернатора, которому мерещился уже парламентъ, биткомъ набитый такими же радикалами и видѣлся конецъ собственной карьеры. Пришлось прибѣгнуть къ рѣшительному средству. Нужно замѣтить, что въ это время открытая принадлежность къ партіи к.-д. считалась для чиновниковъ уже предосудительной и они избѣгали нашихъ партійныхъ списковъ, оставаясь единомышленниками и голосуя на выборахъ за нашихъ кандидатовъ; эти „тайные кадеты“ очень озабочивали всякое начальство, безсильное бороться съ новымъ зломъ своихъ затхлыхъ канцелярій, и были иногда истинными ихъ бичами. Благодаря имъ, напримѣръ, появился въ „Освобожденіи“ текстъ донесенія Офросимова къ Плеве, по слѣдующему поводу: въ началѣ японской войны, когда выяснилось безсиліе „Краснаго Креста“ организовать все дѣло помощи раненымъ, въ средѣ земскихъ дѣятелей возникла мысль объ общеземской организаціи такой помощи. Плеве страшно испугался этого: во всякой организаціи ему чудилась сила, готовая свалить его и его идеи; поэтому онъ немедленно разослалъ губернаторамъ циркуляръ, вмѣняющій имъ въ обязанность всячески тормозить присоединеніе губернскихъ земствъ къ этой организаціи. Такъ вотъ Офросимовъ сообщалъ министру, что какъ бы предвосхитивъ эту мудрую мысль, онъ уже озаботился о недопущеніи даже разговора о земской организаціи на предстоявшемъ калужскомъ собраніи. Тогда, по опубликованіи этого лакейскаго документа, министерство сдѣлало Офросимову нахлобучку за неумѣнье чиновниковъ его канцеляріи держать языкъ за зубами. Однако, несмотря ни на какія старанія, сношенія почтительныхъ вицмундировъ съ крамольнымъ міромъ развивались пуще прежняго, и вотъ благодаря чему я избавился отъ крупной непріятности и попалъ въ концѣ концовъ въ Государственную Думу.

Однажды вечеромъ получаю я отъ своего товарища по

партіи записку такого содержанія: „Губернаторъ хочетъ васъ арестовать, примите мѣры". Черезъ четверть часа, изъ другого, болѣе близкаго къ губернатору источника, получилось подтвержденіе: еще черезъ четверть часа явился и совсѣмъ уже освѣдомленный человѣкъ. Оказалось, что Офросимовъ депешей запрашивалъ министра внут. дѣлъ о разрѣшеніи арестовать меня. Тутъ же подъѣхали нѣсколько друзей, и мы рѣшили, что дать арестовать себя съ цѣлью агитаціонною имѣло бы нѣкоторый смыслъ, еслибы выборы были далеки; но когда все клонилось къ тому, чтобы изъять меня изъ обращенія только на дни выборовъ, неразумно было оставаться пассивнымъ. Жена одобряла наше мнѣніе, что нужно немедленно ѣхать въ Петербургъ, и черезъ часъ я уже сидѣлъ въ полутемномъ купэ вагона, нѣсколько опасаясь погони. Впослѣдствіи оказалось, что я напрасно тревожился жандармовъ; губернаторъ настаивалъ, чтобы полковникъ Ш. произвелъ у меня обыскъ; и чтобы, въ цѣляхъ спасенія, вѣроятно, отечества отъ такого крамольника, *обыскъ долженъ былъ имѣть результаты*. Очевидно, что бакинская исторія, гдѣ все равно выплылъ наружу подбросъ компрометирующихъ документовъ и вещей въ кабинеты лицъ,подлежавшихъ „уборкѣ", ничему не научилъ Калугу, да въ случаѣ чего и руки можно было бы умыть. Но начальникъ жандармскаго отдѣленія, зная навѣрное, что у меня абсолютно не можетъ быть ничего нелегальнаго, т. к. я никогда не скрывалъ ни своей жизни, ни политической дѣятельности ни отъ кого, наотрѣзъ отказался производить обыскъ и потомъ чуть не лишился изъ за этого своего мѣста, такъ былъ раздосадованъ ретивый губернаторъ. Черезъ день я былъ уже въ Петербургѣ, вѣроятно предваренный новой депешей, ибо отъѣздъ мой изъ Калуги не могъ остаться неизвѣстнымъ Офросимову. Прямо съ вокзала я заѣхалъ къ моему другу Л. Ф. Рагозину, предсѣдателю медицинскаго совѣта министерства внут. дѣлъ, посовѣтоваться съ нимъ. Добрый старикъ, реагировавшій на все дурное съ искренностью и негодованіемъ ребенка, узнавъ о возможномъ моемъ арестѣ, немедленно надѣлъ всѣ свои многочисленныя регаліи и заявилъ, что немедленно ѣдетъ къ Дурново, хотя ни разу еще у него не былъ послѣ назначенія его министромъ; кромѣ того, онъ же долженъ былъ побывать и въ департаментѣ полиціи. Дурново не засталъ дома, а въ деп. полиціи, не удивясь нисколько, очень разспрашивали, откуда все извѣстно, и увѣряли взволновавшагося моего друга, что безъ очевидныхъ доказательствъ моей вины не арестуютъ меня. Я же отправился къ кн. Урусову, котораго тогда мало еще зналъ, но въ помощи котораго не сомнѣвался; онъ тоже очень былъ пораженъ такимъ откровеннымъ предпрія-

тіемъ, какъ арестъ предсѣдателя губернской управы для снятія кандидатуры въ Думу, что тогда было еще въ диковинку, ибо министерство стѣснялось очень то давить на выборы, и въ тотъ же день былъ у Дурново. Подтвердивъ Урусову, что не позволитъ арестовать меня и на всякій случай сказавъ, что Офросимовъ и не посылалъ приписываемой ему депеши, Дурново спросилъ Урусова:

„Скажите, князь, а вы думаете, что Обнинскій попадетъ въ Думу?“.

— Думаю, что попадетъ, — отвѣчалъ Урусовъ, въ то время уже рѣшившій выйти въ отставку и баллотироваться въ Думу, а потому и бывшій освѣдомленнымъ о калужскихъ настроеніяхъ.

„И вы считаете, что это подходящій кандидатъ?“.

— Считаю.

„Это ужасно!, воскликнулъ Дурново, — да знаете ли вы, что Обнинскій вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ требовалъ съ меня, ни много, ни мало, отставки губернатора“! Онъ забылъ уже о своемъ письмѣ Офросимову, — вѣтеръ рѣзко перемѣнился наверху.

— Что же вы ужасаетесь?, — спокойно замѣтилъ князь,— я понимаю еще, еслибъ Обнинскій требовалъ смѣщенія царя; а то онъ говорилъ объ Офросимовѣ, котораго вы такъ же хорошо знаете, какъ я и какъ Обнинскій.

„Нѣтъ, всетаки это ужасно, — заключилъ министръ, уже опасавшійся парламента, наполненнаго все такими же противниками губернаторовъ въ родѣ Офросимова; для него самого это было бы крушеніемъ, и оно состоялось, — Дурново не посмѣлъ явиться въ Думу, вмѣстѣ съ своимъ союзникомъ, Витте,—оба ушли въ отставку передъ ея открытіемъ.

Въ тотъ же вечеръ я уѣхалъ домой, покойный за участіе въ выборахъ. Дѣло губернатора сорвалось, нужно было пытать иныя средства. Результаты выборовъ въ уѣздахъ были темны для насъ и скорѣй неблагопріятны; масса крестьянъ была совершенно неизвѣстна, а среди дворянъ прошло много реакціонеровъ; другіе помнили пораженіе свое на земскомъ собраніи, третьи, наконецъ, думали лишь о томъ, чтобы сбыть меня куда нибудь изъ управы, и рѣшали голосовать за меня противъ своихъ убѣжденій. Со стороны губернатора сдѣланы были послѣдвія попытки не пропустить меня въ Думу; одни изъ его помощниковъ въ этомъ почтенномъ дѣлѣ, втолковывали крестьянскимъ выборщикамъ ужасъ польской автономіи, другіе обѣщали голосовать за крестьянъ, лишь бы они отъ меня отказались; наконецъ, дворяне заключили союзъ съ купцами, тоже

противъ меня. Клялись, жали другъ другу руки, шептались по всѣмъ угламъ. Въ эти же дни, въ к.-д. главной квартирѣ шли послѣднія приготовленія къ бою.

Наши кандидаты отвѣчали на всѣ вопросы собравшихся выборщиковъ, среди которыхъ число крестьянъ все возрастало; ихъ видимо тянуло послушать иныхъ рѣчей, чѣмъ тѣ, что говорили имъ мѣстные интриганы, они хотѣли знать, что мы думаемъ о землѣ, о министрахъ, о надоѣвшемъ имъ попечительномъ начальствѣ.

Тутъ же помѣщики дипломатически пытали кн. Урусова, впервые присутствовавшаго на политическомъ собраніи; видимо боясь, изъ чувства сервилизма, провалить бывшаго товарища министра, который вдругъ возьметъ, да и сдѣлается министромъ и можетъ быть полезенъ, наши аграріи чувствовали, по всей прежней дѣятельности Урусова, ненадежность для нихъ его кандидатуры. К.-д. рѣшили уже голосовать за Урусова, хотя онъ и обнаруживалъ тогда, помимо слабаго знакомства съ конституціонно-демократической, да и совсѣми остальными русскими политическими программами, еще и осторожность, понятную, впрочемъ, въ сужденіяхъ человѣка, сразу свалившагося изъ министерскаго кабинета въ котелъ, гдѣ уже кипѣли всякія скрытыя и явныя политическія страсти.

Наканунѣ выборовъ мы все еще были въ полномъ невѣдѣніи; я начиналъ уже испытывать какое-то тоскливое чувство, видя, что не могу противопоставить врагамъ ихъ оружія; я рѣшительно не былъ способенъ угощать выборщиковъ завтраками и давать несбыточныя обѣщанія; выборы въ первый парламентъ казались мнѣ священнодѣйствіемъ, а аллюры реакціонеровъ — кощунствомъ.

Наступилъ и первый день выборовъ. Всякими правдами и неправдами, иногда явнымъ беззаконіемъ были проведены въ выборщики наиболѣе надежные для реакціи люди и теперь предстоялъ рѣшительный бой. Первый день прошелъ дурно; почти до вечера крестьяне выбирали своего депутата, и т. к. всѣмъ хотѣлось попасть въ Думу, — десять рублей депутатской діэты совершенно опьяняли этихъ простыхъ людей, — то были забыты всѣ клятвы и рукопожатія, и крестьяне одинъ за другимъ отходили отъ ящиковъ, получая лишь по одному своему шару за и всѣ остальные — противъ. Кое какъ, чуть ли не простымъ жребіемъ, намѣтили кандидата и выбрали его. Въ вечернемъ засѣданіи намѣчены были записками кн. Урусовъ, Новосильцовъ, кн. Е. Трубецкой, я и нѣсколько „правыхъ“ кандидатовъ. Кн. Трубецкой, которому я никогда не забуду его доброты и снисходительности, человѣкъ, хотѣвшій, конечно, быть

въ первой Думѣ и имѣвшій лучшіе даже, чѣмъ Урусовъ, шансы пройти туда, еще наканунѣ снялъ свою кандидатуру въ мою пользу, хотя я тогда уже открыто расходился съ нимъ во взглядахъ на задачи Думы и тактику вашей партіи. На общемъ совѣщаніи, гдѣ крестьяне почему то не присутствовали, рѣшено было подѣлить четыре депутатскихъ мѣста пополамъ, между правыми и лѣвыми, и такъ какъ кн. Урусовъ выставлялся, какъ кандидатъ правыхъ, то отъ насъ шли только Новосильцовъ и я. Порядокъ баллотировки установили поочередный. Новосильцовъ прошелъ. Дальше шелъ Урусовъ, — прошелъ блестяще, ему изо всѣхъ группъ клали избирательные шары. Третьимъ иду я и проваливаюсь, не добираю двухъ, кажется, шаровъ. Очевидно, блокъ на мнѣ раскололся, и мы въ свою очередь забаллотировали праваго кандидата. Засѣданіе, за позднимъ временемъ, отложили до утра. Тоска усиливалась. Урусовъ также былъ невеселъ, — ему все казалось, какъ будто онъ отбилъ у меня мѣсто, хотя ничего подобнаго и не было. На другой день, не вѣря уже октябристамъ, мы рѣшили создать новый блокъ, съ крестьянами, уступивъ имъ одно мѣсто; послѣ новыхъ долгихъ споровъ крестьянъ о своемъ кандидатѣ, который тоже намѣченъ былъ простымъ жребіемъ, образовалась группа въ шестнадцать крестьянъ, давшихъ слово голосовать за меня, мы же обязывались проводить ихъ ставленника. Впослѣдствіи эти „жеребьевые" депутаты оказались „кадетами", а одинъ изъ нихъ, по возвращеніи изъ Думы, чуть не попалъ на каторгу за оскорбленіе величества.

Подали записки. Я получилъ большинство. Сталъ баллотировать, — прошелъ двумя голосами. На сердцѣ все неспокойно; такъ какъ было извѣстно, что правые и остальные крестьяне будутъ проводить кого угодно, лишь бы побить меня. Слѣдующіе кандидаты изъ дворянъ и купцовъ были забаллотированы, я держался. Затѣмъ правые, съ цѣлью расколоть наши шестнадцать крестьянскихъ голосовъ, начали класть направо всѣмъ крестьянамъ. Соблазнъ былъ великъ: еслибъ наши союзники положили кому нибудь три шара направо, я былъ бы за флагомъ, т. к. добросовѣстно проводя крестьянскаго депутата, мы дали ему больше голосовъ, чѣмъ получилъ я. Началась настоящая травля; крестьяне проходили двумя, тремя шарами меньше меня; послѣ каждой баллотировки всѣ сразу набрасывались на ящикъ, чтобы по внѣшнему виду кучки шаровъ поскорѣй опредѣлить шансы. Предсѣдатель, блистая недавно полученной станиславской лентой и горѣвшій желаніемъ угодить губернатору и своимъ, съ явнымъ неудовольствіемъ досчитывалъ послѣдніе шары; стукъ ихъ до сихъ поръ стоитъ въ моей

головѣ, словно кастаньеты на могилѣ моей кандидатуры; Урусовъ и Трубецкой ходятъ по залу совершенно блѣдные; я рѣшаю, если пытка продлится, отказаться вовсе отъ избранія. Наконецъ, послѣ новаго шушуканья, идетъ баллотироваться одинъ изъ предводителей дворянства, которому ровно никакого интереса не было итти въ Думу, просто, чтобы свалить меня. Считаютъ шары, одного не хватаетъ, чтобы перебить мои. Вздохъ облегченія, — кажется больше нѣтъ желающихъ. Тогда Булычевъ, забывъ всякія приличія, вообразивъ себя на аукціонѣ, трижды выкрикнулъ бодрымъ голосомъ, несмотря на гробовое молчаніе въ залѣ:

„Господа, не желаетъ ли кто еще баллотироваться? Никто не желаетъ? Господа!". По третьему разу какой то старый крестьянинъ, рѣшивъ вѣроятно, что неспроста же человѣкъ въ лентѣ такъ старается, поднялся съ своего мѣста и хотѣлъ было итти, но на него закричали другіе, стыдя его, и онъ снова успокоился.

Скрѣпя сердце, подписалъ предсѣдатель протоколъ собранія, прочелъ списокъ депутатовъ и ушелъ съ печальной вѣстью обо мнѣ къ губернатору. Прошло три дня, кассаціоннаго повода не откопали, и вотъ я членъ парламента. Собравшіеся у меня въ тотъ день новыя депутаты и нѣсколько политическихъ друзей не предавались ликованію побѣдой, а съ надеждой и тревогой старались заглянуть въ ближайшее будущее. Правительство усиливало репрессіи; съ другой стороны, извѣстія о побѣдахъ к.-д.-кой партіи дѣлались все чаще и чаще. Все предвѣщало жестокій бой, и о результатѣ его нельзя было чего нибудь загадывать.

Какъ бы то ни было, день избранія въ Думу былъ лучшимъ днемъ моей жизни; далекій отъ политиканства, искренне отдававшійся всякому новому дѣлу съ вѣрой и теперь крѣпкой въ конечное торжество честныхъ принциповъ и вѣчныхъ идеаловъ человѣчества, я видѣлъ въ побѣдѣ своей надо всѣми препятствіями какъ бы награду за претерпѣнныя волненія и заботы и хотя былъ совершенно разбитъ и заболѣлъ въ тотъ же день, но чувствовалъ себя счастливымъ, какъ никогда. Я не бросалъ работы въ управѣ, но не писалъ уже новыхъ докладовъ, зная, что не придется ихъ защищать. Сослуживцы, жалѣвшіе, что я ухожу, отнеслись въ этомъ случаѣ необычайно радушно ко мнѣ. Все улыбалось въ будущемъ; въ свѣтѣ побѣды прогрессивныхъ элементовъ контуры арміи врага не казались большими, — вѣра въ свои силы была у всѣхъ насъ тогда велика.

Въ это, приблизительно, время я началъ одну работу, при-

ведшую меня отъ простого коллекціонерства къ идеѣ того самаго труда, что занимаетъ теперь всѣ мои мысли, все время, и который при лучшихъ для выполненія его условіяхъ займетъ еще шесть, семь лѣтъ моей жизни. Пораженный разнообразіемъ проявленій революціоннаго настроенія того времени, а также и стараніями правительства измыслить новыя репрессіи для совладанія съ революціей, я началъ дѣлать вырѣзки изъ газетныхъ свѣдѣній; не имѣя много свободнаго времени, я ограничился одними телеграфическими данными и одной газетой; попутно я наносилъ на карту Россіи отдѣльные виды явленій, аграрныя волненія, забастовки, погромы и т. под.; послѣ я прибавилъ еще карту выборовъ въ Гос. Думу. Я не собирался обрабатывать этого матеріала, считая его лишь любительской попыткой системотизаціи свѣдѣній о ходѣ революціи; но проѣздомъ черезъ Москву, на пути въ Думу, я показалъ собранное знакомому издателю, который съ двухъ словъ и купилъ у меня этотъ матеріалъ. Пришлось дать хотя бы нѣсколько строкъ объясненій, и такимъ образомъ создалась книга, „Полгода русской революціи", въ выпускѣ которой я сильно потомъ раскаивался; несмотря на невѣроятно вульгарное и крикливое предисловіе къ ней издателя, написанное безъ моего вѣдома и согласія и способствовавшее, конечно, немедленной конфискаціи, книга потомъ, по снятіи ареста, выдержала два изданія; но все же лучше было бы не печатать ее. Послѣ уже того, въ Гос. Думѣ, я началъ собирать большой матеріалъ. Идея была, приблизительно, такова: полная систематизація свѣдѣній, даваемыхъ современной русской прессой и относящихся къ исторіи великой революціи, есть дѣло будущаго и она явится, вѣроятно, результатомъ того коллективнаго труда, которому надлежитъ уже положить посильное начало. Трудъ облегчается той сравнительно широкой гласностью, сопутствующей движенію, стихійно охватившему самые разнообразные общественные круги Россіи, и выгодно отличающей его отъ общеизвѣстныхъ историческихъ прецедентовъ. Я хотѣлъ попытаться собрать фактическія данныя, относящіеся къ указанной задачѣ, поскольку было это возможно при наличіи огромнаго газетнаго матеріала и ограниченныхъ силахъ одного человѣка. Въ этихъ видахъ я остановился, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, на шести органахъ печати, изъ которыхъ пять являлись постоянными, а шестой, контрольный, мѣнялся. Послѣдующія провѣрки, (6, 7, 8 и 9 я газеты), указывали на то, что телеграфическій матеріалъ исчерпывается уже тремя газетами, столичная хроника — четырьмя, а главнѣйшія извѣстія изъ провинціи — пятью. Собрать всю провинціальную хронику представляется, повторяю, дѣломъ бу-

дущаго. Мнѣ хотѣлось работой этой облегчить, съ одной стороны, черновой трудъ по выборкѣ свѣдѣній, отнимающій у изслѣдователя столько дорогого времени, а съ другой, — дать моимъ современникамъ возможность сохранить, въ удобномъ для храненія видѣ нѣсколькихъ книгъ, воспоминаніе о переживаемомъ еще великомъ историческомъ моментѣ. Обработавъ въ настоящее время, въ шести книгахъ, — всего до 120 печатныхъ листовъ, — данныя за апрѣль — іюль 1906 года, по программѣ, которой предполагаю и впредъ держаться, я долженъ сказать нѣсколько словъ и о ней.

Элементы борьбы съ абсолютизмомъ располагаются такъ: со стороны правительства—1) мѣры противъ печати, 2) тюрьма, ссылка, аресты и обыски, 3) карательныя экспедиціи, 4) смертныя казни, 5) разныя репрессіи, — исключительныя положенія, увольненія служащихъ, давленіе на выборахъ и т. под., — не входящія въ предыдущія рубрики или, недостаточно постоянныя и многочисленныя, для особаго выдѣленія. Со стороны народа: 1) митинги, 2) демонстраціи, съѣзды, организація профессіональныхъ и чисто политическихъ союзовъ, 3) забастовки, 4) движеніе въ арміи и флотѣ, 5) аграрное движеніе и 6) политическія покушенія и убійства. Пропаганда всѣхъ видовъ разбивается между этими отдѣлами. Уголовныя преступленія, увеличеніе числа которыхъ есть наилучшій показатель силы и длительности анархіи, неизбѣжной спутницы затяжныхъ войнъ, а равно организація такъ наз. „черныхъ сотенъ“ и погромовъ составляютъ особую категорію. Что касалось до предѣловъ работы, то я полагалъ необходимымъ начать съ эпохи „довѣрія“ (точнѣе—съ времени убійства Плеве) и первыхъ земскихъ съѣздовъ и кончить созывомъ второй Государственной Думы, обозначившимъ начало чисто анархическаго періода русской исторіи разработка котораго сама является необъятной работой. Но уже поверхностное ознакомленіе съ отобраннымъ матеріаломъ по революціонному періоду заставило меня твердо увѣровать въ то, что людямъ нашего поколѣнія выпало на долю быть не только участниками борьбы, начало которой восходитъ къ отдаленнѣйшимъ эпохамъ русской исторіи, но и свидѣтелями ея конца. Отдѣльнымъ группамъ матеріала я предпосылаю обзоры, снабженные картами, графиками и таблицами; этимъ я хотѣлъ сдѣлать работу интересной для круга читателей, не занимающихся историческими изслѣдованіями; не имѣя точности, необходимой для обобщенія и предсказаній, очерки эти и графическія изображенія обрисовываютъ лишь, съ возможной для свидѣтеля объективностью, общія формы отдѣльныхъ революціонныхъ стадій. Приступая, наконецъ, къ этой трудной и по

необходимости сухой работѣ, мнѣ оставалось повторить слова Шопенгауэра: „Свѣдѣніе есть только средство для уразумѣнія, но само по себѣ имѣетъ или мало, или не имѣетъ никакой цѣнности“.

Такъ пришелъ я къ огромному труду, удастся ли завершить который — не знаю; я радъ, что хоть періодъ существованія первой Государственной Думы мною вполнѣ законченъ и хотя на всѣ вышедшіе изъ печати выпуски этого тома наложенъ административный арестъ, почему и остальные не печатаются, я покойно приступаю ко второму тому („Бездумье“), зная, что долго произволъ продолжаться не будетъ.

Какъ работа моя открыла мнѣ глаза на многое происходящее, мнѣ придется еще говорить.

Приближался и день моего отъѣзда въ Петербургъ, куда нужно было попасть къ 20 апрѣля, времени перваго к.-д.-го партейтата. Читая извѣстія о проводахъ депутатовъ и будучи и безъ того потрясенъ знаками вниманія, оказанными намъ съ Новосильцовымъ и на собраніяхъ, и въ частныхъ домахъ, я рѣшилъ уѣхать изъ Калуги незамѣтно; но служащіе въ управѣ провѣдали о днѣ отъѣзда и, т. к. поѣздъ былъ одинъ на Москву, то и поймали меня на вокзалѣ. Особенно тронули меня типографскіе рабочіе, которые сумѣли совмѣстить радикальные взгляды свои съ личнымъ ко мнѣ расположеніемъ и пришли проститься съ человѣкомъ, не успѣвшимъ сдѣлать для нихъ ничего существеннаго. Взволнованный прощаніемъ и дружеской манифестаціей, къ которой присоединилась и случайная публика, бывшая на вокзалѣ въ этотъ поздній часъ, я уѣхалъ, наконецъ, туда, гдѣ давно уже были мои лучшія мысли, лучшія намѣренія.

16-го іюня.

Вчера тюрьму навѣстилъ московскій губернаторъ, Джунковскій, зашелъ къ Якушкину и передалъ слѣдующее разумное распоряженіе: академія наукъ, печатающая трудъ Якушкина, просила о разрѣшеніи доставлять ему въ тюрьму корректуры; такъ губернаторъ додумался до того, что корректуры доставлять Якушкину можно, а обратно въ академію нельзя; зачѣмъ тогда и „огородъ городить“ было—неизвѣстно.

Есть въ уголовной психологіи наблюденіе, что преступниковъ тянетъ поглядѣть на мѣсто преступленія, гдѣ иногда и попадаются. Мнѣ пришло въ голову, что губернаторовъ навѣрное тянетъ взглянуть на заключенныхъ депутатовъ; вѣрные рефлекторы правительственной психики, они подчиняются тому же закону и идутъ на мѣсто, гдѣ конечно совершено преступленіе надъ здравымъ политическимъ смысломъ.

На прогулкѣ вспомнили, по этому поводу, разсказъ одного дѣятеля, сидѣвшаго здѣсь во время выборовъ въ первую Думу; при обходѣ начальникомъ камеръ, заключенный не утерпѣлъ, чтобъ не замѣтить ему:

„Ну что, Я. И., говорилъ я вамъ, что наши пройдутъ по Москвѣ; смотрите, Муромцевъ, Долгоруковъ, Кокошкинъ, все нами намѣченные“. Я. И. улыбнулся и сказалъ:

„Все равно, всѣ здѣсь у меня будутъ“.

Пророчество его сбылось съ полной точностью, но Я. И. не торжествуетъ, относится къ намъ строго, но справедливо.

С. А. Муромцевъ говорилъ, что тогда же ожидалъ нынѣшняго конца, — дѣлаетъ его дальновидности честь. Признаюсь, я ѣхалъ въ Петербургъ еще съ дѣтской вѣрой въ твердость Думы; и только изученіе матеріала къ моей будущей работѣ скоро измѣнило мои взгляды и поставило мысль на вѣрные рельсы. Я излечился отъ своего оптимизма.

По поводу всѣхъ этихъ предсказаній и предвидѣній хочется сказать, что русскій синодъ, такъ добросовѣстно доселѣ исполнявшій роль вѣрнаго союзника самодержавія, и необычайно напрактиковавшійся въ обоснованіи даже самыхъ рискованныхъ выступленій правительства текстами изъ св. писанія, долженъ былъ чувствовать себя нѣсколько сконфуженнымъ послѣ 17-го октября. Въ книгѣ пророка Исаіи, гл. 21, ст. ст. 11 и 12, прямо говорится: „Пророчество о Думѣ. (Д. большое). Кричатъ мнѣ съ Сеира: сторожъ! сколько ночи? Сторожъ! сколько ночи? Сторожъ отвѣчаетъ: приближается утро, но еще ночь. Если вы настоятельно спрашиваете, то обратитесь и приходите“.

Въ этихъ поэтическихъ строфахъ вложно столько намековъ, такая богатая канва для сопоставленія библейскаго текста съ русской дѣйствительностью, что только боязнь отвлечься далеко въ сторону заставляетъ меня разстаться теперь съ этимъ текстомъ; его любезно указалъ мнѣ сосѣдъ по камерѣ, С. А. Муромцевъ, изучающій въ заключеніи правовыя нормы древней Іудеи, сопоставляя ихъ съ римскими. Мнѣ всегда казалась вредной эта наклонность у насъ подкрѣплять антихристіанскія иногда идеи, какъ напримѣръ, разрѣшеніе убивать на войнѣ, св. писаніемъ. При всемъ искусствѣ состоящихъ на службѣ у государства катехизаторовъ и богослововъ, ихъ старанія только способствуютъ насажденію въ школахъ атеизма, неуваженію и къ высшимъ религіознымъ догмамъ, издѣвательству надъ отправленіями культа, свившими себѣ прочное гнѣздо особливо въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Можно бы предоставить государству самому обосновывать свои акты, — оно было для этого всегда достаточно искусно и сильно; съ русской исторіей

обращались не лучше, чѣмъ съ библіей и евангеліемъ, Карамзинъ и Иловайскій затемняли сознаніе цѣлыхъ поколѣній, и нужно было дожить до XX-го вѣка, чтобы хотя въ такъ называемомъ „образованномъ" обществѣ появились болѣе точныя знанія о своемъ прошломъ, о царскихъ родословныхъ, причинахъ бунтовъ Разина и Пугачева и т. д. Только совсѣмъ недавно появились общедоступно изложенные историческіе труды о жизни и смерти царей и, какъ всегда бываетъ, долго сдерживаемый интересъ къ запрещенному обратилъ вниманіе интеллигентскихъ круговъ лишь на особенно отрицательныя, отвратительныя страницы исторіи. Отсюда огульное осужденіе этого прошлаго, стремленіе смести слѣды его хотя бы самыми крайними мѣрами, которое мы видимъ на первомъ планѣ всѣхъ революціонныхъ программъ.

А вѣдь придется во всякомъ случаѣ считаться съ осадкомъ, оставленнымъ въ жизни минувшими вѣками, въ привычкахъ, сознаніи народа, какъ приходится считаться съ жизнью и болѣзнями своихъ родителей; хирургія тутъ, пожалуй, должна уступить другимъ способамъ лѣченія, и нельзя упрекать первую Думу за то, что она не только считала эти способы единственно примѣнимыми, но и хотѣла ихъ испытать. За это она подверглась одинаково рѣзкой критикѣ слѣва и справа; но кажется, что выборгское воззваніе и служитъ посмертной повѣркой невѣрнаго діагноза, поставленнаго тогдашнему положенію страны какъ самой Думой, такъ и ближайшимъ ея предшественникамъ, имперскимъ съѣздомъ к.-д.-ской партіи.

Выборы обезпечили намъ большинство въ парламентѣ и теперь наши депутаты собрались, вмѣстѣ съ делегатами мѣстныхъ комитетовъ, для послѣдней бесѣды.

Эти пять дней передъ открытіемъ Думы были необыкновенно оживлены; засѣданія съѣзда чередовались съ посѣщеніями Таврическаго дворца, гдѣ чиновники выдавали разные билеты, съ частными совѣщаніями намѣчавшихся уже группъ. Въ томъ числѣ и будущій союзъ автономистовъ заложилъ свое существованіе въ эти же дни.

Съ особеннымъ чувствомъ входили мы въ первый разъ въ залу засѣданій Думы. Прелестный дворецъ Потемкина, настоящій chef d'euvre тогдашняго архитектурнаго творчества, нигдѣ не оставившаго, между прочимъ, столько памятниковъ этого стиля, какъ въ Россіи, былъ конечно изуродованъ бездарными придворными строителями, задѣлавшими досками прозрачную колоннаду, приставившими къ хорамъ аляповатыя лѣстницы съ рыночными перилами, навѣшавшими антихудожественныхъ ар-
для освѣщенія. Но великое нельзя даже сразу испортить.

Изящный куполъ вестибюля остался; екатерининская зала сохранила свои слегка поблекшія фрески потолка, и чудная бронза старыхъ люстръ скрадывала убожество лампочекъ, насованныхъ, гдѣ придется. Огромные малахитовые подзеркальники доминировали надъ канцелярской мебелью, стоявшей вперемежку со старинными диванами, и въ высокія окна дворца смотрѣли тѣнистыя купы липъ и вязовъ, насаженныхъ еще два вѣка назадъ. Шумъ города былъ здѣсь почти неслышенъ. Дикія взвизгиванія скандалистовъ изъ третьей Думы не оскорбляли еще важнаго спокойствія пространныхъ кулуаровъ, не срамили трибуну съ выпуклымъ двуглавымъ орломъ на ея фасадѣ.

Большая часть изъ насъ уже намѣтила себѣ мѣста; я занялъ мѣсто у средняго прохода. и рядомъ сохранилъ кресло для Урусова, присоединившагося къ партіи демократическихъ реформъ. Здѣсь, въ постоянномъ общеніи по думскимъ дѣламъ, въ честной атмосферѣ перваго парламента, завязалась и дружба наша, которую я цѣню тѣмъ болѣе, что лишь очень медленно шелъ я навстрѣчу человѣку, душевная замкнутость котораго не позволила мнѣ быстро понять его.

Акустика зала была неудовлетворительна; звукъ уходилъ въ открытую сзади часть зала; меблировка была дорога, но неудобна, столы малы, для бумагъ и книгъ мѣста было не больше, чѣмъ въ пюпитрахъ начальныхъ школъ. Всѣ эти недочеты, неукрашенныя ничѣмъ бѣлыя стѣны, неудачный портретъ Царя, — одна изъ слабыхъ работъ Рѣпина, гдѣ только пейзажъ былъ хорошъ, — нисколько не мѣшали намъ съ теплымъ чувствомъ любоваться мѣстомъ будущей нашей работы, заглядывать во всѣ уголки, какъ дѣлаютъ дѣти по пріѣздѣ въ незнакомый, но милый домъ. И такъ сказать, много дѣтскаго было тогда въ насъ! И какъ жестока оказалась дѣйствительность, какъ безъ жалости и смысла начали разрушать наивную, но хорошую вѣру въ торжество правды, съ перваго же дня, мудрые педагоги и творцы стараго строя! Но уже недалекъ былъ конецъ и ему самому, этому строю. Тѣни пышнаго вѣка Екатерины, витавшія подъ пыльными потолками, были спугнуты навсегда скромными чуйками, сертуками и ненапудренными головами народныхъ представителей, тѣснившихся въ небольшомъ залѣ, и эхо изысканной французской рѣчи восемнадцатаго вѣка должно было смолкнуть передъ простымъ, но терпкимъ русскимъ словомъ.

Засѣданія имперскаго съѣзда партіи „народной свободы" (к.-д.) происходили въ залѣ Тенишевскаго училища, спеціально приспособленнаго къ такого рода собраніямъ. Помѣсти-

тельный амфитеатръ круто подымался къ высокимъ окнамъ наверху; на трибунѣ легко помѣщался весь комитетъ; подъ ней, за безконечнымъ столомъ сидѣли корреспонденты, съѣхавшіеся къ этому времени со всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра. Все было набито народомъ, въ корридорахъ тѣснилась публика, не успѣвшая попасть въ амфитеатръ, гдѣ виднѣлись и скромныя одежды крестьянскихъ депутатовъ, очень интересовавшихся съѣздомъ. Не припомню, сколько было участниковъ партейтага, вѣроятно не меньше четырехсотъ, считая и депутатовъ к.-д., признанныхъ за равноправныхъ делегатовъ. Если не ошибаюсь, предсѣдателемъ перваго засѣданія былъ С. А. Муромцевъ, кандидатура котораго въ президенты парламента выяснилась еще во время земскихъ съѣздовъ. Бюро представило нѣсколько докладовъ; изъ нихъ основной, о тактикѣ партіи въ Думѣ, обсуждался особенно горячо. Положеніе было, по моему, трудное: съ одной стороны, неблагоразумно было бы за недѣлю впередъ разворачивать передъ врагомъ, (а правительство уже ясно занимало враждебную позицію), свои планы; съ другой, — было очевидно, что партія, особливо делегаты съ мѣстъ, освѣдомленные о положеніи тамъ лучше горожанъ, настроена болѣе радикально. чѣмъ центральный комитетъ; послѣдній же, въ свою очередь, лучше зналъ настроеніе бюрократическихъ и придворныхъ сферъ, и повидимому не терялъ въ то время надежды на амнистію, которая могла бы значительно разрѣдить атмосферу общаго недовольства и успокоить крайніе элементы движенія, не перестававшіе открыто враждовать съ партіей. Изо всего этого бюро вышло съ честью; съѣздъ не терялъ настроенія, скорѣй даже оно повышалось изо дня въ день, резолюціи не имѣли слишкомъ боевого характера, и во многихъ отношеніяхъ парламентская фракція партіи оставалась со свободными руками.

Въ эти же дни, не отставая отъ насъ, засѣдалъ и совѣтъ рабочихъ депутатовъ. „Извѣстія" котораго печатались ежедневно и открыто продавались на улицахъ.

Это производило бы чрезвычайно отрадное впечатлѣніе, еслибъ не было очевидно, что правительство вело тутъ особую игру: безсильное само дискредитировать партію народной свободы, ибо выборы показали, на чьей сторонѣ находятся симпатіи провинціи, городской либеральной буржуазіи и небольшой части рабочихъ, оно открыто поощряло всякія выступленія противъ партіи лѣвѣе ея стоящихъ организацій. Уже не обращали вниманія на то, что на митингахъ и собраніяхъ, въ радикальной прессѣ, въ тысячахъ листковъ и брошюръ отчитывали и само правительство въ самыхъ рѣзкихъ словахъ, лишь бы доставалось ненавистнымъ кадетамъ. Еще державшійся на министер-

скомъ стулѣ Дурново, чувствовалъ себя какъ бы отмщеннымъ, за проигранную компанію, а съ ретивыми ораторами на соц.-дем. собраніяхъ, такъ легко поддавшихся на его удочку, можно было потомъ расправиться, на досугѣ; не останавливая ихъ во время рѣчей, агенты полиціи записывали всѣ эти изліянія, которыя и были сторицей возмѣщены ссылкой и тюрьмой Все это было тѣмъ болѣе досадно, что идея такъ наз. „отмежеваніе слѣва" вовсе не была популярна въ широкихъ к.-д.-кихъ кругахъ и лишь впослѣдствіи, когда иниціатива этого размежеванія пошла уже отъ „лѣвой" части Думы, пришлось поднять перчатку и раздѣлиться. Здѣсь не мѣсто, конечно, вдаваться въ анализъ происходившей тогда травли кадетъ, но нельзя было не отмѣтить радикальную ошибку лѣвыхъ, съ легкимъ сердцемъ приравнявшихъ русскую либеральную интеллигенцію къ тѣмъ слоямъ европейскаго общества, которые въ свое время обратили парламенты въ кухни дѣйствительно мѣщанскаго благополучія; партія же, выставившая на своемъ знамени всеобщее избирательное право, равенство, принудительное отчужденіе земель, децентрализацію управленія и тѣ основы гражданской и политической свободы, что въ полной мѣрѣ нигдѣ еще не осуществлены въ Европѣ, — такая партія не могла считаться подголоскомъ мѣщанскихъ упованій и казалась недостаточно радикальной только въ атмосферѣ явнаго переучета пролетарскихъ силъ. Рѣзкая вражда между этими двумя главными теченіями того времени давала поводъ правительству надѣяться на побѣду порознь надъ каждой изъ нихъ, и оно очень искусно воспользовалось затѣмъ несогласіями и въ самой Гос. Думѣ. Правительству же партія к.-д. была страшна, какъ единственная хорошо, европейски организованная группа, гдѣ доктринерство отсутствовало, гдѣ всякое положеніе, выдвигаемое программой, соотвѣтствовало требованіямъ жизни и было достаточно разработано при покойномъ и коллективномъ трудѣ людей не только знавшихъ жизнь, но и считавшихся съ силой ея теченія. Словомъ, программа к.-д.-товъ была программой—минимумъ, совершенно осушествимой, неизбѣжной даже при желаніи водворить порядокъ въ странѣ, но не заключавшей въ себѣ только одного, за то главнаго пункта: возможности совмѣстной работы со старымъ правительственнымъ механизмомъ; ему, по слѣднему, не было тамъ мѣста, ему какъ бы молча указывалась послѣдняя дорога, — на кладбище исторіи. Вотъ съ этимъ то правительство и не могло помириться; жить хотѣлось; и я вѣрю, что не одна матеріальная сторона была тутъ задѣта; нѣтъ, нужно было считаться и здѣсь съ той огромной инерціей движенія, которая накапливается у долго вертящихся колесъ и

жерновов мельницы, хотя бы она работала и безъ помола, и которую сразу остановить невозможно; эту правительственную и общественную динамику всегда склонны игнорировать пылкіе „реформаторы на словахъ“, не стѣсненные отвѣтственностью, но ее не должны были забывать пожилые, поработавшіе на разныхъ дорогахъ люди, составлявшіе большинство партіи народной свободы. Они и были страшны правительству; съ соц.-демократической утопической программой можно было сосчитаться потомъ; необходимая рѣзкость ея осуществленія путемъ чисто революціонныхъ дѣйствій давала легкое оружіе въ руки правительства, все же обязаннаго поддерживать внѣшній порядокъ, а мирная часть, — забастовки, находилась еще и подъ давленіемъ сильнаго, несокрушеннаго міровога капитала, — естественнаго союзника всякаго реакціоннаго правительства. Все, такимъ образомъ, сосредоточивалось тогда на кадетахъ; на нихъ были устремлены враждебные взоры и справа, и слѣва, и только умѣренный центръ страны относился къ нимъ съ надеждой и одобреніемъ.

При такихъ то ауспиціяхъ вступили въ Думу двѣсти съ чѣмъ то представителей партіи народной свободы и не знавшіе еще, куда примкнуть, сто человѣкъ крестьянъ, остававшихся, впрочемъ, загадкой недолго. Было о чемъ серьезно подумать. И въ эти дни передъ открытіемъ Думы мы работали такъ же много, какъ потомъ въ комиссіяхъ и засѣданіяхъ, но веселѣй, съ болѣе покойными нервами. Пріемъ во дворцѣ былъ еще впереди, надежда на амнистію не исчезала до послѣдняго момента, оживленіе чиннаго города тоже какъ то ободряло, и слухи, одинъ другого розовѣй и утѣшительней, не переставали циркулировать среди насъ. Пребываніе въ политической дѣтской кончалось; рука революціи открывала, наконецъ, передъ нами настежъ двери на улицу, въ кипучую жизнь изнервничавшейся страны, и намъ предстояло показать, что мы не только держимся на ногахъ безъ помочей, но и знаемъ, куда направить шаги свои въ этой суматохѣ, въ этомъ лабиринтѣ жизни.

Подходилъ и день пріема во дворцѣ. Всякіе билеты, зеленые, бѣлые, пестрые, были получены, съѣздъ закончился, молебенъ въ зданіи Думы отслуженъ. Митрополитъ Антоній, имѣвшій, какъ мнѣ показалось, странно неподходящее къ его сану лицо, сказалъ безцвѣтную рѣчь, которую мало кто слушалъ; показывали новичкамъ министровъ; необычайно пространное чело Коковцева блистало среди нормальныхъ и низкихъ чиновничьихъ лбовъ, нѣсколько крестьянскихъ депутатовъ истово крестились при извѣстныхъ возгласахъ и пѣніи молитвъ, и вся

эта кучка людей тонула въ просторѣ екатерининской залы Таврическаго дворца, гдѣ шумѣли, какъ пчелы, группы гулявшихъ взадъ и впередъ людей. Всюду было чисто, стулья въ боковыхъ залахъ тѣснились къ столамъ, какъ бы зовя къ работѣ; въ канцеляріи Думы шла уже она, и изъ верхнихъ ея комнатъ неумолчно доносился трескъ десятковъ пишущихъ машинъ. Солидные чиновники и какія-то слишкомъ нарядныя и подвижныя дѣвицы налаживали почтовое отдѣленіе, гдѣ уже стучалъ громоздскій и сложный аппаратъ, — послѣднее слово техники и гдѣ потомъ наши письма весьма просто перлюстрировались. Сотни проволокъ тянулись съ купола дворца по всѣмъ направленіямъ города, готовыя передавать малѣйшій шорохъ юнаго парламента, и даже увѣряли, что подъ ораторской трибуной скрывались какіе-то особенно чувствительные микрофоны, для надобностей Царскаго Села и Петергофа. Голосъ народа приближался, такъ сказать, къ самому царскому уху. Пахло лакомъ, новымъ паркетомъ, кожей необсиженныхъ еще креселъ, и сквозь все это новое, свѣжее и блестящее настойчиво проникалъ затхловатый запахъ давно нежилого, просторнаго дома, и мнилось, что тусклыя зеркала лейбъ-кампанской эпохи не хотѣли отражать въ себѣ пробивающихся побѣговъ новой жизни, что тишина оставленныхъ старыми хозяевами палатъ глушила звуки шаговъ и голосовъ новыхъ хозяевъ и что обновленныя фрески въ чайномъ буфетѣ Думы стыдились хлопотавшихъ внизу возлѣ столовъ прислугъ въ скромныхъ коричневыхъ платьяхъ. На дворѣ раздавались послѣдніе удары молотковъ и топоровъ, убирались какія-то неуклюжія подпорки, маляры торопливо домазывали базы колоннадъ и садовники быстрыми, привычными движеніями разсовывали въ рыхлыя клумбы пестрые, но вялые стебельки декоративныхъ растеній. У воротъ толпились любопытные; конные городовые гарцовали, словно репетируя завтрашній день и все напоминало суетню перваго представленія, открытіе какой-нибудь выставки. Самое главное,— было оживлено, весело, непривычно для русскаго города, для русской мертвой толпы, и особенно для этого петербургскаго захолустья, гдѣ старыя фрейлины доживали свой вѣкъ, гдѣ аракчеевскія казармы наводили тоску на цѣлый кварталъ своимъ тюремнымъ, безнадежнымъ обликомъ, и гдѣ одинъ черный дымъ водопроводной башни не перестававшій осаживаться на всемъ окружающемъ трудно счищаемой копотью, давалъ знать о тяжелой трудовой долѣ тысячи рабочихъ, неслышно копошившихся во всѣхъ отдѣленіяхъ городского водохранилища.

Но вотъ и 27 апрѣля. Утромъ—дворецъ, днемъ—открытіе Думы, выборы предсѣдателя, быть можетъ — амнистія, потомъ

адресъ, текстъ котораго зависитъ и отъ пріема, и отъ амнистіи. Что-то будетъ? Моментъ былъ исключительно благопріятенъ для правительства, еслибъ оно вправду хотѣло пойти навстрѣчу народному желанію увидѣть исполненіе манифеста 17 октября. И наоборотъ, однимъ неумѣлымъ шагомъ можно было испортить все дѣло и ринуться въ послѣднюю попытку сорвать освободительное движеніе. Похоже было на послѣднее: поспѣшное изданіе основныхъ законовъ за нѣсколько дней до открытія парламента, заключеніе займа на ростовщическихъ условіяхъ съ явной цѣлью освободить себѣ руки на случай переворота и разгона Государственной Думы, наконецъ назначеніе предсѣдателемъ совѣта министровъ потускнѣвшаго отъ долголѣтняго жуирства и шатанья по бюрократическимъ трущобамъ Горемыкина, все это не сулило добра, наполняло душу смутной тревогой. Обидно было знать навѣрно, что возлѣ Царя нѣтъ въ это отвѣтственное время ни одной разумной, честной и знающей положеніе вещей группы лицъ, способныхъ противостать козням камарильи, гадальщиковъ и *шарлатановъ*, осаждавшихъ послѣдніе годы покачнувшійся престолъ. И какъ бы на зло лучшимъ намѣреніямъ нашимъ, произошло покушеніе на московскаго ген.-губернатора Дубасова, давшее поводъ обвинить кадетъ чуть не въ канибальствѣ. Въ виду того, что дикая легенда о кадетской радости покушенію оказалась настолько живуча, что черезъ два года, по поводу убійства португальскаго короля, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, зарвавшійся въ реакціонномъ усердіи и отъ природы безтактный Акимовъ, позволилъ себѣ помянуть объ этомъ, никогда не бывшемъ фактѣ, я считаю долгомъ разсказать здѣсь, какъ было дѣло.

Въ тенишевской залѣ помѣщались тогда не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ, изъ нихъ депутатовъ и делегатовъ не болѣе четырехсотъ; остальное — была публика, обычно посѣщавшая собранія того времени и состоявшая, полагаю, изъ представителей всевозможныхъ политическихъ теченій. Въ переднемъ углу амфитеатра помѣщались обыкновенно тугіе на ухо делегаты, въ числѣ ихъ и я; тутъ же толпилось, стоя, множество молодежи, дамъ и репортеровъ; слушать было трудно, если они шумѣли; и вотъ, въ такую-то обстановку попадаетъ вѣсть о покушеніи на Дубасова; шумъ, шушуканье усиливается, ничего не слышно, что говорятъ съ трибуны; полагая, что это можетъ продлиться, я громко попросилъ предсѣдателя собранія сдѣлать перерывъ, и когда онъ объявилъ его, раздались аплодисменты, тутъ же и комментированные кое кѣмъ изъ журналистовъ, какъ сочувствіе покушенію; повторяю, амфитеатръ и не зналъ еще, вѣроятно, о немъ.

Спрашивается, можно-ли было намъ радоваться пролитію крови? Если и отмѣтить тотъ фактъ, что въ день убійства Павла I-го люди обнимались на улицахъ, какъ въ Свѣтлое Воскресеніе, что кислый и чинный Петербургъ въ дни убійствъ Сипягина, Боголѣпова и Плеве вовсе не являлъ картины печали, что здѣсь, наконецъ, могли быть свидѣтели, пострадавшіе, или кого-нибудь потерявшіе во время московскаго возстанія, словомъ, что если даже предположить наличность оправдывающей психологической конъюнктуры, то все же покушеніе на Дубасова было для насъ, кадетовъ, вѣстью не радостной, а *страшной*. Покушеніе ужъ навѣрное уменьшало шансы амнистіи, смѣшивало на время всѣ карты въ игрѣ, было чревато обязательнымъ реакціоннымъ ходомъ со стороны правительства. Вотъ почему легенда, мало того, что невѣрна, но еще и неумна. Всюду, гдѣ приходилось тогда бывать, въ чиновничьихъ кругахъ особенно, мнѣ всѣ говорили одно и то же: „Ну, вотъ вамъ и Дума, вы побѣдили, обѣщали все устроить, а что дѣлается". Но тотчасъ же возвращались къ дѣйствительно близкимъ имъ темамъ: „Ну что же, отнимите у насъ аренду? Уменьшите штатъ? Отберете землю?" И въ голосахъ потревоженныхъ мѣщанъ сквозила худо скрытая надежда, что ничего этого не будетъ, что насъ разгонятъ, потому что мы скоро снимемъ монархическія маски и предстанемъ въ настоящемъ своемъ видѣ революціонеровъ и республиканцевъ. Такъ *вотъ кому* было на руку московское покушеніе, *вотъ кто* въ душѣ, навѣрное, ему апплодировалъ.

Положеніе было сложно, трудно, но запасъ увѣренности, накопленной побѣдой на выборахъ, успѣхомъ съѣзда и знаками общественнаго сочувствія, все еще не былъ израсходованъ, и утро 27 апрѣля застало меня, да вѣроятно и большинство товарищей, въ повышенномъ, праздничномъ настроеніи. Было у меня, признаться, опасеніе, что крестьянъ поставятъ отъ насъ отдѣльно и что, чего добраго, они бухнутъ на колѣни; но не только этого не случилось, но произошло совершенно обратное.

18 іюня.

Вчера опять было у всѣхъ свиданіе, снова оживленные толки о томъ и о семъ на прогулкѣ. Какой-то шутникъ пустилъ въ газетахъ слухъ, что будто бы Муромцевъ и еще кто-то изъ насъ просилъ о сокращеніи срока; удивляюсь не этому,—охотниковъ до плетенія вздора всегда много,—а тому, что серьезная и освѣдомленная газета, членъ редакціи которой сидитъ здѣсь же, напечатала явно несообразное извѣстіе. Придется опровергнуть печатно же эту сплетню. Мало, впрочемъ, найдется людей, способныхъ повѣрить такому слуху; думаю, что даже извозчикъ,

привезшій въ тюрьму Муромцева и ни за что не хотѣвшій взять за это плату, не усумнится въ томъ, что мы неспособны просить какихъ бы то ни было облегченій; даже тюремная стража по своему характеризуетъ наше подчиненіе своей долѣ: когда меня привезли въ тюрьму, то провожавшіе меня родные все ждали меня на улицѣ, думая, что увидятъ меня еще разъ въ окнѣ, чтобъ оріентироваться, спросили часового, гдѣ наши окна; на что онъ внушительно замѣтилъ:

„Нешто это такіе господа, что по окнамъ лазить будутъ?", послѣ чего наши поспѣшили ретироваться.

Не повѣрилъ бы проявленію слабости со стороны депутатовъ и Грэй, англійскій министръ внутреннихъ дѣлъ, сославшійся на дняхъ въ палатѣ общинъ на рѣчь кн. Урусова въ Гос. Думѣ; трудно разобрать безъ газеты, въ чемъ собственно было дѣло, но онъ совѣтовалъ коммонерамъ прочесть эту рѣчь, чтобы убѣдиться въ томъ, что самыя мужественныя попытки добиться истины разбиваются иногда о преграду современнаго механизма управленія... Удивительно это дѣйствіе произнесеннаго, такъ сказать, впопадъ человѣческаго слова. Казалось бы, что хотя рѣчь Урусова и была однимъ изъ наиболѣе сильныхъ моментовъ всей думской жизни, хотя она и трактовала вопросъ, въ практикѣ современныхъ парламентовъ небывалый, но все это давно уже миновало. Очевидно, что благодаря удачному моменту, точности языка, отсутствію всякой страстности, слово Урусова поднялось до ряда тѣхъ немногихъ образцовъ политическихъ рѣчей, о которыхъ исторія долго хранитъ память и долго спустя по ихъ произнесеніи. Такъ, въ грозовую пору,— туча уже прошла, открывъ клочекъ голубого неба надъ вашей головой, отшумѣли послѣднія полосы косого крупнаго дождя, а отзвуки отдаленнаго грома нѣтъ, нѣтъ, да прокатятся надъ звонкими желѣзными крышами, разбудятъ задремавшее уже эхо.. Я еще вернусь къ этой рѣчи нѣсколько ниже, когда попаду, наконецъ, въ Гос. Думу, а теперь нужно отправляться въ Зимній дворецъ.

Въ послѣдній разъ я подымался по этой великолѣпной лѣстницѣ пятнадцать лѣтъ назадъ, чтобы созерцать описанную уже здѣсь картину одного изъ большихъ царскихъ баловъ. За это время сколько перемѣнъ вокругъ, и гдѣ я самъ, тогдашній гвардеецъ, профессіональный воинъ! Ищу въ себѣ пережатковъ прошлаго, и только при видѣ нѣсколькихъ товарищей, въ большихъ уже чинахъ и орденахъ, въ какой-то новой формѣ, малиновыхъ шелковыхъ рубашкахъ и длинныхъ мундирахъ, обшитыхъ золотой тесьмой, что-то старое, словно дѣтское, просыпается внутри, но безъ жалости, безъ грусти о минувшихъ без-

заботныхъ дняхъ. Мнѣ скорѣе жалко весь этотъ залъ, набитый военными; я лучше другихъ своихъ товарищей понимаю, какъ эти красивые мундиры, погремушки, сабли и латы, составляя единственную заботу, доминирующій интересъ, усыпляютъ людей, нивеллируютъ разнообразные умы и воли, до уровня манекеества, какъ воинское ремесло, не оправданное войной, разлагаетъ въ нихъ гражданъ и обращаетъ въ преторьянцевъ. И снова я ощущаю свободу и обязанность бороться за нее, будить заспавшихся; но въ моемъ полку теперь мнѣ нечего сказать; постоянная близость къ царю, носящему такую же малиновую рубашку и шаровары ненужной ширины, подборъ офицеровъ изъ пажей, давно переставшихъ дарить родину декабристами и Крапоткиными, широкій образъ полковой жизни, все это умертвило моихъ старыхъ друзей дѣтства и, еще ничего крамольнаго не совершивъ, я вижу ужъ по ихъ лицамъ, что Дума имъ не нравится, что мы непрочны, что вся эта церемонія есть лишь одинъ изъ актовъ ликвидаціи временнаго замѣшательства царя въ октябрѣ 905 года. Прохожу невольно быстрѣй черехъ толпу людей въ эполетахъ, каскахъ и шпорахъ и любовнымъ чувствомъ вижу впереди, въ Николаевской залѣ, черную, шевелящуюся массу, словно рой пчелъ въ яркой зелени дерева, — нашихъ депутатовъ. Здѣсь отсутствуютъ внѣшнія

„отлички,

„Погоны, выпушки, петлички,

и Скалозубъ растерялся бы, отыскивая знакомыя лица; всѣ въ черномъ, нѣкоторые крестьяне даже въ кафтанахъ и зипунахъ, въ высокихъ сапогахъ, и только два, три военныхъ мундира, какъ бы для большаго оттѣненія преобладающаго цвѣта. Загорѣлыя лица тружениковъ деревни, длинныя, окладистыя бороды, медлительныя движенія и зоркіе взгляды. Сколько изъ нихъ видѣли впервые въ жизни не только дворецъ, но даже просто большой городъ, пароходы, желѣзныя дороги, для скольких все окружающее могло казаться очаровательнымъ сномъ, сколько поводовъ къ тому, чтобы, разинувъ рты, смотрѣть на царскія палаты, на блескъ свиты, на расшитые животы камергеровъ, на страусовыя перья лакейскихъ шляпъ, на придворныхъ негровъ, недвижно застывшихъ у закрытыхъ дверей!

Меня очень интересовали впечатлѣнія крестьянскихъ депутатовъ. Я помнилъ еще, какъ кидали жребіи на выборахъ, какъ случаенъ вообще при трехстепенной системѣ долженъ быть составъ представителей отъ крестьянъ, и вотъ самъ готовъ бы открыть ротъ отъ изумленія. Ни одного человѣка я не нашелъ, который остановился бы, какъ вкопанный, передъ чудесами дворца, ни одного робкаго движенія, ни слѣда скон-

фуженности, ни черточки стѣсненія. Степенно ходили вчерашніе пахари по лоснящемуся мозаичному паркету, одинъ квадратный футъ котораго стоилъ больше лучшей деревенской хаты; толстыя, скрипучія подошвы не скользили, глаза не разбѣгались по сторонамъ, никто не шарахался въ сторону передъ суетившимися церемоніймейстерами съ жезлами, по старой, истинно-варварской привычкѣ, употреблявшими чужую рѣчь. И когда насъ всѣхъ повели въ тронную залу, то жутко было чувствовать, какъ сквозь многовѣковую толщу абсолютизма, такъ полно отражающагося въ дворцовой помпѣ, въ исключительно военныхъ и чиновныхъ дѣйствующихъ ея лицахъ, какъ пробивалась здѣсь тонкая струя живой жизни, такой чужой, такой непонятной, такой страшной для способныхъ задуматься надъ происходящимъ.

Тронная зала.

Очевидно не расчитывая на то, что царь сядетъ на тронъ, давно ставшій ненужной вещью въ обиходѣ упростившейся жизни, придворный декораторъ такъ живописно раскинулъ по малиновому бархату обивки огромную горностаевую мантію, что мѣста для сидѣнія почти не оставалось. На низенькихъ платформахъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, размѣстились Государственные Дума и Совѣтъ, нѣсколько угрюмо и подозрительно косившіеся другъ на друга новые органы правительства, даже и здѣсь справа и слѣва ограничивающіе тронъ, и прилегающую къ нему трибуну для царской фамиліи. Прямо напротивъ меня стояли два Аякса реакціи, Витте и Дурново; Витте имѣлъ видъ разбитой лошади большого роста, но дурной породы; Дурново сбрилъ свои бакенбарды и уже совершенно обратился въ макаку; и въ то время, какъ Витте тусклыми глазами смотритъ поверхъ головъ въ пространство, машинально вращая большими пальцами сложенныхъ подъ животомъ некрасивыхъ рукъ, лукавые глазки „Петрушки" живо бѣгаютъ повсюду, и самъ онъ бодрится, словно говоря „своимъ":

„Ничего, *образуется*, все вѣдь это—комедія".

Но большинство членовъ Совѣта хмуро и печально: здѣсь немало людей, въ долгой школѣ бюрократизма не утратившихъ способности проникать въ существо вещей, — старческая мудрость, приходящая на смѣна суетнымъ желаніямъ и шагамъ молодости. И эти люди, столько разъ прикрывавшіе своими вѣскими голосами беззаконіе, произволъ, хищничество, не могли теперь обманывать себя въ ожиданіи разоблаченій, названія вещей своими именами, строгаго суда съ вершины новой трибуны тамъ, въ Таврическомъ дворцѣ. Что-то принесутъ имъ эти чуйки и сюртуки?

Справа отъ меня красные мундиры сената, живописно оттѣняемые голубыми и синими лентами орденовъ. Характерное лицо А. Ф. Кони напоминаетъ мнѣ наши бесѣды съ нимъ до забастовки и послѣ нея, до выборовъ и послѣ; когда такое ничтожное число голосовъ намѣтило его въ выборщики по Петербургу. Тяжело смотрѣть на такихъ людей: все, и умъ, и талантъ, и честность, и недюжинныя заслуги, и даже громкая нѣкогда слава либераловъ, все, казалось бы, должно было выдвинуть ихъ въ столь тяжелую для государства минуту; и вотъ словно пыль отъ ворвавшагося весной въ окно вѣтра, разлетѣлись эти немногіе представители стараго режима, которыми онъ пренебрегъ въ свое время, которыхъ не слушалъ, затиралъ: какъ генераламъ, которыхъ держали на несоотвѣтственно ихъ способностямъ скромныхъ мѣстахъ, и оказывающимся устарѣвшими въ моментъ войны, когда вооруженіе и тактика уже измѣнились, имъ остается лишь доживать вѣкъ свой въ сторонѣ отъ жизни, безпощадной въ своей логикѣ, чуждой сентиментальности. Жалкую картину видимъ, какъ одинъ изъ такихъ обломковъ прошлаго самъ откапываетъ забытыя свои заслуги и хлопочетъ о присоединеніи къ достаточно славной его фамиліи дикаго для русскаго уха прилагательнаго, образованнаго изъ названія нѣкогда изслѣдованнаго имъ азіатскаго горнаго хребта. Какой горькій экзаменъ своего безсилія, какая плачевная доля не сумѣвшихъ удержаться на уровнѣ вѣка „бывшихъ“ людей!

Я перевелъ глаза свои на хоры, гдѣ какіе то сомнительные господа въ пиджакахъ свободно расхаживали и переговаривались; очевидно это была лакейская родня, дюжіе молодцы, не знающіе тревогъ уязвленнаго самолюбія, готовые привѣтствовать кого и когда велятъ. Зачѣмъ они тутъ, на лучшихъ мѣстахъ, гдѣ за счастье почли бы стоять высокіе чины, толпившіеся теперь въ отдаленныхъ залахъ, откуда ничего не видно и не слышно? Потомъ все объяснилось, это была, такъ сказать, патріотическая клака, благоразумно приготовленная начальствомъ.

Но вотъ все сразу стихло, приближалось торжественное шествіе царя. Откашлянулся высокій, кудрявый протодіаконъ, митрополитъ пошелъ съ крестомъ къ выходу въ залу, оправили мундиры сановники, всѣ головы повернулись въ сторону царскаго появленія.

„А гдѣ же этотъ самый Витѣ (Витте)?“ — спросилъ меня вдругъ шопотомъ незнакомый мнѣ крестьянинъ. Я молча показалъ ему фигуру портсмутскаго героя

„Здорово же ослабъ...“, пробормоталъ депутатъ, взглянувъ на согбенныя колѣна и унылое лицо графа. Это были, можетъ

быть, послѣднія слова въ залѣ; теперь слышался только пріятный шорохъ шелковыхъ шлейфовъ, поддерживаемыхъ пажами, да легкое постукиваніе о полъ церемоніймейстерскихъ жезловъ.

Возлѣ трона блистала осыпанная брилліантами корона; сбоку ея стали генералы съ регаліями, — знаменемъ, мечемъ, еще съ чѣмъ-то. Баронъ Фредериксъ, министръ двора, бережно пронесъ свои великолѣпные усы и свертокъ бумаги, тронную рѣчь. Тишина стала еще глубже. Потомъ басъ діакона разбудилъ ее, и привычные, отбывающіе повинность, голоса придворныхъ пѣвчихъ разнесли по всему дворцу слова священныхъ молитвъ. Я глядѣлъ на царя, на трибуну, гдѣ стояла вся его семья, и вереницы отрывочныхъ воспоминаній потянулись предо мною, странно мѣшаясь съ чистыми строфами евангелія и дымкой кадилъ, тянувшейся къ раскрытымъ наверху окнамъ. Яркіе лучи солнца широкими полосами ложились на золото, брилліанты уборовъ, лысины и платья, и странно было чувствовать, что не будятъ они веселыхъ, ласковыхъ мыслей, что грустное и роковое прошлое абсолютизма вызываетъ лишь тяжелыя картины изъ жизни его творцовъ и наслѣдниковъ. И не для того привожу я ихъ здѣсь, эти мимолетныя впечатлѣнія, чтобы клеймить людей, въ сущности, неповинныхъ, а чтобы выдвинуть эту неповинность, чтобы указать на истинныхъ авторовъ крушенія, постигшаго Россію въ такое вообще серьезное, тревожное время, какъ теперь. Пусть ляжетъ все на придворныхъ и чиновъ правительства; пусть отдѣленныя отъ міра живыя эмблемы абсолютистской идеи предстанутъ предъ нами во всей своей слабости, въ духовномъ и физическомъ вырожденіи, уготованнымъ имъ Немезидой исторіи, и да не посмѣется читатель этихъ замѣтокъ чертамъ изъ жизни русской царской фамиліи. Въ мелкихъ фактахъ, которыхъ я и могъ только быть свидѣтелемъ, въ разсказахъ нѣсколькихъ близкихъ ко двору, нынѣ уже умершихъ сановниковъ, въ общеизвѣстныхъ, наконецъ, случаяхъ изъ быта великокняжеской молодежи, ярко проступаетъ скрытая отъ взоровъ подданныхъ основа жизни того круга людей, которые долго еще будутъ импонировать слабымъ головамъ. Паскаль правду сказалъ, что „нужно имѣть очень чистый разумъ, чтобы видѣть просто человѣка въ султанѣ, окруженномъ сорока тысячами янычаръ въ своемъ пышномъ сералѣ“. Подданные привыкаютъ видѣть царей всегда въ оффиціальной обстановкѣ, обращать къ нимъ и слышать отъ нихъ всегда болѣе или менѣе *заученныя рѣчи*, причемъ самыя простыя царскія слова истолковываются присяжными писателями правительственной прессы, какъ перлы мудрости и глубокомыслія. Всякому, однако, приходитъ въ голову, что за этой декораціей кроются простыя человѣческія

ощущенія и мысли, что въ своей интимной жизни великіе міра сего перестаютъ быть великими и должны, если хотятъ быть счастливы, быть простыми, любить, думать, видѣть, какъ всѣ. Но такъ какъ у людей, всегда обязанныхъ представительствовать, время для собственной жизни очень ограничено и послѣдняя должна быть очень интенсивна, то отсюда и рождается та неизбѣжная двойственность, что составляетъ отличительную черту всѣхъ вообще царствующихъ домовъ и которая сильнѣе развивалась тамъ, гдѣ внѣшній декорумъ игралъ наибольшую роль,—въ Византіи. Съ православіемъ и самодержавіемъ пришла къ намъ оттуда и двойственность натуръ русскихъ правителей, и вскрытіе второй натуры всегда является любимой темой толковъ и пересудовъ придворныхъ и чиновничьихъ круговъ. Жизнь на виду у нѣсколькихъ близкихъ лицъ, служба великихъ князей въ гвардіи, наконецъ самая многочисленность царской фамиліи,—все это даетъ теперь возможность отличать вздорные анекдоты отъ дѣйствительности, намѣчать истинныя черты темпераментовъ и, путемъ аналогіи съ простыми смертными, заключать о томъ или иномъ психологическомъ типѣ, на высотахъ власти далеко отражающемъ свои особенности.

Какъ извѣстно, наиболѣе сильно проявилась двойственность Александра І-го Благословеннаго, и такъ какъ внѣшній типъ русскихъ царей послѣ Павла болѣе или менѣе фиксировался и нѣтъ поводовъ предполагать въ нихъ притока иной, плебейской крови, то можно допустить, что и духовныя черты стали съ тѣхъ поръ устойчивѣй. Воспитанный между двухъ вліяній, боявшійся отца, а потому нерѣдко лгавшій ему, Александръ поражалъ потомъ даже и близкихъ друзей своихъ быстрой смѣнчивостью настроеній, уживаньемъ рядомъ чисто-нѣмецкой сентиментальности и грубости русскаго необузданнаго боярина, подъ собольей шубой снѣдаемаго грязью и насѣкомыми. Князь Вяземскій, дѣлившій съ нимъ все время и до конца жизни сохранившій благоговѣйное чувство къ своему царственному другу, разсказывалъ на склонѣ лѣтъ А. Н. Кирилину, близкому къ Александру II му человѣку, съ семьей котораго меня самого связываютъ дружескія отношенія, о такомъ, напримѣръ, случаѣ:

„Ѣдемъ мы,—говорилъ Вяземскій,—съ императоромъ куда-то на югъ Россіи. Жара, въ каретѣ душно, все давно переговорено. Александръ глядитъ въ одно окно, я въ другое; на колѣняхъ императора лежитъ носовой платокъ, который вдругъ соскальзываетъ, какъ бы отъ толчка кареты, и падаетъ на полъ; я подымаю платокъ и кладу на колѣни къ царю, все смотрящему въ свое окно; черезъ пять минутъ платокъ снова па-

даетъ; подымаю; черезъ минуту опять; я уже чувствую, въ чемъ дѣло: Александру хочется, чтобъ я разсердился, замѣтилъ его маневры, тогда и онъ разсердится, побранится и время пройдетъ незамѣтно; но я не расположенъ къ ссорѣ и подымаю платокъ счетомъ *шесть* разъ. Лицо царя, раньше кроткое и мечтательное, внезапно искажается злобой и онъ, не говоря мнѣ ни слова, рѣзко обертывается и *харкаетъ* мнѣ въ лицо. Я молча отираю слюни, и реакція происходитъ моментально: Александръ бросается мнѣ на шею, начинаетъ просить прощенья, и въ этихъ занятіяхъ проходитъ одна станція пути".

Вяземскій разсказывалъ еще, что сколько разъ, бывало, передъ какой-нибудь серьезной аудіенціей, царь выходилъ изъ себя, произносилъ самыя площадныя ругательства, швырялъ часы и канделябры, а въ назначенную минуту появлялся передъ собравшимися, и нельзя было повѣрить, глядя на его прекрасное лицо и всегда готовые наполниться слезами глаза, что это одинъ и тотъ же человѣкъ.

Эта черта слезливости передалась, вѣроятно, отъ жены Павла, такъ живо выведенной Мережковскимъ въ его драмѣ „Павелъ I-й", и Александру II-му: онъ легко плакалъ. Его отецъ, Николай, не страдалъ избыткомъ чувствительности и, быть можетъ, даже афишировалъ нѣсколько свою врожденную черствость; слова, сказанныя имъ шефу жандармовъ, Бенкендорфу, съ одновременной передачей носового платка: „этимъ платкомъ ты будешь утирать слезы несчастныхъ", какъ бы символизировали то, что ему-то платокъ для такой надобности не понадобится. И однако, онъ самъ попалъ въ такіе „несчастные": не только жандармы не исполняли своего назначенія, и стали причиной величайшихъ несчастій Россіи, но и создатель ихъ, Николай, находился уже въ ихъ власти: „дѣло" съ его собственными грѣшками было всегда подъ рукой Бенкендорфа, чтобы погрозить императору въ случаѣ необходимости. Да и всѣ труды послѣдняго были жестоко разрушены дѣйствительностью, и подъ Севастополемъ крушился, въ сущности, навсегда чистый абсолютизмъ, созданный стараніями стольких царскихъ поколѣній. А со смертью Николая I-го исчезаетъ повидимому, и типъ настойчиваго, прямо идущаго къ цѣли, правителя. Рядъ насильственныхъ смертей, все расширяющаяся область управленія, наконецъ физическое вырожденіе, вотъ главныя причины поколебанія необходимыхъ для абсолютнаго монарха чертъ, безъ наличности коихъ онъ быстро дѣлается игрушкой въ рукахъ приближенныхъ.

Въ этомъ отношеніи притокъ посторонней, сильной крови бываетъ очень полезенъ, и старый русскій обычай брать женъ

царя изъ средняго, а потому и многочисленнаго круга, имѣлъ большое значеніе для выработки болѣе цѣльныхъ характеровъ; браки же, заключаемые теперь между численно ограниченными членами европейскихъ династій, неминуемо должны были повлечь за собой вырожденіе новыхъ поколѣній, причемъ выходъ цѣлаго ряда невѣстъ изъ одного дома датскаго короля, истиннаго разсадника европейскихъ монарховъ, еще скорѣй приведетъ къ тому, что браки въ этихъ сферахъ будутъ заключаться между близкими родственниками и давать генераціи, еще сильнѣе тронутыя вырожденіемъ. Хорошо упитанные и физически сильные организмы гарантируютъ и дальнѣйшее размноженіе и только на умственномъ уровнѣ потомковъ и выражается все сильнѣй и сильнѣй протестъ разложенія застоявшейся, не обмѣниваемой скрещеніемъ, крови. Какую огромную роль играетъ это обстоятельство въ жизни народовъ, объяснять не приходится. Время милитаризма, вгоняющее самыя культурныя государства въ долги и развращающее цѣлыя сферы жизни ихъ, кровавыя потрясенія, переживаемыя Россіей, дальневосточная война, итальянскія забастовки, грозящія крахомъ всей сельскохозяйственной промышленности, неудовлетворительныя конституціи государствъ германскаго союза, все это не имѣло бы, быть можетъ, мѣста въ исторіи XX го вѣка, еслибъ на главнѣйшихъ тронахъ сидѣли бы вполнѣ здоровые и уравновѣшенныя люди. И то обстоятельство, что многія дѣйствія ихъ импонируютъ еще неразвитымъ массамъ, или играютъ на руку отдѣльнымъ классамъ, дѣлаетъ ихъ еще страшнѣй, опаснѣй для будущаго, вноситъ новыя тревоги въ ряды стремящихся къ эволюціонному развитію жизни народовъ. И если битвы проигрывались иногда изъ-за насморковъ полководцевъ, или неудачи у куртизанки на вчерашней пирушкѣ, то сколько болѣе важныхъ послѣдствій знаетъ исторія управленія внутренними дѣлами, находившагося въ рукахъ хронически больныхъ царей.

Александромъ III-мъ закончилось у насъ поколѣніе рослыхъ, хорошо физически развитыхъ великихъ князей, и датская кровь сказалась уже въ менѣе правильныхъ чертахъ лицъ царствующей семьи, хотя микроцефализмъ, отличавшій потомство Павла, и исчезъ. Александръ II й и его братья были на подборъ красавцы и, какъ часто бываетъ у мужчинъ, избытокъ красоты значительно склонилъ жизни ихъ въ сторону любовныхъ похожденій, что отражалось и на зависѣвшихъ отъ нихъ сферахъ. Александръ II до старости былъ неравнодушенъ къ женщинамъ и не брезговалъ, повидимому, самыми шаблонными авантюрами, не говоря уже о женитьбѣ на Юрьевской, давнишней своей возлюбленной. Генералъ Фрезеръ, мой однополчанинъ,

разсказывалъ мнѣ, какъ однажды, заинтересовавшись въ вагонѣ поѣзда, шедшаго въ Царское Село, какой-то незнакомкой подъ густой вуалью, онъ рѣшился послѣдовать за ней и въ Царскомъ. Дама взяла отъ вокзала простого извозчика, — Фрезеръ на другомъ за ней; подъѣзжаютъ къ царскосельскому парку, дама отпускаетъ экипажъ и направляется прямо ко дворцу, подъ своды такъ наз. „камероновской" галлереи, гдѣ и днемъ стоитъ сумракъ. Фрезеръ совсѣмъ уже настигаетъ прекрасную незнакомку, какъ вдругъ изъ темноты выступаетъ высокая фигура, и дама поспѣшно спасается подъ ея шинель отъ навязчиваго офицера. Оба сталкиваются, и Фрезеръ съ ужасомъ узнаетъ царя. Бѣгство по цѣльному снѣгу можно и не описывать,—дурныхъ послѣдствій не было.

Воспитаніе Жуковскимъ и лучшими учеными силами того времени не принесло ожидавшихся плодовъ. Александръ, какъ бы по наслѣдству, предпочиталъ всему парады и всякія военныя упражненія, любилъ пить, часто бывалъ подъ хмѣлькомъ и еще чаще употреблялъ любимое свое выраженіе — „дуракъ", немного картавя на буквѣ р. Я видѣлъ его одинъ только разъ, въ военной гимназіи; помню, какъ бѣжалъ со всѣми за коляской его, вопилъ, что было духу, „ура", а зачѣмъ это, *что* выражалъ мой восторгъ, объяснить бы тогда не сумѣлъ, — развѣ только радость по случаю лишняго отпуска среди недѣли. Эти чувства прививаются въ Россіи еще съ дѣтства, наряду съ понятіями о богѣ, но такъ же быстро вывѣтриваются, какъ и послѣднія, ибо ничего не дѣлается потомъ для обоснованія ихъ и закрѣпленія въ душахъ подданныхъ и христіанъ.

Къ роковому для рода Романовыхъ дню открытія Государ Думы оставалось лишь очень немного представителей этого рода, помнившихъ послѣдняго носителя самодержавія, императора Николая I-го; младшій его сынъ, Михаилъ, разбитый параличемъ и впавшій почти въ дѣтство, доживалъ свои дни на Ривьерѣ, соединившись, наконецъ, съ изгнаннымъ помимо его желанія сыномъ, графомъ фонъ-Аморомъ, потерявшимъ уже связи съ родиной; навѣщалъ его и другой его сынъ, Николай отличавшійся открытой и довольно злобной критикой царя и русскихъ порядковъ, старавшійся прослыть за ученаго нумизмата и историка, но, какъ и многіе, лишь эксплоатировавшій чужіе труды; неглупый и нахватавшійся вершковъ образованія человѣкъ, Николай Михайловичъ могъ бы играть въ Россіи, при современныхъ условіяхъ, и болѣе выдающуюся роль, еслибъ въ немъ не было нѣкоторыхъ чертъ, отталкивавшихъ отъ него всѣхъ, кому приходилось ближе сходиться съ нимъ. Съ Кавказа, гдѣ онъ командовалъ частью войскъ, его убрали, гово-

рятъ—по настоянію намѣстника, гр. Воронцова-Дашкова, также не смогшаге ужиться съ нимъ. Что называется, невѣрный, ненадежный человѣкъ. Въ Россіи единственнымъ представителемъ этой семьи, которой примѣсь сильной посторонней крови, со стороны матери, дала и лучшее здоровье, и умственныя способности, не развившіяся лишь вслѣдствіе общихъ недостатковъ образованія въ этой средѣ, остается в. к. Сергѣй Михайловичъ, недурной артиллеристъ, но обращающій не меньше вниманія и на поблекшія прелести балерины К-ой, какъ бы обладающей патентомъ на утѣщеніе русской царской фамиліи, гдѣ вотъ уже около двадцати лѣтъ свершается ея дѣятельность; изъ-за нея, между прочимъ, ушелъ въ отставку и директоръ императорскихъ театровъ кн. Волконскій, не захотѣвшій сложить съ зазнавшейся артистки какого-то штрафа, и не побѣдившій въ конфликтѣ съ ея теперешнимъ покровителемъ. Къ тому же безотвѣтственность развращаетъ одинаково всѣхъ, не взирая на иныя достоинства отдѣльныхъ лицъ, и вноситъ элементъ разложенія въ гораздо болѣе глубокія сферы, чѣмъ могло бы казаться по первому впечатлѣнію. Только вѣдь благодаря безотвѣтственности в. к. Сергѣя Михайловича и его предшественника, отца, и дошла русская артиллерія до того, что наканунѣ войны, даже по ея объявленіи, не умѣла еще не только стрѣлять изъ пушекъ новаго образца, но не знала ихъ устройства, случалось и такъ, что орудія приходили одни, а замки къ нимъ (наиболѣе важная, запирающая каналъ, часть орудія) другие; и неизвѣстно было, гдѣ искать соотвѣтствовавшіе. В. князь разъѣзжалъ, бранилъ офицеровъ, старался все наладить, но лишь пожиналъ плоды того, что взялся за подходящее для великаго князя дѣло. Сама жизнь, такимъ образомъ наталкиваетъ на мысль, что если ни въ одной ея отрасли нѣтъ мѣста для людей съ какими-то особенными привиллегіями, то такихъ привиллегій не должно и быть, — ихъ слѣдуетъ уничтожить. Но какъ представить себѣ великаго князя, отданнаго подъ судъ за взяточничество, гомосексуальность, простое превышеніе власти и т. д. Получается какъ бы заколдованный кругъ, и это далеко не главный недостатокъ исключительнаго положенія, занимаемаго русской царской фамиліей. такой многочисленной и таеой вырождающейся. Пожилыхъ, опытныхъ людей въ ней теперь мало; братья Александра III-го, Владиміръ, Алексѣй и Павелъ, могутъ считаться не у дѣлъ, въ смыслѣ управленія, хотя Владиміру и приписывается значительная доля вліянія на реакціонныя наклонности неопытнаго въ знаніи жизни царя; разсказывали о разныхъ сценахъ между ними, причемъ сюжетъ всегда бывалъ одинъ,—возстановленіе и сохраненіе абсолютизма. Здѣсь,

конечно, сказывалось невѣжество, ибо очевидно, что конституція, октроированная въ свое время, тотчасъ по вступленіи на престолъ, могла бы надолго закрѣпить положеніе и великихъ князей, отдаливъ ихъ только отъ управленія, а что касается до современной, то поздно было плакать по волосамъ самодержавія, когда голова его была уже снята; выходовъ почетныхъ и выгодныхъ и здѣсь еще оставалось довольно, но рокъ неумолимо толкаетъ этихъ несчастныхъ людей навстрѣчу новымъ испытаніямъ, новымъ крушеніямъ. Долголѣтняя служба на верхахъ арміи приносила и здѣсь неизбѣжный результатъ—незнаніе жизни другихъ классовъ и слоевъ населенія, неумѣніе приспособиться къ требованіямъ народа; слушать было некого, на этой вышинѣ царятъ лишь неправда, обманъ, лицемѣріе и лукавство, — голоса разумные могли доходить лишь снизу, изъ прогрессивной прессы, но развѣ пользуются ей во дворцахъ. И развѣ не довольно найдется комментаторовъ даже и къ такимъ происшествіямъ, которыхъ нельзя уже укрыть отъ царскихъ взоровъ, какъ напримѣръ, начала войны съ Японіей, хищеній въ арміи, голода, аграрныхъ волненій. Все опрокидывается тамъ, какъ въ кривомъ зеркалѣ, и что удивляться, если и рѣшенія, повелѣнія и законы исходятъ оттуда, какъ обратныя отраженія, не подходятъ ни одной стороной, ни одной буквой къ требованіямъ времени.

Вотъ онъ кстати, все еще красивый генералъ-адмиралъ, столько лѣтъ стоявшій во главѣ нѣкогда славнаго побѣдами русскаго флота, истинный, но также невольный виновникъ пусимскаго пораженія, развратившій цѣлое вѣдомство своей безотвѣтственностью и личной жизнью. Старый холостякъ, съ котораго въ этомъ послѣднемъ отношеніи много и спрашивать не приходится, но который и на склонѣ лѣтъ скандализировалъ общество открытымъ разгуломъ, гдѣ главное участіе принадлежало видной женщинѣ, но плохой актрисѣ французской труппы, Баллета. Во время самой войны, когда уже расползались по швамъ отъ собственныхъ выстрѣловъ русскія суда, а храбрые офицеры отсиживались больше на берегу, весь Петербургъ ходилъ на Б. Морскую улицу, любоваться выставленнымъ у ювелира Фаберже огромнымъ серебрянымъ слономъ, скрывавшимъ въ себѣ одну изъ принадлежностей дамскаго туалета, изготовленнымъ для Баллета. Не знаю, вывезла ли она съ собой этого звѣря послѣ разгрома, но знаю, что неосторожно оставленъ былъ ея грамофонъ, на аукціонѣ доставшійся, со всѣми пластинками, одному адвокату, г. ***. Собравъ знакомыхъ и друзей, довольный покупатель завелъ машину, какъ мнѣ кажется, спеціально изобрѣтенную для варваровъ, и передъ слушателями на-

чалъ проходить репертуаръ знаменитой куртизанки. Каково же было изумленіе публики, когда неожиданно раздался наборъ площадныхъ словъ и названій частей тѣла, напѣтый на мотивъ какой-то французской шансонетки цѣлымъ дружескимъ тріо, въ которомъ безъ труда можно было отличить и смѣющійся басъ адмирала, и почтительный тенорокъ его адъютанта, и картавый визгъ Баллета! На бѣду, адвокатъ раззвонилъ повсюду о необыкновенной находкѣ: нагрянула, подъ предлогомъ обыска, полиція, и пропала адмиральская пѣсенка! Я помню также, какъ знакомые моряки разсказывали мнѣ съ восторгомъ о необычайной татуировкѣ на тѣлѣ своего начальника,—она стоила должно быть недешево: вокругъ всего упитаннаго адмиральскаго тѣла мчится парфорсная охота на лисицу; десятки всадниковъ и стаи веселыхъ гончихъ изображены художественно и тонко; но когда глазъ зрителя добирается до конца этой гирлянды, оказывается, что лукавый звѣрокъ успѣлъ уже спрятаться въ нору, откуда и торчитъ лишь одинъ пушистый хвостикъ.

Всѣ эти забавы можно, конечно, понять; бездѣлье, легкія деньги и отсутствіе всякихъ серьезныхъ интересовъ плодятъ подобныя изобрѣтенія сами собой; но печально было то, что за такимъ именно скандальнымъ занавѣсомъ скрывалась отъ глазъ народа цѣлая система управленія флотомъ, и какая система! Гдѣ хищеніе оперировало лишь съ милліонами, гдѣ тысячи жизней подвергались риску и въ мирное время, плавая на броненосцахъ, заклепанныхъ деревомъ и сальными свѣчами, гдѣ не находились иногда суда, тонувшія чуть не на виду, пропадали безъ вѣсти другія. Кумовство, непотизмъ давно замѣнили тамъ всѣ остальные способы движенія по службѣ, преподаваніе въ морскихъ школахъ падало съ каждымъ годомъ, и нужно было дожить до того, что даже третья, послушная Дума должна была двукратнымъ отказомъ въ кредитѣ на броненосцы вынести приговоръ этому вѣдомству, этой системѣ, этимъ ворамъ и развратникамъ! Стыдно и вспоминать этотъ позоръ!

Великаго князя Павла Александровича выслали заграницу за то же своеобразное преступленіе противъ нравственности, (которая наверху должно быть другая, чѣмъ внизу), что и Михаила Михайловича, т. е. за mesalliance, женитьбу на баронессѣ Пистолькорсъ; суровыя традиціи Александра III-го, пораженнаго женитьбой отца своего на Юрьевской, продолжали отзываться и послѣ него то на томъ, то на другомъ членѣ царской фамиліи; странно, что въ то же время царь видимо отличалъ рыцарскія отношенія къ женщинамъ въ другихъ случаяхъ; я помню, какъ онъ демонстративно, такъ сказать, зачислилъ въ свиту моего товарища, князя Барятинскаго, за женитьбу на раз-

веденной женѣ Свѣчина, послѣ того, что бабушка кн. Б.-го, богатая графиня Стембокъ Фермаръ, лишила его за тотъ же самый поступокъ наслѣдства. Было и то, что за такой же дѣйствительно благородный поступокъ назначили вице-губернаторомъ преображенскаго капитана, впослѣдствіи прославленнаго градоначальника одного изъ южныхъ городовъ: тутъ ужъ самъ преображенскій полкъ игралъ роль сердитой бабушки. Очень удивлялись опалѣ на дядю, Павла Александровича, который, кажется, даже изъ свиты исключенъ, изъ той свиты, гдѣ подвизались фонъ-Вали, Клейгельсы и Рейнботы. Особая мораль, своеобразныя понятія!

Погибшій отъ бомбы Каляева московскій ген.-губернаторъ в. к. Сергѣй Александровичъ всегда держался нѣсколько въ сторонѣ отъ „большого свѣта"; окруженый красивыми адъютантами, дѣлавшими потомъ недурныя карьеры, этотъ человѣкъ, весь какъ бы высохшій, со стеклянньмъ взглядомъ прежде красивыхъ глазъ, живой результатъ снѣдавшей его болѣзненной привычки, не привлекалъ къ себѣ ничьихъ симпатій, скорѣй обращавшихся къ его женѣ, оставшейся бездѣтной и воспитавшей дѣтей своего друга, Павла, потерявшихъ мать при обстоятельствахъ, давшихъ въ свое время большую пищу разнымъ толкамъ; неувѣренный въ правдивости ихъ, обхожу молчаніемъ эту трагедію села Ильинскаго. Неуловимо преслѣдовавшій московскихъ евреевъ, реакціонеръ до мозга костей, московскій сатрапъ погибъ не за долго до революціи, которая должна была бы глубоко потрясти его. И здѣсь снова приходится отмѣтить, сочувственное равнодушіе общества къ этому ужасному факту; но виновато-ли оно въ проявленіи такихъ чувствъ? Не оно-ли воспиталось въ годы реакціи, наступившей въ 1881-мъ году и длившейся до 905 го? Это поколѣніе людей и было какъ бы экзаменомъ цѣлой правительственной системы, проведенной, слѣдуетъ признаться, очень искусной и твердой рукой. Что же негодовать въ такомъ случаѣ на самихъ себя... На мѣстѣ убійства великаго князя поставленъ изящный и оригинальный крестъ; незадолго до моего заключенія въ тюрьму кто-то принесъ къ нему большой, дорогой вѣнокъ, съ бѣлыми лентами; вѣнокъ лежалъ до вечера; прохожіе читали надпись на лентахъ, сдѣланную красными, нѣсколько расплывчатами буквами; она гласила: „Поборнику правды Ивану Каляеву, онъ умеръ, онъ живетъ". Поразительна смѣлость демонстрантовъ и невниманіе полиціи; ленты потомъ сняли, но вѣнокъ оставили,— странные люди! Вдова Сергѣя одиноко живетъ въ Москвѣ, занимается дѣлами благотворительности и пользуется, скорѣй,

общественной симпатіей за скромность свою и выпавшую ей тяжелую женскую долю.

Еще длинный и сухопарый человѣкъ выдѣляется надъ толпой рослыхъ людей на царской трибунѣ, в. к. Николай Николаевичъ. Сильно поблекъ, посѣдѣлъ; рѣзкія складки легли на жесткое, невыразительное лицо, старость сквозитъ въ потухшихъ глазахъ нѣкогда лихого наѣздника. Въ мое время онъ командовалъ лейбъ гусарами, стоявшими бокъ о бокъ съ нами, стрѣлками, въ Царскомъ Селѣ, и часто приходилось встрѣчаться съ нимъ на службѣ, общихъ обѣдахъ. Тогда великій князь ухаживалъ за одной царскосельской купчихой, и посейчасъ владѣющей въ тамошнемъ гостиномъ дворѣ мучнымъ лабазомъ; ловкая баба вела свое дѣло такъ, что гусаръ просилъ у Александра III го разрѣшенія жениться на ней; царь, бывшій иногдя остроумнымъ, отвѣчалъ:

„Со многими дворами я въ родствѣ, но съ гостинымъ еще не былъ", и не позволилъ.

Н. Жуковъ, служившій почти въ то же время въ гусарахъ и сохранившій о полкѣ благоговѣйную память, серьезно и съ оттѣнкомъ почтительнаго изумленія передалъ красивой картиной своего прошлаго, разсказывалъ, какъ бывало, перепившіеся офицеры, во главѣ съ командиромъ, раздѣнутся, вечеромъ ужъ донага и на четвереньках выбѣгутъ на пустынную въ тѣ часы улицу; тамъ размѣстятся въ рядокъ, присѣвъ на заднія ноги, подымутъ головы къ небу и начинаютъ выть волками; вымуштрованный долголѣтней практикой, буфетчикъ собранія ужъ знаетъ, что надо дѣлать: въ огромную лохань вливаетъ онъ ведра два водки, или шампанскаго, тащитъ ее на крыльцо, и въ ту же минубу голые „волки" кидаются къ ней и начинаютъ лакать вино, подвизгивая, брыкаясь и покусывая другъ друга. Въ парижскихъ кабакахъ, въ родѣ „Chat Noir", позавидовали бы этой изобрѣтательности! А черезъ день полкъ выѣзжалъ на какой-нибудь смотръ, и офицеры твердо сидѣли на сѣрыхъ коняхъ, великій князь любилъ показать лихость своихъ гусаръ.

Никогда не забуду, какъ праздновали одинъ изъ такихъ смотровъ, устроенный нарочно для будущаго итальянскаго короля, Виктора-Эммануила, тогда девятнадцатилѣтняго, безусаго юноши съ косившимъ подбородкомъ; зачѣмъ его послали въ эту загадочную для иностранца Россію, гдѣ все широко, своеобразно, ужъ право не знаю. Послѣ блестящаго маневра гусаръ, состоялся не менѣе блестящій обѣдъ въ собраніи, куда приглашены были и мы, императорскіе стрѣлки, тоже показывавшіе утромъ Эммануилу свое искусство. Собрались всѣ, ждемъ вы-

сокаго гостя; Николай Александровичъ, бывшій тогда наслѣдникомъ, и эскадроннымъ командиромъ, стоитъ въ дверяхъ собранія съ золотымъ подносомъ, на которомъ искрится въ бокалѣ шампанское. Входитъ итальянскій наслѣдникъ, Николай обращается къ нему съ любезнымъ привѣтствіемъ и вдругъ мы видимъ, что двое лакеевъ подвѣшиваютъ Виктору подъ подбородокъ салфетку, на которую онъ и выливаетъ почти весь бокалъ, не выпивая его. Въ это время изъ толпы офицеровъ раздается крѣпкое русское слово,—не выдерживаетъ душа принца К. П. Ольденбургскаго, кавказскаго винодѣла. Потомъ оказалось, что итальянскому принцу нельзя было пить шампанскаго, но онъ вѣроятно счелъ, что суть встрѣчи заключается въ пролитіи вина, а куда — это безразлично. Все обошлось, конечно, а принцу за брань досталось.

Николай Николаевичъ славится еще и теперь, какъ охотникъ, и правда, онъ неутомимъ въ этомъ спортѣ, который въ Россіи какъ-то неотдѣлимъ отъ разгула и пьянства. Подъ видомъ истребленія волковъ, бытъ которыхъ такъ удачно воспроизводился въ Царскомъ Селѣ, какъ-то разъ попалъ великій князь со своими товарищами и собаками и къ намъ въ губернію; по лѣсамъ натыкали кольевъ, переполошили крестьянъ и помѣщиковъ, и въ домѣ одного изъ нихъ устроили обѣдъ; такъ закоренѣлые реакціонеры и борзятники, считавшіе за высокую честь обѣдать въ обществѣ великаго князя, разсказывали, что не могли ничего ѣсть потому, что остроумный истребитель волковъ занимался все время тѣмъ, что сравнивалъ подававшіяся кушанья съ разными грязными вещами, рвотой, экскрементами, частями тѣла и т. под.

Слушая эти разсказы, вспоминается мнѣ уставъ соколиной охоты, составленный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, съ эпиграфомъ: „дѣлу день, — потѣхѣ часъ". Какъ странно шагнула жизнь, въ томъ числѣ и царской фамиліи, за эти двѣсти лѣтъ и какая разница между почти религіознымъ отношеніемъ „тишайшаго царя" къ охотѣ и этой дикой, готтентотской сценой въ перемышльскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, въ концѣ XIX-го вѣка!

Глядя на Николая Николаевича и вспоминая почему-то попытку контр-революціи октябрьскими погромами 905 года побѣдить ненавистную крамолу, я старался проникнуть въ его мысли, здѣсь, при открытіи парламента, и мнѣ все казалось, что онъ смотритъ на насъ, какъ на волчій выводокъ, ушедшій мимо облавы неизвѣстными оврагами и перелѣсками отъ великокняжеской охоты.

„Ну, да погодите, ужо достану васъ!", говоритъ въ такихъ

случаяхъ разсердившійся охотникъ. Достанетъ ли? думалось мнѣ. И что это за странное явленіе—повсюду портреты Николая Николаевича въ черносотенныхъ листкахъ, у букинистовъ подъ воротами проходныхъ дворовъ, въ лавченкахъ предмѣстій? Одно время ужасно метались въ глаза эти неприглядныя, угрюмыя черты; потомъ сразу исчезли. Черезъ нѣсколько времени, когда уже стали шататься по улицамъ и кабакамъ какіе-то парни и георгіевскіе кавалеры со значками „союза русскаго народа", и когда каждый день газеты приносили вѣсти о кровавыхъ столкновеніяхъ этихъ бандъ съ рабочими, новая темная волна прокатилась по подозрительнымъ кругамъ и донесла до насъ мало на первый разъ понятныя слова: „кругомъ православный"; тутъ же и др. портреты пошли в. к. Дмитрія Павловича, сына Павла Александровича, бывшаго женатымъ, какъ извѣстно, на греческой православной королевнѣ. Неясные ходы какой-то подпольной работы становились прозрачнѣй и на душѣ дѣлалось тревожно: въ какое время, думалось, мы живемъ? — на зарѣ ли двадцатаго вѣка, при объявленномъ конституціонномъ строѣ, или проснулся изъ гроба восемнадцатый вѣкъ, съ его дворцовыми переворотами, лейб-кампанцами, ставившими царей и ихъ свергавшими...

Межъ двухъ примасленныхъ крестьянскихъ головъ виднѣлось мнѣ печальное лицо царя, и богъ вѣсть какія думы бороздили теперь его сознаніе, чего ждалъ онъ отъ завтрашняго дня своего. Какъ все измѣнилось, возлѣ этого нѣкогда крѣпкаго трона! Давно ли возлѣ Александра III-го собралась, безъ его вѣдома, охранная дружина, нѣчто въ родѣ конспиративнаго общества родовитыхъ и чиновныхъ сыщиковъ, поставившихъ своей цѣлью оберегать самодержавіе и царя, на котораго сначала не очень надѣялись, памятуя сухое обращеніе съ нимъ отца и скудное его образованіе. Боялись, какъ бы не обошли его либералы, Милютинъ, Меликовъ и др. Изъ затѣи, понятно, ничего не вышло; съ одной стороны, новый царь оказался крѣпче, чѣмъ думали, съ другой—неопытные шпіоны и перлюстраторы попадались одинъ за другимъ; одного пришлось выгнать изъ дома и в. к. Владиміру, такъ какъ письма его жены къ Бисмарку стали что-то плохо доходить. Въ мое время графъ П. Шуваловъ, командовавшій потомъ императорскими стрѣлками, уже помирился съ великимъ княземъ. Теперь о такой дружинѣ и думать нечего; актъ 17 октября залегъ между царемъ и всѣми остальными его родными, какъ грозовая туча, — обѣ стороны ждутъ изъ нея молній, всѣ лишь о себѣ заботятся, распродаютъ имѣнія, какъ Петръ Николаевичъ, успѣвшій, вмѣстѣ съ Витте и другими, получить изъ крестьянскаго банка наличныя де-

нежки вмѣсто билетовъ, а то и просто загодя перебираются за границу, какъ Михайловичи. На единственнаго, сколько-нибудь культурнаго человѣка въ этой семьѣ, в. к. Константина Константиновича тоже положиться нельзя; посредственный поэтъ и совсѣмъ плохой ученый, великій князь всегда держался въ сторонѣ, добросовѣстно занимаясь своими дѣлами, сначала въ ротѣ Измайловскаго полка, потомъ въ Академіи Наукъ, военно-учебныхъ заведеніяхъ; тутъ впрочемъ, онъ выказалъ себя плохимъ педагогомъ; въ моей alma mater, 2 й военной гимназіи въ Москвѣ, онъ насадилъ такое доносительство и дрязги, что учащіе и воспитатели не знали, какъ и справиться съ дѣтьми, писавшими, съ разрѣшенія князя, ему обо всѣхъ корпусныхъ дѣлахъ и сплетняхъ. Послѣднее время упорно говорятъ о пошатнувшемся разсудкѣ его, что многое и объясняетъ.

Эта чрезвычайная склонность къ психическимъ заболѣваніямъ тоже одна изъ характерныхъ чертъ европейскихъ династій; почти повсюду мы встрѣчаемъ такихъ больныхъ,—въ Баваріи, Пруссіи, (братъ Вильгельма I-го), въ Австріи, въ Россіи. Незамѣтными путями прокрадывается безуміе къ тронамъ, какъ бы предваряя о томъ, чтобы управленіе переходило въ здоровыя руки, пока не грянули катастрофы; чтобъ цари царствовали тамъ, гдѣ можно еще царствовать, но не управляли. Но какъ быть у насъ, напримѣръ, когда всѣ усилія умѣренныхъ либераловъ разбивались, въ теченіе ряда лѣтъ, мѣрами, ставшими почти столь же традиціонными, какъ и само самодержавіе? когда тридцать лѣтъ не сходятъ съ русской земли исключительные законы; когда на этихъ законахъ воспитался весь составъ нынѣшней бюрократіи и все поколѣніе, нынѣ живущихъ здѣсь людей; когда вмѣсто углубленія въ значеніе момента, породившаго такія вспышки, какъ московское возстаніе, сердятся на Дубасова за то, что онъ „возился съ Москвой восемь дней вмѣсто того, чтобы въ три дня обратить ее въ руины" Когда нѣтъ уже просвѣщенныхъ людей, собравшихся возлѣ Александра II-го въ шестидесятыхъ годахъ, а немногіе изъ ихъ духовныхъ наслѣдниковъ оттерты болѣе смѣлыми господами, которымъ до будущаго Россіи столько же дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга... И, оглянувъ еще разъ царственную группу на трибунѣ, старыхъ и новыхъ министровъ, рухлядь Государственнаго Совѣта и воинственныя, тупыя лица свиты, я позволилъ себѣ мгновенную, сказочную мысль, продиктованную трудностью минуты для царя. Что, еслибъ онъ, прочтя бумагу, которую крѣпко держитъ въ рукахъ Фредериксъ, и отбросивъ въ сторону всякія соображенія этикета, взялъ за руку царицу, сошелъ бы со ступеней трона и, громко отрекшись отъ

старыхъ слугъ, такъ зло и жестоко игравшихъ за его спиной, пошелъ бы въ черные ряды новой Думы, отдавая себя, семью свою и царство подъ покровительство новыхъ людей, посланныхъ его землей? Какой взрывъ энтузіазма покрылъ бы шорохъ ужаса въ противоположныхъ группахъ, насколько упорядочилось бы все въ первые же дни и какъ надолго бы укрѣпился въ Россіи монархическій принципъ! Но это дѣтское видѣніе длилось лишь секунду. Сквозь волны кадильнаго дыма тускло видѣлась фигура царя, съ печальнымъ взоромъ большихъ глазъ, подернутыхъ влагой, признакомъ частаго употребленія вина, со страннымъ, какъ бы лукавымъ выраженіемъ рта, въ привычной позѣ, выработанной постояннымъ пребываніемъ на виду толпы. Вспомнилось воспитаніе его въ гатчинскомъ мертвомъ захолустьи, люди, окружавшіе его тогда и послѣ вступленія его на престолъ, врожденные привычки и взгляды, ударъ по головѣ въ Японіи, отъ котораго до сихъ поръ виденъ высокій, косой валикъ, прикрытый волосами... Я совершенно очнулся отъ „безсмысленныхъ мечтаній" и сталъ перебирать въ памяти дѣтство, молодость и зрѣлые годы моего повелителя, ровесника по годамъ и почти сослуживца по гвардіи. Въ первый разъ я видѣлъ Николая вскорѣ по вступленіи на престолъ его отца; царскія дѣти одѣвались въ простые матросскіе костюмы, были тщедушны и не импонировали намъ, военнымъ гимназистамъ, носившимъ мундиры и ружья. Затѣмъ, послѣдовательно проходя свою службу, я на всѣхъ ея ступеняхъ встрѣчалъ при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, сначала наслѣдника, потомъ императора Николая. Въ дѣтствѣ, въ гимназіи, намъ не слишкомъ настойчиво прививали „обожаніе" къ царской фамиліи, при военномъ министрѣ Милютинѣ военно-учебныя заведенія были хорошо и высоко поставлены, ихъ испортилъ впослѣдствіи солдатъ Ванновскій. Потомъ, въ военномъ училищѣ, главный начальникъ заведеній, Махотинъ, пытался разсказывать объ успѣхахъ наслѣдника въ военныхъ и другихъ наукахъ, о его прилежаніи и т. под., но уже сѣмена эти были невсхожи; ни малѣйшаго энтузіазма, даже простого любопытства не замѣчалось, будущіе офицеры не обѣщали быть чрезмѣрными патріотами. По выходѣ въ гвардію, я уже постоянно сталкивался съ будущимъ царемъ, но, занимая лишь очень скромное мѣсто и стѣсняясь своей глухоты, которой я страдаю съ дѣтства, я не протискивался впередъ для того, чтобы привлекать на себя высочайшее вниманіе и „удостаиваться" разговора. Впрочемъ, Николай былъ очень простъ въ обращеніи; на обѣдахъ онъ выпивалъ не мало вина, шутилъ, сидя на столѣ и болтая ногами по воздуху, много курилъ, угощая папиросами окружающихъ и вообще не выдѣ-

лялся среди обычной гвардейской молодежи, какъ важные и спесивые великіе князья, его дяди, видимо тяготившіеся обществомъ офицерской мелкоты. Наконецъ, онъ сдѣлался царемъ и поневолѣ отдалился отъ насъ.

Жизнь въ Гатчинѣ была очень проста; Александръ III, всегда боясь покушенія, избралъ для постояннаго пребыванія средній этажъ стараго павловскаго дворца, гдѣ обитала раньше, вѣроятно, придворная челядь, ибо сводчатыя комнаты были такъ низки, что я доставалъ до потолка рукой, а рослый царь едва-ли проходилъ свободно въ двери; маленькія комнаты были заставлены разнокалиберной мебелью, на стѣнахъ, вперемежку съ хорошими картинами старой и новой школъ, прикрѣплены были кнопками фотографіи безъ стеколъ, скромное піанино замѣняло рояль, который некуда было бы приткнуть, и все это производило и пріятное, и грустное впечатлѣніе; въ окна виднѣлись старыя ели скучнаго парка, да пустынный дворъ, надъ которымъ доминировала недурная, но угрюмая бронзовая фигура Павла I-го съ эспантономъ въ рукѣ. Обычная здѣсь сѣрая погода и легкій туманъ, стелившійся надъ Гатчиной отъ болотистаго парка, смягчали непріютныя очертанія дворца, и мертвая тишина, словно застывшая еще въ страшныя павловскія времена, нарушалась лишь звяканьемъ шпоръ смѣнявшихся карауловъ. Я часто бывалъ въ эти годы у воспитателя великихъ князей, и жизнь ихъ, такая же сѣрая, такая же тихая, протекала предо мною, какъ лѣнивый, болотистый ручеекъ. Я не разспрашивалъ м. Хиса, да не о чемъ, въ сущности, было и спрашивать,касаясь царской семьи —такъ все было просто,буржуазно. Въ семейной жизни старый царь былъ похожъ на хорошаго помѣщика, одичавшаго немного къ деревнѣ; всякіе выѣзды и пріемы стѣсняли его, и эту склонность къ сидячей жизни среди дѣтей унаслѣдовалъ отъ него и Николай II й. Александръ, въ молодости недурно рисовавшій, и Марія Федоровна, любившая музыку, не передали сыновьямъ любви къ искусству; не могъ привить имъ этого добрый и талантливый м. Хисъ, такъ понимавшій природу и сохранившій въ своей акварельной манерѣ пріемы старой англійской школы; правда, Николай рисовалъ, и мнѣ попадались открытыя письма съ его рисунками, но о нихъ можно не упоминать, это даже не дѣтскіе іероглифы, въ которыхъ всегда бываетъ нѣчто привлекательное или интересное. По характерамъ, Георгій и Михаилъ были общительнѣе и проще Николая, и меня поразило воспоминаніе м. Хиса о его первой встрѣчѣ со своимъ старшимъ воспитанникомъ; послѣ обѣда, за которымъ и состоялось ихъ знакомство, м. Хисъ подошелъ къ Николаю, тогда еще мальчику, и сказалъ:

„Ну, тепеигаемрь м поыръ„.

На это мальчикъ немедленно отвѣтилъ:

„Стану я съ вами играть,—я князь, а вы простой старикъ!“

М. Хисъ, все вліяніе котораго въ будущемъ висѣло здѣсь въ зависимости отъ его отвѣта, схватилъ на руки наслѣдника и черезъ минуту тотъ уже заливался веселымъ смѣхомъ. Потомъ, нѣсколько спустя, м. Хисъ сочинилъ для него по этому поводу очень милую сказку о важничавшемъ своей породой поросенкѣ, которую я не считаю себя въ правѣ передать здѣсь; сказка очень нравилась всѣмъ дѣтямъ Александра.

Воспитаніе будущаго царя находилось, такимъ образомъ, въ хорошихъ рукахъ, но все же м. Хисъ была только няней; его незнаніе Россіи, ея языка и жизни, да пожалуй и географіи, сводило роль этого выдающаго человѣка, съ высокой душой соединявшаго и солидное общее образованіе, къ очень скромнымъ размѣрамъ; правда, любовь къ нему дѣтей сдѣлала то, что они говорили и думали только по англійски; и теперь даже если вчитаться въ тексты рѣчей Николая, можно видѣть, что это лишь мысленный переводъ съ англійскаго на русскій. Его сестра, Ольга, такъ плохо знала русскій языкъ, что когда м-съ Хисъ захотѣла прочесть ей одну изъ моихъ дѣтскихъ сказокъ, готовившихся тогда къ печати, то ей пришлось перевести ее для княжны на аглійскій языкъ. Зато стрѣлять, ѣздить верхомъ, ловить рыбу и грести, — все это воспитанники м. Хиса умѣли въ совершенствѣ. Онъ любилъ своихъ питомцевъ со всей нѣжностью старой няни и, конечно, для нихъ было большимъ счастьемъ имѣть такую няню; но дальше дѣтской вліяніе это не шло; правда, старикъ часто говаривалъ Николаю:

„Пользуйтесь вроменемъ, пока вы еще наслѣдникъ, прислушивайтесь къ правдѣ, вы еще можете ее изрѣдка слышать; а когда будете царемъ, никогда ужъ не услышите“.

Но интеллектъ будущаго царя не былъ таковъ, чтобы обратить на слова эти особое вниманіе; по этому, нѣсколько лѣнивому, небольшому мозгу легко скользили всѣ наставленія, всѣ науки, преподававшіяся по большей части второстепенными или очень старыми профессорами; за образованіемъ слѣдилъ генералъ Даниловичъ, совершенно бездѣтный, ограниченный человѣкъ, не понимавшій отвѣтственности своей передъ родиной ни въ малѣйшей степени. Можно сказать, что образованіе царя, было повинностью съ обѣихъ сторонъ; а природная лѣнь всѣхъ трехъ князей тормозила его еще больше. Въ этомъ отношеніи я и самъ сдѣлался однажды невольнымъ наблюдателемъ.

По смерти Александра III-го, придворный трауръ надолго сковалъ возможность какихъ бы то ни было увеселеній

для великихъ князей, м. Хисъ, кажется, особенно отличавшій всегда Михаила Александровича, захотѣлъ развлечь его и съ разрѣшенія Маріи Феодоровны пригласить великаго князя къ себѣ, на литературно-музыкальный вечеръ, нарочно для него и придуманный. Что бы было предложить августѣйшему вниманію? На общемъ совѣщаніи рѣшили прочесть, разобравъ по ролямъ, „Скупого рыцаря“ Пушкина; затѣмъ Абакумовъ, впослѣдствіи директоръ карточной фабрики, долженъ былъ декламировать какое-то стихотвореніе на старо-русскую тему, баронъ Гойнингенъ-Гюне, впослѣдствіи статсъ секретарь Гос. Совѣта, произнести французскій монологъ, г. Вергопуло, тоже статсъ-секретарь, сыграть что-нибудь на роялѣ, г. Бенуа — на флейтѣ, еще не помню что. Я, будущій политическій арестантъ, что могъ другого получить, какъ не роль безпутнаго сына скупца; но за то я имѣлъ совершенно неожиданный успѣхъ съ попурри изъ „Паяцовъ“ Леонкавалло, исполненнымъ мною совмѣстно съ моимъ другомъ, таксикомъ дочери м-ра Хисъ, не выносившемъ жалобныхъ звуковъ.

Собрались. Пришелъ Михаилъ Александровичъ, высокій, краснощекій мальчикъ, лѣтъ семнадцати, одѣтый въ матросскую куртку, застѣнчивый и очень милый. Прочли „Скупого рыцаря“, великолѣпно произнесъ монологъ свой Гюне, изящно игралъ Шопэна Вергопуло, все было хорошо. Послѣ чая посадили Блэка на рояль, я сталъ извлекать изъ него слезливыя мелодіи паяца, и поднялся тутъ вой, какъ въ лѣсу. Великій князь сразу оживился, хваталъ такса, валился отъ смѣха на рояль, и вообще показалъ ясно, что здѣсь мы попали въ настоящую, такъ сказать, точку. Потомъ опять чинно усѣлись въ гостиной, еще что-то прочли. М-съ Хисъ, разговаривая съ Михаиломъ Александровичемъ о чтеніи, говоритъ ему между прочимъ:

„Вы, конечно, знали и раньше „Скупого рыцаря“; мы хотѣли только напомнить вамъ его въ художественномъ чтеніи“...

„Нѣтъ, Минна Федоровна,—перебилъ велкий князь,—я его никогда не читалъ“.

„Какъ не читали? Вѣрно же вы проходили это съ учителями?“

„Да нѣтъ же... и вообще я Пушкина еще ничего не читалъ“...

Мы примолкли. Въ семнадцать лѣтъ мы всѣ, здѣсь бывшіе простые смертные, кончили уже среднюю школу, а этотъ юноша, наслѣдникъ тогда русскаго престола, не читалъ „еще“ Пушкина! Но лучшее было впереди. Когда Михаилъ Александровичъ уходилъ, и мы высыпали въ переднюю провожать его, а м-съ Хисъ совала ему въ карманы яблоки и конфекты, какъ какому-нибудь

сироткѣ, пригрѣтому въ доброй семьѣ, наслѣдникъ сказалъ, не стѣсняясь нашего присутствія и видимо не придавая значенія своимъ словамъ:

„Ахъ, Минна Федоровна, какъ я вамъ благодаренъ за сегодняшній вечеръ!.. *Вѣдь теперь, когда очередь дойдетъ до „Скупого рыцаря“, мнѣ ужъ не нужно будетъ его читать!*“

Немного сконфуженные, разошлись мы съ этого вечера, унося всякій свои мысли. Это не былъ Обломовъ, потому что подвижность и любовь къ спорту отличали дѣтей Александра II-го, это было гораздо хуже: мозгъ съ рѣдкими и неглубокими извилинами, мозгъ хорошо упитаннаго ученика въ старогреческой школѣ профессіональныхъ атлетовъ. Въ этихъ ясныхъ глазахъ отражалась примитивная радость жизни, они зажигались отъ лѣсного шума, отъ воя веселой собачки, но настоящая жизнь, такая сложная и неулыбающаяся, не докатывала сюда своихъ волнъ; эти люди знали объ ней не больше, чѣмъ знаютъ объ океанѣ крестьяне московской губерніи. А роль вѣдь имъ предстояла чуть не самого Посейдона...

Служба наслѣдника (Николая) въ строю, сначала въ лейбъ-гусарахъ, затѣмъ въ Преображенскомъ полку, не могла не вліять отрицательно и на тотъ небольшой запасъ свѣдѣній, который укладывался, съ грѣхомъ пополамъ, въ голову, несклонную къ ихъ воспріятію, а возможность злоупотребленія виномъ въ юномъ еще возрастѣ, могла отражаться и на общемъ здоровьѣ; никогда не слышалъ объ эксцессахъ въ этомъ отношеніи, но и самъ видѣлъ, и позднѣйшія имѣю свѣдѣнія, что Николай „крѣпокъ на вино“, т.-е. можетъ пить много, не хмѣлѣя; это указываетъ уже на основательное проспиртованіе организма, и при той удрученности настроенія, которая естественно должна доминировать во дворцѣ въ послѣдніе годы, нѣтъ ничего хорошаго въ потребленіи все большихъ и большихъ порцій вина.

Такъ дожилъ Николай и до царства. Несмотря на патріархальный складъ жизни въ семьѣ Александра III-го, отношенія между братьями не были хороши, дружбы, такой естественной въ этомъ возрастѣ, не было, и я никогда не просилъ объясненія этого явленія у ихъ воспитателя, полагая, что затрону и его больное мѣсто. Георгій умеръ одинъ въ канавѣ у пустынной кавказской дороги, видимо оставляемый въ послѣдней стадіи чахотки даже безъ посторонняго надзора. Съ его смертью титулъ „цесаревича“ былъ почему-то отнятъ у Михаила; тогда, помню, говорили о суевѣріи молодыхъ царей, видѣвшихъ въ этомъ титулѣ брата признакъ, что не родятъ сами мальчика; можетъ быть и другое что было, но молва совпадаетъ съ послѣдующимъ увлеченіемъ спиритизмомъ, обуявшимъ теперь царскую

семью до потери элементарной культурности. Какъ бы то ни было, братья жили врозь, да и посейчасъ очень сухи другъ къ другу, причемъ Михаилъ, въ близкомъ кругу, не очень стѣсняется въ критикѣ своего брата.

Николай вступилъ на престолъ при безмѣрно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ его отецъ. Рѣдкій въ русской исторіи случай—естественная смерть царя дѣлала обстановку болѣе покойной, а долгая агонія Александра III-го не могла не вызвать извѣстнаго сочувствія къ нему и въ его семьѣ, переживавшей тяжелые дни. Какъ-никакъ, военныхъ заботъ не было, отношенія Россіи къ другимъ государствамъ улучшились, курсъ былъ недуренъ, девальвація произведена удачно, грюндерскія предпріятія еще не лопались; вообще въ атмосферѣ былъ нѣтоторый признакъ ростущаго благосостоянія, располагающій буржуазныя сферы къ чувствительности. Къ тому же въ Россіи, какъ Новый годъ, всякое новое царствованіе встрѣчаютъ съ надеждой на счастье, на либеральныя реформы. И хотя всякій Новый годъ несетъ людямъ все тѣ же заботы, болѣзни и разоренія, а всякое царствованіе неминуемо сводится къ жестокой реакціи, тѣмъ не менѣе вѣра въ лучшее будущее не умираетъ, и лишь терпитъ нѣкоторое перерожденіе,—люди какъ будто начинаютъ надѣяться больше на себя, чѣмъ на календарное счастье или инипіативу русскихъ самодержцевъ.

Я смотрѣлъ на похороны Александра изъ оконъ Академіи Художествъ, и меня поразилъ внѣшній безпорядокъ ихъ; видимо на царя не обращали вниманія; вожжи выпали изъ крѣпкихъ рукъ покойнаго и не были подобраны живымъ; признакъ былъ нехорошъ: въ этихъ сферахъ внѣшній порядокъ—все, онъ то и прикрывалъ до сихъ поръ, какъ красивый гробъ, разлагающійся правительственный организмъ; съ разрушеніемъ гроба ни у кого уже не могло оставаться сомнѣнія въ гниломъ запахѣ содержимаго. Повторяю, печальная церемонія имѣла роковой видъ, и глупыя фигуры чернаго и бѣлаго рыцарей, символизировавшихъ жизнь и смерть, одинаково уныло мѣсили осеннюю грязь на той самой набережной Невы, гдѣ черезъ тринадцать лѣтъ разыгралась одна изъ отвратительнѣйшихъ сценъ исторіи, избіеніе рабочихъ 9 января 905 года.

За то день свадьбы Николая произвелъ хорошее впечатлѣніе. Широкій Невскій проспектъ былъ запруженъ людьми такъ, что карета царя пробилась шагъ за шагомъ, при всеобщихъ привѣтствіяхъ и ликованіи; здѣсь былъ только народъ; войска, полиція, свита, все отсутствовало, но порядокъ не нарушался, и мысль о покушеніи на жизнь царя, такомъ легкомъ въ этой обстановкѣ, никому и въ голову не приходила. Здѣсь съ откры-

той душой обращался къ царю народъ, такъ нуждавшійся въ свободѣ, въ вѣрѣ въ него, и такъ громко, ясно указывавшій этой милліонной толпой, что онъ *можетъ* быть свободенъ, что ему *можно* вѣрить. Какъ извѣстно, это были „безсмысленныя мечтанія". Сконфуженный царь держалъ текстъ важнѣйшей своей рѣчи въ шапкѣ, куда и заглядывалъ произнося ее передъ делегаціями; ошибка въ словѣ была ясна, но разъ произнесенная, она стала какъ бы анонсомъ, ярлыкомъ и всего послѣдующаго.

Съ этого момента начинаетъ катиться подъ гору житейская доля новаго императора, и скоро въ народѣ складывается легенда о „незадачливомъ царѣ", о рожденіи его подъ несчастной звѣздой, какъ говорили старые астрологи. Ходынская катастрофа, происшедшая по винѣ московскаго ген.-губернатора Сергѣя, враждовавшаго съ Воронцовымъ-Дашковымъ, министромъ двора, причемъ ни одинъ не распоряжался, была вторымъ несчастіемъ. Къ сожалѣнію, никто не посовѣтовалъ царю обратить это несчастіе въ свою пользу, насколько это было возможно; отмѣной бала, всѣхъ остальныхъ коронаціонныхъ торжествъ и удаленіемъ отъ должности своего дяди, Николай могъ очень поднять престижъ свой въ обществѣ и народѣ. Но балъ состоялся, Сергѣю былъ благодарственный рескриптъ и такимъ образомъ тамъ, гдѣ абсолютизмъ давалъ полную возможность личнаго рѣшенія, импонирующаго массамъ, и поступлено было какъ бы съ цѣлью нанести этому принципу сильный ударъ. Долго еще спустя, Сергѣя встрѣчали, въ театрахъ и на улицахъ, криками: „князь Ходынскій". Не забуду и того, какъ тогдашній министръ юстиціи, Муравьевъ, (нынѣ посолъ въ Римѣ) съ прокуроромъ судебной палаты, Постниковымъ, посѣтили Ходынское поле. Оба были въ высокихъ сапогахъ, съ биноклями черезъ плечо и чѣмъ-то подпоясанные. Вѣдь не могли же они ожидать заранѣе катастрофы, и значитъ въ такую-то ужасную минуту, у министра не нашлось болѣе интенсивной мысли, какъ о покупкѣ, скорѣй, высокихъ сапогъ и изобрѣтеніи полководческой наружности; другой долженъ былъ копировать начальника; и вотъ они озираютъ, наконецъ, настоящее поле битвы, усѣянное тысячами труповъ женщинъ, дѣтей и стариковъ, настоящую гекатомбу абсолютизма.

Царь уѣхалъ въ Петербургъ разстроенный, не находя почвы для дальнѣйшихъ шаговъ, все болѣе ощущая себя ладьей безъ руля среди незнакомаго, алчнаго бюрократическаго океана. Хорошо знакомое военное общество помочь не могло по великому своему невѣжеству.

Дома тоже не было удачи, жена обладала страннымъ тем-

пераментомъ, сразу оттолкнувшимъ отъ нея общественныя симпатіи; презрѣніе къ новой своей родинѣ,—результатъ незнанія ея,—гордость и черствость въ обращеніи съ приближенными, а подъ конецъ и признаки психической неуравновѣшанности, доходившей до молчанія по цѣлымъ недѣлямъ, дѣлали и семейную жизнь невеселой. По разсказамъ одной изъ фрейлинъ, положеніе служащихъ при ея дворѣ бывало въ такихъ случаяхъ невыносимымъ; нужно было угадывать, что дѣлать, когда читать вслухъ, когда итти гулять, играть на роялѣ, потому что царица не открывала рта, но сердилась, если не угадывали ея желаній. Въ самое послѣднее время, подъ вліяніемъ понятныхъ уже причинъ, у нея начала развиваться манія преслѣдованія, къ счастію, въ острой, а потому излѣчимой формѣ. Вдобавокъ ко всему, ожидаемый наслѣдникъ не являлся, и одна за другой рождались дѣвочки. Весь свѣтъ, кажется, слѣдилъ за этой погоней за мальчикомъ; любимой темой каррикатуръ иностранныхъ журналовъ былъ русскій царь, окруженный дочерьми и съ новой на рукахъ; даже теперь мнѣ попалось на глаза въ Женевѣ огромное объявленіе о какихъ-то мятныхъ лепешкахъ, остроумно скомпанованное изъ фигуръ всѣхъ европейскихъ монарховъ; и на первомъ же планѣ Фальеръ протягиваетъ Николаю анонсъ лепешечной фабрики, гдѣ написано: „очень помогаетъ рожденію мальчиковъ!"

Мало-по-малу царь уходилъ въ семью, въ эту обширную дѣтскую, наполненную веселымъ гамомъ, гдѣ можно было не слушать серьезныхъ разговоровъ, скучныхъ министерскихъ докладовъ, не видѣть озабоченныхъ лицъ придворныхъ интригановъ; постепенно кругъ личныхъ друзей суживался, и въ немъ очутились все тѣ же сотоварищи по гвардейскимъ полкамъ, ничего не принесшіе съ собой кромѣ обычныхъ двусмысленныхъ остротъ, анекдотовъ, великосвѣтскихъ сплетенъ, да полнаго незнанія происходящаго; едва ли доходило до нихъ и то смутное чувство надвигающейся бѣды, которымъ, казалось, былъ пропитанъ весь воздухъ.

Дѣла шли годъ отъ году хуже. За убитымъ Боголѣповымъ послѣдовалъ Сипягинъ; наконецъ и вѣрный Плеве, которому такъ отрадно было передать во временное пользованіе ненужное самодержавіе, разорвался въ куски, ѣдучи съ какимъ-нибудь успокаивающимъ докладомъ. Тяжелымъ гнетомъ легла на слабыя плечи и японская война. Лукавый втируша Безобразовъ, быстро проникшій въ душу царя, такъ сладко росписывалъ доходныя статьи на рѣкѣ Ялу, столько родственныхъ милліоновъ было вложено туда, отъ кого прямо, отъ кого черезъ камердинеровъ и другихъ подставныхъ лицъ, что громъ пушекъ на

портъ-артурскомъ рейдѣ былъ настоящимъ громомъ и для высокопоставленныхъ концессіонеровъ.

Японцы сдѣлали все, чтобы выяснить положеніе въ Кореѣ и избѣжать войны, но журналъ переговоровъ, представленный посломъ ихъ въ Петербургѣ, краснорѣчиво указывалъ на невозможность чего-нибудь добиться; посла водили за носъ вокругъ царя, но къ нему не допускали; то онъ говѣлъ, то уѣхалъ на охоту, то на парадъ, и за всѣми этими проволочками ясно проступала цѣль не уступать, а итти навстрѣчу войнѣ. Плеве разсчитывалъ, что полтораста милліоновъ больше пятидесяти, что побѣдоносная кампанія закрѣпитъ абсолютизмъ, въ потокѣ воинственнаго азарта утонетъ подымавшая уже голову гидра грядущей революціи и что „на ихъ вѣкъ хватитъ“ безотвѣтственности и всего, что она несетъ своихъ вѣрнымъ слугамъ.

19 января былъ большой балъ въ Зимнемъ дворцѣ, всѣ ѣхали туда въ ожиданіи, что война будетъ объявлена самимъ царемъ. Ничего подобнаго. За ужиномъ возлѣ царя сидѣла жена посла въ Лондонѣ, графиня Бенкендорфъ. Вдругъ, посреди разговора, она спрашиваетъ Николая:

„Ваше величество, будетъ у насъ война съ Японіей?“ И, видя, что даже этого застѣнчиваго человѣка покоробила прямота ея вопроса, добавила:

„Я спрашиваю васъ не изъ любопытства, и не какъ жена вашего посла въ Лондонѣ, а какъ мать; вѣдь мой сынъ въ Портъ-Артурѣ“.

Семейныя чувства всегда трогаютъ царя, и онъ тотчасъ же отвѣтилъ:

„Войны не будетъ. Я ея не хочу и сдѣлалъ все, чтобъ ее не было“.

Разговоръ переданъ точно. А 26 января три лучшихъ броненосца были выведены изъ строя, и что мудренаго, что такъ грубо опровергнутый самодержецъ не удержался отъ эпитета „коварный“, по адресу своего врага. Коварства, понятно, не было, и международное право не предусматриваетъ празднованія именинъ адмиральскихъ женъ въ рейдахъ, гдѣ непріятеля ждутъ съ часу на часъ. Графъ Ламсдорфъ, ничего не сдѣлавшій для предотвращенія войны, да и не могшій бороться съ вліяніемъ Безобразовыхъ, Абазы, Алексѣевыхъ и К°, впалъ безпричинно въ немилость и скоропостижно умеръ, какъ говорятъ отравился.

Понемногу начиналась ликвидація старыхъ грѣховъ бюрократіи, и ей предстояло теперь показать себя сильной и спо-

собной все вернуть въ прежнее русло. Но радикально нарушенный порядокъ трудно было возстановить избитыми пріемами, и трескъ распадавшагося зданія абсолютизма не могъ не доходить уже до слуха монарха, возстановляя его, психологически понятно, не противъ чиновниковъ и министровъ, но противъ невѣжественныхъ друзей и дворцовыхъ прихлебателей, а противъ освобождавшагося въ мукахъ войны отъ вѣковыхъ путъ рабства народа и лучшихъ представителей русской интеллигенціи.

Въ суматохѣ послѣднихъ лѣтъ забыли ужъ и объ наслѣдникѣ думать, и будущій царь Алексѣй появился въ далеко не столь радостной обстановкѣ, какъ довлѣло бы сыну самодержавца, да еще и день его рожденія совпалъ съ одной изъ безчисленныхъ военныхъ неудачъ. Но царь дождался таки его и проводилъ теперь еще больше времени въ дѣтской, видимо раздражаясь и тяготясь обязанностью говорить съ министрами, думать о войнѣ, о наростающей революціи, студентахъ и т. д. Онъ соглашался, вѣроятно, на все, что сулило ему покой, хотя бы на короткое время. И кто знаетъ, можетъ быть въ эти непріятныя минуты не вспоминалъ ли онъ совѣтъ старика Лубе, данный ему въ Парижѣ, о чемъ потомъ самъ Лубе разсказывалъ моему другу, Л-у,—совѣтъ дать поскорѣй конституцію, на основахъ автономизма, т. е. дать рядъ областныхъ парламентовъ съ имперскимъ, объединяющимъ, во главѣ.

„Тогда ваше Величество будете покойно жить и царствовать“, добавилъ отходившій на покой президентъ, мечтавшій и самъ о томъ, какъ будетъ безъ помѣхи „ѣсть груши въ Монтелимарѣ“. Царь едва ли зналъ, что тогда объ автономизмѣ, а невѣдомое всегда пугаетъ; къ тому же страхъ передъ соц.-демократіей пересиливалъ всѣ иныя соображенія, и онъ тутъ же высказалъ свои опасенія Лубе.

„О, это совсѣмъ не такъ страшно“, сказалъ президентъ, провожая Николая во время поѣздки въ окрестностяхъ Парижа. Въ одномъ городкѣ царя привѣтствовалъ нарядный, красивый мэръ; и Николай выразилъ Лубе свои симпатіи, добродушный старикъ какъ бы мимоходомъ замѣтилъ:

„Это лидеръ здѣшнихъ соц.-революціонеровъ“.

Царь былъ удивленъ, привыкнувъ къ мысли, что соц.-демократы должны быть въ красныхъ рубашкахъ, съ красными флагами въ едва ли не окровавленныхъ рукахъ; за обѣдомъ, затѣмъ, подаютъ шампанское; знатокъ вина, — Николай благодаритъ Лубе за вниманіе, сервировку любимой его марки. Лубе, улыбаясь, показываетъ ему владѣльца виноградниковъ и прибавляетъ:

„Это глава одной изъ соц.-демократическихъ фракцій".

Все это прошло, конечно, вмѣстѣ съ игрой выпитаго тамъ вина, и теперь приходилось выпутываться изъ болѣе сложныхъ задачъ, которыя эта гадкая, безпокойная толпа, народъ, выдвигала одну за другой, безъ всякой жалости къ внѣшнимъ затрудненіямъ. Одинъ человѣкъ, видимо, многое зналъ, понималъ, но былъ антипатиченъ, какъ всегда бываетъ антипатиченъ способный плебей и выскочка болѣе слабому умственно патрицію; это Витте, и царь, кажется былъ доволенъ, когда Плеве удалось ссадить будущаго графа съ его привиллегированнаго мѣста около трона.

При такой-то зыбкой обстановкѣ принято было рѣшеніе подавить революціонныя попытки однимъ кровопусканіемъ, и за спиной царя разыграна была трагедія Гапона, отвѣчать за которую пришлось опять же Николаю. Естественно, что злоба ко всѣмъ накипала, что симпатіи направлялись въ сторону немногихъ, дѣлавшихъ видъ храбрыхъ защитниковъ самодержавія, знатоковъ спасенія Россіи; согласіе на самыя странныя, самыя рискованныя мѣры можно было теперь получать безъ труда, и незамѣтно около трона началась та страшная игра съ революціей, что продолжается и по нынѣ, гдѣ самыя очевидныя истины приносятся въ жертву фантастическимъ проектамъ, гдѣ первые чины правительствь разжигаютъ пожаръ, заливая пламя масломъ и керосиномъ репрессій, гдѣ теряютъ сооображеніе и творятъ нелѣпости люди, въ рукахъ которыхъ могъ бы быть мощный насосъ, способный потушить это пламя, спасти монархическій принципъ и носящую его династію.

Сдѣлалось это не сразу, но темпъ наростанія безпорядочности въ управленіи и внушаемаго ею безпокойства былъ такъ быстръ, что невольно хотѣлось изобрѣсти отвлекающее средство, чтобы забыться, не глядѣть въ искаженное лицо жизни. Но куда отвернуться отъ него? Всякій человѣкъ ищетъ въ такихъ случаяхъ свойственныхъ его интеллекту и темпераменту сферъ, и царь, совершенно непонятно почему, сохранившій искреннюю привязанность къ церковымъ обрядамъ и отправленіямъ культа, видимо искалъ утѣшеніе въ этой шаткой области, столь основательно оставленной культурнымъ міромъ на долю простыхъ, малоразвитыхъ народныхъ массъ, католическихъ и православныхъ государствъ. Эта склонность была немедленно подхвачина ни чѣмъ не брезговавшимъ Плеве, и что могло быть болѣе просто и геніально, какъ не открытіе мощей? Говорили, будто царь видѣлъ во снѣ какого то старца и стоило только поискать въ монастырскихъ анналахъ, кто изъ подвижниковъ церкви, еще неканонизированныхъ, подходилъ подъ описаный

царемъ типъ; на счастье оказалось, что Серафимъ, не такъ давно умершій и при жизни очень чтившійся настоятель Саровской пустыни, какъ разъ подходилъ подъ желаемаго старца. Монастырь былъ, понятно, въ восторгѣ, его дѣла должны были процвѣсти, оставалось только откопать святого монаха изъ земли. Увы, бренные останки покойнаго Серафима лучше всего указывали на его скромную участь простого смертнаго, и мѣстный архіерей на отрѣзъ отказался подписать актъ, кладущійся обычно въ основу канонизаціи; вмѣсто нетлѣнныхъ мощей, непремѣннаго условія канонизированія русскихъ отшельниковъ, обительская земля хранила въ нѣдрахъ своихъ простой костякъ. Но нужды нѣтъ, архіерея смѣнили, нашли согласнаго на подпись акта, и торжество состоялось. Серафимъ сдѣлался одно время любимымъ угодникомъ, его изображенія шли нарасхватъ царь самъ открывалъ мощи, за нимъ всѣ министры начали ѣздить, потомъ губернаторы, директора департаментовъ, чуть не всякій вновь назначаемый исправникъ считалъ долгомъ побывать въ Саровѣ, —это было отвратительно; одинъ только царь искренне несъ туда свою дѣтскую вѣру, словно сливаясь съ калѣками и убогими, которыхъ везли въ Сарово со всѣхъ концовъ Руси, чая исцѣленія. Стараніями Плеве новый Лурдъ, создался въ русской глуши, но недолго продержалась слава его. Войска и генералы, положительно забросанные образами Серафима, слишкомъ понадѣялись на чудотворца и, не принеся съ собой на войну ни знаній, ни патріотизма, ничего кромѣ этихъ образовъ, ни даже простой воинской храбрости, были оставлены суровымъ праведникомъ на произволъ судьбы и вернулись домой безъ удачи.

Извѣстно, что обрядность, поставленная на мѣсто отвлеченныхъ основъ религіи, неразлучна съ суевѣріемъ и что самые богомольные люди охотнѣе всего вѣрятъ въ чудеса, во все таинственное, въ колдовство, гаданія, черную и бѣлую магію, спиритизмъ и т. под. вещи. Не избѣжалъ этой печальной участи и Николай, и мы не безъ смущенія застаемъ его, вскорѣ послѣ саровскаго паломничества, въ Крыму, въ обществѣ извѣстнаго шарлатана Филиппа. Дѣло шло, кажется о наслѣдникѣ. Филиппъ колдовалъ усердно. Въ то время орудовалъ успѣшно въ Парижѣ оффиціальный русскій шпіонъ, Рачковскій, впослѣдствіи правая рука Трепова по погромнымъ дѣламъ, и осыпаемый наградами, излюбленный человѣкъ; на его обязанности, между прочимъ, лежало давать справки и о въѣзжавшихъ въ Россію французахъ, если они соприкасались съ правящими сферами; ничего не подозрѣвая, честно откопалъ четыре справки о судимости г. Филиппа по уголовнымъ дѣламъ и представилъ

ихъ куда слѣдуетъ. Неосторожный шпіонъ поплатился тогда временно своей карьерой, а Филиппъ, обласканный, награжденный чиномъ, большими деньгами и ученымъ званіемъ, отправился восвояси. Не знаю, вѣрно ли, но изъ авторитетнаго источника я слышалъ вспомнивъ вѣрно, ласковаго старичка Лубе, что царь, лично писалъ ему, прося похлопотать о пріемѣ Филиппа въ какую то академію. Чего не бываетъ!

На этомъ дѣло не могло, конечно, остановиться; такого рода страсти имѣютъ тенденцію развиваться въ томъ же направленіи: отъ Бога, какимъ онъ рисуется простымъ душамъ, къ святому, отъ святого къ ученому, якобы, спириту, отъ спирита къ юродивому. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Я оказался даже землякомъ того юродиваго, котораго затащили во дворецъ наши же, кажется, калужскіе помѣщики, князья О скіе, изъ коихъ одинъ весьма близокъ былъ тогда къ царю. Въ нашей губерніи находится Оптина пустынь, гдѣ не такъ давно подвизался праведный монахъ, Амвросій, время канонизаціи котораго, къ сожалѣнію монастыря, еще не приспѣло. Его мѣсто занялъ, какъ приманка простодушныхъ богомоловъ, нѣкій козельскій мѣщанинъ, Митька, къ которому пристроился, въ качествѣ толмача, другой, козельскій же мѣщанинъ; Митька отъ рожденія не умѣлъ говорить, но мычалъ весьма внушительно. Почему его понималъ мѣщанинъ,—понятно безъ объясненій.

Вотъ этого то юродиваго и потребовали однажды въ Петербургъ. Переполохъ былъ большой, переводчикъ не долженъ былъ ударить лицомъ въ грязь. Привезли Митьку въ Царское Село, умыли, причесали, привели къ царю. Къ первому вопросу толкователь приготовился недурно и когда Митька взвылъ источнымъ голосомъ, онъ поспѣшилъ сообщить, что праведникъ „дѣтей видѣть пожелалъ"; это очень тронуло царя, и дѣтей немедленно вывели. Увидѣвъ такую милую компанію, Митька осклабился и завопилъ пуще прежняго. Тутъ, къ сожалѣнію, переводчикъ не выдержалъ, земные интересы взяли верхъ, и онъ не безъ колебанія изрекъ:

„Чаю съ вареньемъ запросилъ"...

Общее недоумѣніе. Митькѣ дали чаю, потомъ продержали еще нѣкоторое время во дворцѣ и отпустили на родину. Поразительно, что его снова вызывали, но о послѣдующихъ сеансахъ я ничего не знаю. Знаю только, что мѣсто Митьки занялъ впослѣдствіи нѣкій казанскій мужичокъ, такой шустрый, что приспособился безо всякаго переводчика и ухитрялся помогать при назначеніяхъ на мѣста чиновниковъ, преумножая свое состояніе.

Эти увлеченія рисуютъ обстановку дворцовой жизни и странныя роли окружающихъ царя лицъ лучше, чѣмъ что другое. Такого человѣка всякій считаетъ себя въ правѣ обманывать, всякій торопится обратить на себя его расположеніе; темное невѣжество юродивыхъ какъ бы заражаетъ всю атмосферу, гдѣ существеннѣйшіе интересы страны приносятся въ жертву личнымъ счетамъ, гдѣ, словно на пожарѣ, дурные инстинкты выплываютъ наружу и каждый стремится использовать несчастіе, забывая объ отвѣтственности своей передъ царемъ, имя котораго должно же перейти въ исторію. И одинъ за другимъ отходятъ подальше сколько нибудь достойные люди;

„Еслибъ не нужда въ восемнадцати тысячахъ жалованья, вернулъ бы ему свои эксельбанты“, простодушно сказалъ одинъ генералъ-адъютантъ...

Все ближе напираетъ на царя шайка проходимцевъ, людей безъ вѣры, безъ закона, безъ совѣсти. Трагедія ускоряетъ свой темпъ...

Все, повидимому, благопріятствовало удаленію царя отъ дѣлъ, все было такъ печально и утомительно, что естественно хотѣлось продолжать искать забвенія дѣйствительности. Но гдѣ? Всякій выѣздъ изъ Царскаго Села, даже всякій выходъ въ паркъ могъ грозить жизни; директоръ департамента полиціи еще въ 1904 году предварялъ царя о томъ, что всѣ усилія революціонеровъ сосредоточены теперь на его убійствѣ и, правда, съ тѣхъ поръ то и дѣло открываются компликаціи, одна другой хитрѣй и ужаснѣй. Нужно было искать, значитъ, развлеченій дома, и семейственныя наклонности подсказывали, куда итти отъ житейскихъ тревогъ. Снова и снова это была дѣтская и мы встрѣчаемъ въ ней Николая во всѣ трудные дни; но и туда приходятъ непріятныя извѣстія, какъ напримѣръ, о цусимскомъ пораженіи, и нѣтъ нигдѣ спасенія отъ этихъ вѣстниковъ зла и несчастій. Активныя натуры идутъ, въ такихъ случаяхъ, навстрѣчу опасностямъ, схватываются съ жизнью, стараются побороть судьбу, и усиліями воли дѣйствительно сворачиваютъ иногда непреодолимыя, казалось бы препятствія со своего пути; но пассивныя отстраняются еще больше, прячутъ голову еще глубже въ глухую тишину домашняго очага, начинаютъ болѣзненно ненавидѣть всякихъ нарушителей покоя; и незамѣтно ожесточается сердце, грубыя мысли приходятъ на умъ, хочется выставить вмѣсто себя борца за свои интересы, и ему готовы дать любыя полномочія, любое вознагражденіе...

Въ послѣдній разъ Николай показался народу при началѣ войны, когда онъ объѣзжалъ города для благословенія идущихъ на востокъ солдатъ иконами. Картины колѣнопреклонен-

ныхъ полковъ, залитыхъ солнечнымъ свѣтомъ, крики привѣтствій, раздававшіеся, впрочемъ, по командѣ и мѣшавшіеся съ молитвами духовенства, знамена и цирковныя хоругви, все уносило, быть можетъ, мысль его ко временамъ крестовыхъ походовъ, къ войнамъ съ невѣрными. Увы, концессіи на рѣкѣ Ялу не шли ни въ какое сравненіе съ идеями тѣхъ вѣковъ, а изображенія святыхъ не должны были спасать русскія войска отъ пораженій. Эти иконы были скорѣй вѣстниками суроваго возмездія за небреженіе стомилліоннымъ народомъ, отданнымъ во власть жаднаго и развращеннаго чиновничества.

Я былъ тогда предводителемъ дворянства и представлялся, вмѣстѣ съ другими, царю не въ особенно подходящемъ для пріема мѣстѣ, на калужскомъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ. Власти волновались, полиція была согнана со всей губерніи, два вагона агентовъ прибыли еще за нѣсколько дней впередъ, вмѣстѣ съ казачьими сотнями. Жидкіе ряды профильтрованнаго народа окаймляли дорогу въ Калугу, которой нельзя было миновать царю. Войска были выведены за городъ и въ невылазной грязи дожидались благословенія. Губернскій предводитель держалъ въ рукахъ опять же икону, (что иное могло быть пріятно царю въ эти дни?) И практиковался, чтобы успѣть снять парадную треугольную шляпу, сунуть ее подмышку, а икону освободить изъ подъ другой руки; я, шутя, опасался, чтобы старикъ въ нужный моментъ не сунулъ подмышку иконы, и не благословилъ царя треуголкой, но все сошло хорошо. Подошелъ поѣздъ. Царь вошелъ въ безобразную залу, благодарилъ насъ очень тихимъ голосомъ, такъ что я ничего не расслышалъ, приложился къ образу. И тотчасъ чья то рука высунулась изъ рядовъ свиты, схватила икону; чей то хриплый шопотъ спросилъ: „А футляръ?“, и все спряталось. За нами стояла земская управа, поднесшая хлѣбъ соль на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ; и снова, привычнымъ движеніемъ схватилъ придворный лакей подношеніе, сунулъ хлѣбъ куда то, еще глубже, своему подручному, свернулъ вышитое полотенце и съ блюдомъ подмышкой уже дожидался, когда городской голова кончитъ свою рѣчь, сопровождаемую на каждомъ словѣ машинальными поклонами отъ волненія, чтобы подхватить и городской даръ. Все это было понятно, даже необходимо, чтобы ловкость и быстрота не нарушали ритуала пріема, но впечатлѣніе оставалось какое то непріятное, и здѣсь рѣзко чувствовалось, что на этого небольшого человѣка въ скромномъ офицерскомъ кителѣ, облеченнаго невѣроятной властью, вся эта ватага смотрѣла совершенно такъ, какъ смотрятъ на чтимую на родинѣ религіозную святыню служащіе при ней священники, въ при-

сутствіи чудотворнаго лика сводящіе личные счеты, грубо переранивающіеся, думающіе лишь о своихъ интересахъ и дѣлахъ.

Гдѣ же и когда, наконецъ, проявляется во внѣ это прословутое самодержавіе, эта идея, за которую столько головъ сложено съ обѣихъ сторонъ, которая до сихъ поръ неуловима? Исторія доконституціонной Россіи такихъ проявленій не знаетъ; новѣйшая исторія... Но по удивительной ироніи судьбы, парламентарная Русь видитъ теперь почти ежедневно осуществленіе этого принципа; нужно было русскому царю стать ограниченнымъ монархомъ, чтобы начать проявлять неограниченную власть помилованіемъ погремщиковъ, защитой отъ законнѣйшаго суда Гершельмановъ, Ермоловыхъ и имъ подобныхъ.

Царь уѣхалъ изъ Калуги видимо довольный,—все сошло покойно; но еслибъ онъ могъ принять простой обликъ и стать, спустя нѣсколько часовъ, со мной у окна одного дома, мимо котораго проходили войска съ поля смотра, могъ взглянуть на нихъ, я увѣренъ, что царскій покой былъ бы надолго нарушенъ. Безпорядочные ряды солдатъ, въ запачканыхъ до колѣнъ сапогахъ, съ обвисшими и мокрыми отъ пролившаго дождя холщевыми мѣшками, съ длинными, нестриженными бородами, хмурые, понурые, шли врасбродъ по всей ширинѣ улицы, совершенно смѣшавшись съ толпой воющихъ и причитающихъ бабъ, провожащихъ ихъ загодя своими воплями; этого ужаснаго воя обездоленныхъ, этого отсутствія всякаго подъема, этого унылаго осенняго дождя, поливающаго спины и свернутыя знамена, этихъ пѣсенниковъ, бодрящихся не съ большимъ успѣхомъ, нежели ведомые на казнь, нельзя было созерцать безъ волненія. Зрѣлища это было, впрочемъ, для насъ, простыхъ смертныхъ; царя унесилъ великолѣпный поѣздъ, блиставшій огнями, уютный и покойный, туда, на сѣверъ, въ такую же уютную и покойную дѣтскую, гдѣ невинныя рученки тянулись къ нему довѣрчиво, не зная ни войны, ни покушеній, ни придворныхъ интригъ.

Войска ушли по своимъ мѣстамъ и дѣламъ, и вѣсти съ востока были плохи; наши калужане сумѣли лечь почти поголовно подъ Лаояномъ, безъ подъема духа, но вѣрные воинскому долгу, и въ деревняхъ новый поднялся вой, на сей разъ голодный вой оставленныхъ навсегда женъ и дѣтей. Во дворцѣ ничего не было слышно,—толстыя каменныя и живыя стѣны глушатъ голоса жизни пробивающіеся къ царю, и тѣмъ легче, что онъ начинаетъ реагировать на нихъ все слабѣе. Взрывается, напримѣръ, на порт-артурскомъ рейдѣ броненосецъ „Петропавловскъ"; надежда всего флота, адмиралъ Макаровъ, гибнетъ съ нимъ; лучшій баталистъ не богатой русской школы, Верещагинъ, идетъ ко дну съ сотнями другихъ жизней, и холодное море не

принимаетъ лишь тѣла в. к. Кирилла Владимировича, выбрасывая его для будущаго изгнанія заграницу. Общее уныніе, судьба Артура какъ бы предрѣшается. Въ этотъ день одинъ изъ генераловъ царской свиты, особенно отличаемый и бывшій впослѣдствіи короткое время товарищемъ мин. внут. дѣлъ, Рыдзевскій, исполнялъ обязанности министра двора, бывшаго въ отсутствіи. Онъ имѣлъ докладъ у государя послѣ трехъ часовъ дня, и искренне любя его, проклиналъ судьбу, пославшую ему такую тяжелую миссію; видѣть царя, глубоко потрясеннаго этой трагедіей, было ему очень больно. Оставалась нѣкоторая надежда на то, что докладъ будетъ отмѣненъ въ виду серьезности положенія, тѣмъ болѣе, что дѣла у Рыдзевскаго были пустыя. Въ три часа онъ спрашиваетъ по телефону дежурнаго флигель-адъютента о докладѣ, тотъ совѣтуетъ пріѣхать,—докладъ не отмѣненъ. Дѣлать нечего. Во дворцѣ генералъ узнаетъ, что царь на панихидѣ по Макаровѣ; этого еще не доставало,—теперь онъ навѣрно будетъ совершенно разстроенъ, сцена встрѣчи будетъ еще тяжелѣй. Но вотъ царь появляется на пути изъ церкви, въ морской формѣ и голубой лентѣ, съ беззаботнымъ видомъ беретъ за руку Рыдзевскаго и вводитъ его въ кабинетъ. Въ большія окна видны хлопья снѣга, медленно падающіе на покрытыя инеемъ деревья сада.

„Чудная погода,—говоритъ царь,—хорошо бы теперь поохотиться; вѣдь мы давно не были съ вами на охотѣ. Сегодня что у насъ, пятница? такъ поѣдемъ въ воскресенье, а?“.

Сбитый съ толка, растерявшійся генералъ скомкалъ коекакъ свои доклады и поторопился откланяться. Въ пріемной онъ нѣсколько задержался, а когда спускался по лѣстницѣ, окна которой выходили въ садъ, то увидѣлъ въ немъ Николая, стрѣлявшаго воронъ изъ комнатнаго ружья. Когда, вскорѣ послѣ этого, мнѣ попались на глаза записки Людовика XVI-го, отмѣчавшаго дни безъ охоты,—„Ничего не было“, хотя въ эти то дни революція и шагала впередъ, кровь лилась и тронъ трещалъ по всѣмъ швамъ, то невольно подумалось, что исторія повторяется, и даже до мелочей, Тяжелыя предчувствія легли на душу... Пусть не сбываются они! Вмѣстѣ со многими я отъ души хотѣлъ бы, чтобъ предсказаніе Серафима Саровскаго исполнилось по всей полнотѣ. Это любопытная исторія. Незадолго до открытія останковъ этого дѣйствительно почтеннаго монаха, царь приказалъ разыскать ему предсказаніе Серафима, о которомъ въ семьѣ Романовыхъ хранилось преданіе и которое по мнѣнію Николая, должно было находиться въ департаментѣ полиціи, этомъ универсальномъ архивѣ самодержавія. Кажется не тамъ, но нашли таки предсказаніе старца, записанное въ началѣ XIX

столѣтія какимъ то генераломъ и гласившее, приблизительно, слѣдующее:

„Начало двадцатаго вѣка: Кровопролитная война. Гладъ, моръ, трясеніе земли. Сынъ возстанетъ на отца и братъ на брата“. Царствованіе долгое. чуть не шестьдесятъ, помнится, лѣтъ; первая половина его тяжкая (очевидно въ виду вышеуказанныхъ бѣдствій), вторая долгая, свѣтлая и покойная.

Кто знаетъ, не считаетъ ли царскосельскій затворникъ и мистикъ, что кончилась первая половина и Россія вступаетъ въ полосу свѣта и успокоенія? Къ сожалѣнію, отъ насъ здѣсь въ Каменщикахъ, все таскаютъ, да таскаютъ людей въ Хамовническія казармы, давятъ, да давятъ!

Но думы царскія скрыты отъ насъ; подданнымъ предоставляется судить о направленіи ихъ лишь по словамъ, произносимымъ въ оффиціальныхъ случаяхъ, и по тѣмъ отмѣткамъ на министерскихъ докладахъ и годовыхъ губернаторскихъ отчетахъ, о которыхъ свѣдѣнія идутъ уже окольными путями. Эти слова и помѣтки немногочисленны и едва ли по нимъ можно составить себѣ вѣрное представленіе о томъ, что лежитъ въ основѣ темперамента Николая, что онъ думаетъ о Россіи, о революціи, о реформахъ, которыя пришлось наконецъ, обѣщать послѣ разгрома.

Если изъ „собранія рѣчей императора Николая II-го“ конфискованное за нѣсколько прозрачное, излишне тонкое предисловіе, откинуть однообразные тосты на полковыхъ праздникахъ, то останется лишь вотъ какое содержаніе:

1895 годъ.

Рѣчь 17 января, къ делегаціямъ: „Я радъ видѣть представителей всѣхъ сословій, съѣхавшихся для заявленія вѣрноподданническихъ чувствъ. Вѣрю искренности этихъ чувствъ, искони присущихъ каждому русскому. Но мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтами объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному. буду охранять начало самодержавія такъ же твердо, — и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный родитель“.

1896 годъ.

Въ рѣчи, въ дни коронованія, къ волостнымъ старшинамъ, царь напомнилъ о словахъ своего отца, сказанныхъ въ 1883 году, — „Слѣдуйте совѣтамъ и руководству вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ и перетолкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзкахъ и т.

под. Эти слухи распускаются нашими врагами. Всякая собственность, такъ же какъ и ваша, должна быть неприкосновенна", — а дворянамъ сказалъ, между прочимъ: „Не сомнѣваюсь въ томъ, что дворянство всегда будетъ, какъ оно и было, опорою престола и искренне цѣню полезное и безкорыстное участіе дворянства въ мѣстныхъ дѣлахъ. Мнѣ извѣстно трудноо время, переживаемое помѣстнымъ дворянствомъ. Будьте спокойны, я не забуду его нужду въ моихъ заботахъ о преуспѣяніи нашего дорогого отечества".

1898 годъ.

Рѣчь къ московскому дворянству. „Благодарю васъ за выраженныя чувства. Мнѣ особенно отрадно слышать ихъ сегодня, когда вся Россія вспоминаетъ великій подвигъ моего дѣда, столь необходимый для блага Россіи. Онъ совершилъ его такъ смѣло и осуществилъ такъ мирно и благополучно, благодаря самоотверженному и безкорыстному содѣйствію дворянства. Я и Россія это помнимъ, и исторія занесетъ этотъ подвигъ на свои скрижали золотыми письменами".

1902 годъ.

Рѣчь послѣ аграрныхъ волненій въ полтавской и др. губ., къ курскимъ старостамъ: „Виновные понесутъ заслуженное наказаніе, а начальство съумѣетъ, я увѣренъ, не допустить на будущее время подобныхъ безпорядковъ. „Затѣмъ, снова напоминая слова Александра III го о предводителяхъ, царь велѣлъ передать односельчавамъ собравшихся о томъ, что „дѣйствительные ихъ труды" онъ не оставитъ своимъ попеченіемъ.

Рѣчь къ бурятской депутаціи, надѣявшейся на отмѣну закона, совершенно разорившаго ихъ, о внезапномъ переходѣ изъ кочевого въ осѣдлое состояніе:

„Передайте имъ (бурятамъ на мѣстѣ), что я внимательно выслушалъ ваши слова о тревожномъ настроеніи, переживаемомъ бурятами вслѣдствіе установленія новаго закона объ устройствѣ ихъ быта. Этотъ законъ, закрѣпляющій осѣдлый строй жизни бурятъ взамѣнъ кочевого, ставшаго несовмѣстимымъ съ экономическими интересами прочаго населенія Сибири, вызванъ государственнымъ ростомъ русской державы и отмѣнѣ не подлежитъ. Вы должны примириться съ временными невыгодами, которыя, можетъ быть, вызоветъ для представителей бурятскихъ родовъ примѣненіе новаго закона, и помнить, что мнѣ дорого благо всѣхъ моихъ подданныхъ бурятъ, независимо отъ существующихъ между ними родовыхъ различій. Передайте также бурятскому населенію, что велѣнія мои исполняются лицами, облеченными моимъ довѣріемъ, и что къ нимъ поэтому

оно должно обращаться за разъясненіями новаго закона. Прощайте, я васъ не забуду".

1903 годъ.

Рѣчь къ московскому дворянству: „...благодарю васъ за вашу гостепріимную и роскошную трапезу. Намъ доставило сердечное удовольствіе вновь посѣтить ваши гостепріимныя стѣны и снова принять отъ васъ пасхальный завтракъ, какъ три года назадъ"...

Въ томъ же году, по высочайшему повелѣнію въ комитетъ министровъ былъ внесенъ отчетъ псковскаго губернатора. Въ отчетѣ, между прочимъ, объясняется, что являющійся въ настоящее время просвѣтителемъ народа школьный учитель, вышедшій въ большинствѣ случаевъ иза крестьянской или мѣщанской среды и пробывшій нѣсколько лѣтъ въ учительской семинаріи, по возвращеніи своемъ въ деревню, получая за свой трудъ въ большинствѣ случаевъ не больше трехсотъ рублей въ годъ, сразу же становится въ неопредѣленное положеніе человѣка, оторваннаго отъ своей среды и не обладающаго достаточными средствами для поддержанія общенія съ тою, съ которою, по развитію, считаетъ себя связаннымъ. На этомъ докладѣ отмѣтка: „Желалъ бы видѣть побольше учительницъ въ народныхъ школахъ".

1904 годъ.

Въ одной изъ напутственныхъ рѣчей къ солдатамъ царь снова упоминаетъ о японцахъ: „Помните, что врагъ вашъ храбръ, смѣлъ и хитеръ... Я хочу благословить васъ... иконою святого преподобнаго Серафима Саровскаго чудотворца, да будетъ онъ молитвенникомъ за васъ и да сопутствуетъ вамъ"...

Въ другой рѣчи, въ Москвѣ, онъ сказалъ: „Увѣренъ, что наши побѣдоносныя войска вернутся озаренныя славою побѣдъ, какъ того искренне желаютъ всѣ истинно-русскіе люди".

Конецъ 1-й части.